

Мишель Пессель Путешествия в Мустанг и Бутан

«Путешествия в Мустанг и Бутан»: Мысль; Москва; 1978

Аннотация

Мишель Пессель — французский географ и этнограф — совершил путешествия в малоизвестные государства Мустанг и Бутан, затерянные в высочайших горах Земли — Гималаях.

М.Пессель знакомит читателя с природой и людьми, живущими в высокогорье, с их историей, нравами, обычаями. Читатель вместе с автором побывает в Мустанге и Бутане, перенесется не только за десятки тысяч километров, но попадет и в другую историческую эпоху.

Мишель Пессель
Путешествия в Мустанг и Бутан

Мустанг

Пики и статус-кво

Здесь обитель богов, и сюда тысячелетиями шли умирать жрецы, монахи и мудрецы.

Много веков Гималаи привораживают людей, но и сегодня их величественные вершины окутаны покровом тайн.

Полгода прожил я в непальской столице под сенью Гималаев. Весной облака над городом расступились, явив сверкающий на солнце континент вечных снегов, что вытянулся на 3 тысячи километров через всю Азию. Прикрыв глаза рукой, я глядел поверх пагод Катманду на умопомрачительный белый барьер. Взгляд цеплялся за острые пики, а воображение бежало дальше, дальше, как это случалось со многими до меня и, наверное, будет после. Где-то там рисовались затерянные горизонты, неведомые страны. Они ждали меня...

23 апреля 1964 года меня разбудили стуком в дверь бунгало. Было пять часов утра; сбросив с себя одеяло, я вдруг сообразил, что настал долгожданный день. Стало как-то боязно.

За окнами светлело. Быть может, в последний раз просыпаюсь я в таком комфорте. Жена тоже встала. Хотя она ждет ребенка, ей непременно хочется проводить меня на самолете до крохотного городка Покхара, откуда, собственно, и начнется мое путешествие.

Вскоре шарканье подошв по полу оповестило о прибытии Калаая. Выглядел он довольно нелепо: лукоподобные ноги тонули в широких белых брюках, спадавших на высокие горные ботинки, сверху красовалась клетчатая рубаша канадского лесоруба и ярко-розовый пуловер из гардероба моей жены. Впрочем, с утра любое грандиозное начинание выглядит до странности нелепым. Калай значился поваром и сирдаром (главой носильщиков), но пока был единственным человеком во всей долине Катманду, согласившимся участвовать в моей экспедиции. Если, конечно, она состоится.

Комнаты бунгало выглядели камерой хранения автобусной станции: два громадных кофра из белой жести соседствовали с деревянными ящиками, которые мы с Калаем заколотили накануне; по полу разбросаны рюкзаки, к столу привалена ивовая корзинища, набитая кастрюлями и пластмассовой посудой.

Через несколько минут после прихода Калаая в дверь тихонько постучался Таши. Этот был в щеголеватых узких брюках из темной материи и в безупречно белой рубашке — в таком виде он собирался лезть на Гималаи.

Я все время пытался представить, какова будет совместная трехмесячная жизнь с Таши. Говорил он только по-тибетски. Что же до Калаая, то на него особенно рассчитывать не приходилось.

С Калаем нас связывало давнее знакомство. В 1959 году, когда я путешествовал в районе Эвереста, Калай показал себя проворным и честным помощником. Верность и отвага вообще характерны для племени таманг, к которому он принадлежит; думаю, Калай дал бы себя убить, защищая меня. Но сейчас, пять лет спустя, он сильно изменился: стал каким-то чванливым и заносчивым. Кроме того, ему исполнилось 27 лет (как и мне), и, по здешним понятиям, он был стар. Жена умоляла меня найти кого-нибудь другого, но в Катманду не нашлось больше охотников сопровождать меня.

Снаряжение и ящики погрузили в два «джипа», и под рев моторов мы вылетели со двора отеля «Роял» на улицу. Сунув руку в карман, я еще раз нащупал листок бумаги — драгоценный документ, стоивший мне шести месяцев хлопот; это был выправленный по всей форме пропуск, разрешавший мне посетить на свой страх и риск территорию Мустанг.

Я мог гордиться: мне первому из европейцев предоставили возможность свободно бродить по Мустангу. А услышал я об этом затерянном королевстве совершенно случайно. В Катманду знали лишь, что въезд туда запрещен и что земли королевства начинаются за массивами высочайших в мире горных вершин Аннапурны и Дхаулагири.

На карте Мустанг выглядел полуостровом площадью около 1200 квадратных километров. С остальной частью Непала Мустанг соединяла одна-единственная дорога; судя по отметкам, это самое «высокопоставленное» в мире королевство: средняя высота его превышает 4 тысячи метров над уровнем моря.

Первое упоминание о Мустанге, которое мне удалось разыскать в английской

литературе, относится к 1793 году. Правда, была еще строчка в письме, отправленном из Индии одним капуцином в 1759 году; он сообщал, что прослышал о «королевстве Мустанг, независимом от Лхасы, но лежащем в пределах Тибета». Первое авторитетное свидетельство привез В. Дж. Киркпатрик, англичанин, открывший Европе Непал. Он писал в своей книге, что река Кали-Гандак, «по слухам, течет на север от Мукти и начинается в Мустанге». И добавлял: «Мустанг — важное место в тибетских горах». Девять лет спустя, в 1802 году, Ф. Бьюканан рассказал о «тибетском графстве Мастанг», которым правит «вождь бхотов, именуемый раджой». Название «Мастанг», или «Мустанг» (как пишут с 1852 года), в дальнейшем время от времени появляется в литературе, причем все информаторы подчеркивают независимый статус «короля», или «раджи», Мустанга.

Но вот диво: лишь 159 лет спустя после упоминания Киркпатрика — в 1952 году — туда добрался первый европеец. Им оказался швейцарский геолог Тони Хаген, долго путешествовавший по Гималаям. «Княжество Мустанг никоим образом нельзя считать самостоятельным», — заявил он.

Что же такое Мустанг? Есть там король или нет? Где проходят в точности его границы? В 1964 году на эти вопросы никто не мог дать мне ответа. Вскоре после посещения Тони Хагена вследствие политических осложнений район был объявлен запретной зоной. Поистине чудо, что мне выдали правительственный пропуск на длительное пребывание там. Немалому числу альпинистов, исследователей и именитых этнографов пришлось возвращаться ни с чем.

Правда, разрешение еще не гарантировало успеха предприятию...

Когда все началось? Охота к перемене мест, мне думается, родилась от монотонной и слишком размеренной жизни в английском графстве Хертфордшир, где из диких животных водились лишь мыши да воробьи. Я рос, мечтая стать храбрым рыцарем, которому уже никто не посмеет указывать: «Отойди оттуда, запачкаешься». Не удивительно, что в результате подобного воспитания меня привлекали как раз те вещи, которыми «глупо заниматься». Так, я выучил тибетский и отправился пешком в Гималаи. Ну а запретное королевство Мустанг влекло меня прежде всего своей запретностью.

Правда, до этого было многое. Был парижский полдень, когда, удрав с лекции на факультете права, я случайно набрел на пыльную лавку букиниста рядом с церковью Сен Сюльпис. Я зашел в нее без всякой цели, просто так. Только когда за спиной звякнул дверной колокольчик, я понял, что попал в магазин восточной книги. Восток? Он заключался для меня в избитом определении «таинственный», да еще в китайских вазах и статуэтках.

— Что вам угодно? — раздался надтреснутый голос букиниста мсье Превуазена.

Растерявшись и не зная, что ответить, я вдруг сказал, что ищу тибетскую грамматику. Кстати, тогда я не был уверен в существовании тибетской письменности и заранее рассчитывал на отрицательный ответ.

Велико же было мое удивление, когда милый мсье Превуазен полез в темный угол своей лавки, выволок оттуда лестницу и, прежде чем я успел выскочить на улицу, протянул мне маленькую зеленую книжицу. Сэр Чарлз Белл — «Грамматика разговорного тибетского языка».

— Эта подойдет?

— Как раз ее я и искал, — ошарашено пробормотал я.

С тех пор я потерял солидное количество ручных часов, штук двадцать зажигалок и все подаренные или купленные мною авторучки. Вообще моя забывчивость стала в семье притчей во языцех. Но «Граматику» Белла я берег как зеницу ока. Она ездила со мной повсюду и всплывала в самые неожиданные моменты жизни. В конце концов я принялся читать ее.

Поначалу мне просто было приятно щегольнуть парой тибетских фраз перед знакомыми девушками. Фразы звучали так: «Почистите все бронзовые украшения» и «Монахи стали лениться». В остальном белловская «Грамматика» являла собой замечательный продукт британского колониализма. Чего стоит, к примеру, последний абзац

книги: «У британского правительства нет других целей, кроме поддержания статус-кво».

Статус-кво! Какое всеобъемлющее выражение!

Постепенно я начинал понимать, что на свете существует «глупость», которую я непременно должен совершить, а именно отправиться в Тибет. Мысль созрела окончательно, когда меня отправили в Америку учиться в школе бизнеса при Гарвардском университете. Науки, которые я должен был там штудировать, были весьма далеки от чистки бронзовых украшений и упреков ленивым монахам.

Но я возненавидел статус-кво.

Случай свел меня в Нью-Йорке с Тангстером Римпоче, старшим братом его святейшества далай-ламы. Сидя рядом в такси, катившем по Второй авеню, я испробовал на нем несколько фраз, почерпнутых у Белла. Потом, к вящему удовольствию моего высокопоставленного знакомого, я принялся считать по-тибетски до десяти. Услышав это, шофер такси повернулся и в свою очередь просчитал до десяти по-немецки с сильным бруклинским акцентом.

— Я тоже из Старого Света! — гордо сказал он.

Брат далай-ламы чуть усмехнулся. Старый Свет... Тибет — колыбель одной из древнейших цивилизаций на свете, которая существует и поныне.

В тот день я проникся отвращением к такси и воспылал любовью к караванам.

В Штатах кроме брата далай-ламы оказался еще один тибетец, с которым я начал заниматься языком. Это был миниатюрный семнадцатилетний юноша, сын министра.

Однако мысль о путешествии в Гималаи пришлось вскоре оставить. Разглядывая атлас, я обнаружил в нем королевство Бутан, пребывавшее в гордой изоляции и не имевшее ни с кем дипломатических отношений. Сердце у меня радостно забилося: вот куда следовало направить стопы!

Самолет доставил меня в Индию, где я узнал, что в Бутан попасть не удастся.

Мое отчаяние немного развеялось, когда я встретил в Калимпонге покорителя Эвереста шерпу Тенсинга. После разговора с ним я решил отправиться с товарищем — Аленом Тиолье — в район Эвереста, чтобы провести там антропологическое изучение шерпов.

Все. Гималаи приворожили меня, как это случилось со многими, чьей мечтой стало вернуться сюда еще и еще раз.

Три года спустя, преисполненный оптимизма, я вернулся в Катманду с женой. И вот после шестимесячного ожидания первая большая удача — разрешение на длительное пребывание в отдаленной провинции Непала — Мустанге...

Первым этапом на пути к Мустангу стал городок Покхара в центре Непала. Долина казалась зеленой от недавно посеянного риса, красные кирпичные домики, покрытые соломой, выглядели брызгами на этом фоне. Покхара встретила запахом свежести и горного приволья. Был базарный день, на улицах много народа, Крестьяне в белых брюках и черных пилотках, женщины с золотыми кольцами в ноздре, звонкоголосые детишки, быки и лошади смешались в пеструю толпу.

Наш багаж погрузили на скрипучую телегу, и мы двинулись к центру города. Уже у самой цели Таши вдруг дернул меня за рукав и головой указал на троих мужчин. То были солдаты племени кхампа. Нет, они не шли, а неторопливо плыли, раздвигая толпу. Каждый вел в поводу крупную лошадь под седлом, отделанным серебром и крытым ярким ковром. Ростом кхампа были не меньше одного метра восьмидесяти сантиметров, так что невысокие непальцы не доходили им даже до плеча.

Солдаты-кхампа были обуты в громадные ботинки, просторные одежды цвета хаки при каждом шаге хлопали, как удары бича. Как и у всех тибетцев, походка их была тяжелой — походка людей, привыкших к горам. Но в отличие от тибетцев из района Лхасы лица кхампа были не монголоидными, а с прямым разрезом больших глаз, поставленных близко к орлиному носу; длинные заплетенные косы обмотаны вокруг головы. Во всем их облике чувствовались достоинство и гордость. Цитирую «Грамматику» Белла: «Кхампа — самое храброе племя тибетцев».

Они прошли мимо, не удостоив нас взглядом.

Протащившись пол-Покхары, запряженная быками телега свернула в боковую улицу и вскоре выехала на зеленую лужайку перед вместительным домом в восточном стиле с оштукатуренным фасадом. Дом принадлежал семейству Сершанов. У меня было рекомендательное письмо от брата короля Непала принца Басундхара к этой знаменитой по всему краю купеческой семье. Сершаны своего рода венецианцы южных склонов Гималайских гор, только они снаряжают не суда в заморские страны, а отправляют караваны с товарами по крутым тропам. Вообще-то их дом находится в Тукуче, довольно большом селении, отсюда в шести днях пути на север. Тукучу называют воротами Непала в Центральную Азию, и Сершаны, как я надеялся, помогут нам пройти через них.

Слуга ввел в просторную гостиную, где меня встретил приземистый быстроглазый мужчина. Поздоровавшись, он пригласил присесть возле его подушки.

— Вы собрались в долгое путешествие? — вежливо осведомился хозяин.

— Да, в Мустанг, — ответил я.

Молчание.

— Путь тяжел и неблизок, — заметил после паузы Сершан и добавил, что недавно в Мустанге нашли двух застреленных торговцев. — Дорога стала очень опасной, — продолжал Сершан. — Я могу только самым искренним образом посоветовать вам отказаться от намерения.

Все это, конечно, настраивало не на веселый лад. Я поспешил переменить тему и спросил, можно ли найти в Покхаре носильщиков, согласных отправиться с нами.

— Что вы, что вы! — замахал руками Сершан. — Носильщиков до Мустанга вам не найти. Место это расположено слишком высоко. Там жутко холодно, люди могут не выдержать.

Самое лучшее, закончил Сершан, коли мне так уж необходимо попасть в Мустанг, — это дожидаться его каравана с грузом соли из Тукучи. Погонщики захватят нас, а в Тукуче, если повезет, можно раздобыть яков.

Я поблагодарил и ответил, что мы, пожалуй, все же попытаемся сами отыскать носильщиков.

Калай разбил палатку перед домом Сершана, и мы провели нашу первую ночь по-походному. Утром отправились на базар, где я купил недостающие вещи: керосин для ламп, два компаса и несколько шариковых ручек. Теперь, как мне представлялось, мы были полностью оснащены.

Вернувшись к палатке, мы застали Калая в очередном приступе меланхолии. Выражалась она в том, что Калай вдруг разуверился в своих силах и потребовал, чтобы ему наняли помощника повара. Просьба, на мой взгляд, была совершенно необоснованной: ведь ему предстояло готовить лишь на двоих, не считая собственной персоны. К тому же по прибытии в Мустанг я рассчитывал нанять человека, знающего местные условия. Но Калай, избалованный в предыдущих больших экспедициях по Гималаям, не унимался. Он сказал, что бхоты (тибетцы) не умеют готовить, зато у него здесь есть друг Канса, безусловно подходящий для роли помощника. Оба они из одной деревни.

По слабости характера я уступил. Но когда передо мной предстал земляк Калая, я вздрогнул. Это был худющий человек лет сорока пяти, в набедренной повязке, с изнуренным лицом, одноглазый. Как он сможет идти по горам?

Однако слово сказано, и Канса стал декоративным украшением нашей группы в ранге помощника повара, а при необходимости и носильщиком. Я заметил, что в Мустанге, среди снегов, ему, пожалуй, будет холодно. Калай живо уцепился за эту мысль и сказал, что помощнику совершенно необходимо купить одежду. В новом обмундировании Канса стал выглядеть приличнее. Впрочем, справедливости ради, скажу, что я ни разу не пожалел впоследствии, что Канса пошел с нами.

Теперь предстояло найти носильщиков. Часам к четырем благодаря бешеным стараниям Калая у нашего лагеря появилось несколько человек. Они пришли с базара и

производили впечатление «тертых парней», во всяком случае они никак не напоминали обычно молчаливых и аккуратных носильщиков. Предчувствие меня не обмануло.

Всего их было шестеро, а так как у нас было десять мест, я попросил Калая найти еще четверых. Однако типы с базара тут же согласились взять двойной груз, запросив, правда, совершенно несусветную цену — от 12 до 15 рупий в день, в четыре раза больше обычной платы носильщика в Катманду. Пришлось согласиться, хотя я и не представлял себе, как они потянут такой груз. Самый тяжелый тюк весил 55 килограммов, а до Тукучи добрых шесть дней пути. Я выдал им аванс, и мы расстались, договорившись, что носильщики вернутся завтра на рассвете.

Вечером я прошелся по базару с Таши. Мы говорили по-тибетски, и мне уже казалось, что я всегда только и разговаривал на этом языке. Прежний мир растворился в небытии, насущными были заботы и хлопоты текущего дня. Я поделился сомнениями с Таши — удастся ли нам затеянное?

Таши ответил уклончиво.

— Что ты думаешь о Кансе?

— Ничего не думаю.

— Но, по-твоему, это славный человек? — изменил я вопрос.

— Не знаю. Мы с ним раньше не виделись, — упорно держался Таши.

— Как ты считаешь, мы ничего не забыли?

— Не знаю. Это твоя забота.

Интересно, добьюсь я какого-нибудь ответа? В конце концов Таши сделал мне выговор:

— Что ты все время спрашиваешь — как я считаю, что я думаю. Мы, тибетцы, не думаем. Как можно думать о том, чего не знаешь!

Это был первый преподанный мне урок фатализма. Зачем беспокоиться, если события еще не наступили?

На следующий день, однако, оказалось, что тревога снедала меня не напрасно. К десяти часам утра носильщиков еще не было. Пробило одиннадцать, когда они появились и затеяли перебранку о грузах и о цене. В конце концов с каждым пришлось сговариваться в отдельности в зависимости от величины и веса тюка. В полдень носильщики, Канса и Калай высыпали на главную улицу, ведущую через базар на север, и вскоре скрылись из виду. Я же остался с Таши отобедать у Сершана.

Час спустя мы тоже выступили в путь. Проходя через базар, где на нас никто не обратил внимания, я пожалел, что выход в путь не был обставлен более грандиозно.

Столь же скромно и незаметно мы прошли мимо полевого госпиталя, где хозяйничал врач-европеец. Я посмотрел на него с нежностью: быть может, это последнее знакомое лицо, которое я встречу в пути. Я оставлял позади не только западную цивилизацию — я нырял в другую эпоху, углублялся в неведомый район высочайших на свете гор. Отныне ни «Грамматика» Белла и никакая другая книга не могли мне помочь.

Если бы, подобно Таши, я мог не думать о будущем!

...Мы шли через пригород, как вдруг я увидел подозрительно знакомую кучу ящиков, корзин и снаряжения, лежащих на обочине. К своему ужасу, я убедился, что это были мои вещи. Они валялись в придорожной пыли, и никто их не охранял.

Где же Калай? Где Канса? Где носильщики?

Ответ я получил полчаса спустя, когда, широко улыбаясь, появились мои люди. Они сказали, что остановились «перекусить»...

Мне бы хотелось описать первый день похода из Покхары в героических тонах. Увы, это не отвечало бы истине. Он не был похож на стремительный марш-бросок. Носильщики ползли со скоростью улиток, и я не мог их упрекнуть, поскольку сам нес в руках только шляпу.

Когда ноги стали гудеть и в голове надсадно застучала мысль о такси, я просто сел на обочину, раздавленный мыслью, что это только начало; все перевалы еще впереди, а

расстояние, которое мы прошли туда, придется одолевать и обратно. С тайной надеждой я спросил Таши, не устал ли он, — тогда было бы легче переносить боль в собственных ногах. Тот коротко ответил: «Нет. С чего бы?».

Солнце прожигало насквозь, и мне понадобились стоические усилия, чтобы любоваться пейзажем. Он не изменился со времен Марко Поло.

— Кипо ре (красиво)? — окликнул я Таши.

— Шита кипо (очень красиво), — ответил тот с улыбкой.

Мы завели разговор о дороге, о нашем маленьком караване, потом перешли на «жизнь вообще».

Таши считал свое нынешнее существование из рук вон плохим. Он верил в перевоплощения душ и полагал, что прожил уже несколько более удачных жизней, но эта с самого начала оказалась несчастной.

Таши воплотился 21 год назад в деревне шерпов амдо. Семья его исповедовала религию бон, одну из древнейших в Центральной Азии; она зародилась задолго до появления Будды. В основе религии бон лежат многочисленные мифы и верования в колдовство и магию, которые были распространены не только в Азии, но и в дохристианской Европе.

Однажды, гуляя по узеньким, замощенным кирпичом улочкам непальской столицы, я обратил внимание на крохотное кафе, в котором собирались тибетские беженцы. Я зашел туда, дабы испытать действенность моих американских уроков и чтения Грамматики Белла.

В полутемной комнате, отделенной от улицы занавеской, за низкими деревянными столиками сидели тибетцы. На некоторых были классические халаты темно-бордового цвета и высокие сапоги, на других — куртки с множеством молний, на третьих — западная одежда по тогдашней непальской моде. Там я познакомился с Таши. Мы сразу же подружились. Много вечеров мы провели за маджонгом в кафе, ставшем, как я выяснил, главным местом встреч шерпов амдо. Таши знал немного хинди, и поначалу беседы наши проходили скованно. Но постепенно я научился бегло говорить по-тибетски, и все стало на свои места.

А когда через полгода хлопот я получил долгожданное разрешение на поход в Мустанг, выяснилось, что мой старый друг антрополог не может сопровождать меня, и я остался один. Тут-то Таши и вызвался стать моим спутником. Его мать категорически возражала против дальнего путешествия. Что ж, ее волнение можно было понять: потерять мужа, расстаться бог знает насколько с младшим сыном и теперь провожать в опасный путь старшего — это уж слишком!

Но Таши крепко стоял на своем.

Мустанг — настолько маленькая область, что для нее не нашлось места даже в Британской энциклопедии. Тамошнего короля индийцы называют раджой, но подлинный его титул — Ло гьялпо («гьялпо» — по-тибетски «король», а «Ло» — местное название Мустанга). Вполне возможно, там не окажется ничего интересного, кроме нескольких заброшенных деревень. Но с другой стороны, есть шанс открыть мир, само существование которого долго ставилось под сомнение.

Мы шли, окруженные запахом мокрой глины и таинственными тенями, сгущавшимися в сумерках. Я спросил Таши: «Ты боишься смерти?» К большому удивлению, он рассмеялся:

— Так или иначе, все ныне живущие через девяносто девять лет умрут.

И добавил:

— Выходит, всем им бояться?.. Никто не знает, почему он явился на свет и почему умрет.

Подобный философский подход не мешал Таши бояться превратностей судьбы, особенно после всего, что выпало на его долю. Мы условились, что он будет выдавать себя за непальского шерпу, из которых обычно набирают носильщиков для гималайских экспедиций. Комизм ситуации заключался в том, что прилегающий к Эвересту район — предполагаемую «родину» Таши — хорошо знал я, тогда как он не ступал туда ногой.

Наша маленькая группа никак не походила на хорошо оснащенные экспедиции,

которые обычно отправляются покорять вершины или исследовать отдаленные районы Гималаев. Но нехватку снаряжения и людей, я надеялся, мне заменит знание тибетского языка. Если только достанет сил на нем разговаривать...

Пройдя несколько километров по сухому каменному ложу когда-то бурного потока, мы начали подъем. Это была бесконечная гигантская лестница, ступени которой были выдолблены в скале и отполированы босыми ногами бесчисленных носильщиков, паломников, воинов и купцов. Я хватал ртом воздух и со стороны, вероятно, выглядел весьма неважно, потому что Таши спросил, нет ли у меня «газовой болезни», начинающейся на большой высоте.

— Не глупи, — сказал я, тяжело дыша. — Просто устал немного.

— Попробуй пососать гальку, — посоветовал Таши (это было древнее лекарство шерпов амдо против высотной болезни).

Было уже совсем темно, когда мы ступили на узкую, вымощенную булыжником улицу. То было селение Нодара.

На следующее утро, еще затемно, в густом тумане, под дождем мы продолжили свой путь наверх. Мы шли на запад все выше и выше, пробиваясь к великому торговому пути в Тибет. Вокруг скользили неясные тени, пахло мокрой глиной и дымом. А вот и перевал. Я успеваю немного растереть гудящие икры, и мы начинаем спуск. Нашей целью было местечко под названием Хилле.

Дорога вниз заняла четыре часа. Тропа, извиваясь, все глубже зарывалась в зеленый ад. Я с тоской смотрел на спины впереди идущих. Каждый шаг означал, что скоро нам придется опять ползти вверх.

Наконец спуск прекратился. Воздух на дне ущелья был горячим, как в тропиках.

Перевалив через невысокий холм, мы очутились на месте. Хилле — не город и не деревня, просто стоянка, расположенная в котловине, от которой террасами поднимаются склоны. Вдоль дороги стоят три хижины, сооруженные из плетеных бамбуковых матов. Все три, как мы вскоре выяснили, были харчевнями, построенными здесь жителями Тукучи — тхакали. Этот город стоит на полпути между Покхарой и столицей Мустанга — Ло-Мантангом.

Внутри хижины на земляном полу лежали вокруг очага чистые циновки. Тут же сверкали надраенные латунные горшки и кружки. Пухленькая, приятного вида женщина приветствовала нас у порога. Она говорила по-тибетски, как почти все тхакали. У огня уже сидел один путник, перебрасываясь с хозяйкой шуточками. Мы устроились рядом и первым делом спросили, есть ли у нее ракша (рисовая водка) или чанг (тибетское пиво).

Выпив две большие кружки теплой ракши, способ приготовления которой я по некоторым причинам твердо решил не уточнять, мы почувствовали себя гораздо лучше. Да и мой тибетский язык после ракши значительно улучшился.

Нам подали еду: рис и дхала — безвкусную отваренную чечевицу, приправленную, как обычно, перцем карри. Позавтракав, я вышел поговорить с караванщиками, которые чинили упряжь. Но люди попались молчаливые, и я вскоре вернулся в бамбуковое убежище.

Наутро мы выступили, держа курс по-прежнему на запад через перевал на высоте 3560 метров. Дорога шла через два раскачивающихся мостика, причем один вид их, скрипящих под ветром, внушал серьезные опасения в благополучном исходе предприятия. Один носильщик, самый молодой, ступая на мостик, каждый раз закрывал глаза от страха, так что пришлось вести его под руки.

Начался подъем. Носильщики были безнадежны; один из них сильно хромал, и сердце у меня в буквальном смысле разрывалось надвое: с одной стороны, я был полон искреннего сочувствия, с другой — понимал, что не поторапливаться нельзя.

Мы вошли в густой лес; ели были окутаны гирляндами мхов, словно украсились для встречи рождества или духа, летевшего с Валгаллы под вагнеровскую мелодию. Пожалуй, здесь следовало остановиться на ночлег. Мне не хотелось проявлять «твердость» британских полковников киплингеского толка, которых я ненавижу всем сердцем, и гнать людей

дальше.

При свете фонарей поставили палатки и, несмотря на сеявший дождик, разожгли огонь. На занавесях мхов заплескались отблески. Не успел я задать себе сакраментальный вопрос «что делать?», как Таши показал мне кровавую ссадину на ноге. Немедленно я превратился в «сахиба доктора», и сделал ему по всем правилам перевязку. Появившийся Калай важно объявил, что на ужин будут пельмени.

— Откуда пельмени? Мы же...

— Я умею делать пельмени из муки. Меня научил один швейцарец.

Так под секущим дождем на высоте двух с половиной километров я постиг секрет изготовления пельменей, а Калай, раскатывая тесто на моем металлическом кофре, объяснял на смеси тибетского, непальского и английского, что дело это очень непростое. Будь я настоящим английским полковником, я бы пожаловал Калаю орден Британской империи «за твердость и настойчивость, проявленные на посту в трудных условиях», ибо пельмени вышли божественные...

Наутро лес потерял свою таинственность и сделался солнечным и веселым. На рыжих стволах цвели рододендроны, а опавшие лепестки устилали дорогу ласковым ковром. Мы выходили на перевал, который богобоязненные путешественники устали молитвенными флагами и каменными пирамидами.

С перевала открывался вид на уже близкий белый массив Аннапурны. Гигантский ледяной монумент вознесся на 8 тысяч метров. Я упал духом: как же мы пройдем этот немислимый барьер?

От мрачных раздумий меня оторвали пронзительные вопли обезьян, разбойничавших на кукурузном поле. Дети и старики защищали урожай, стуча палками по кастрюлям, и грохот тысячеголосым эхо уносился к снегам Аннапурны.

Под этот аккомпанемент отставшие носильщики выбирались наверх. Взглянув на Аннапурну, они заявили, что дальше не пойдут... Несмотря на все навыки, приобретенные в Гарвардской школе бизнеса, мне не удалось уговорить их. Трое категорически потребовали расчета. Трое остались, но сказали, что дополнительный груз они не потащат.

Да, сакраментальный вопрос «что делать?» возник вовремя. Оставалось сидеть и любоваться на свой багаж.

Так мы и сидели, пока на тропе не показалась шумная группа непальцев. Калай немедленно приступил к делу и, используя свой неотразимый дар красноречия, убедил одну девушку, ее брата и жениха присоединиться к нам. Все равно ведь по дороге, так не лучше ли заработать хорошие деньги — таков был ход Калай, и он возымел действие.

Молодые непальцы распределили между собой багаж. Девушка была очень маленькая и нежная; в Европе отметили бы ее хрупкую красоту, а здесь, в горах, она выглядела просто анемичной. Но — в Риме надо петь с римлянами, и я зачислил в штат каравана всех троих.

...Только к десяти часам на следующее утро, то есть на пятый день пути, мы спустились на дно ущелья Кали-Гандак. Уши заложило от рева бешеного потока. Священная река неслась, оставляя клочья пены на уступах, и вид ее вселял радость: Кали-Гандаку предстояло стать нашей путеводной нитью. Следуя вдоль ее извилистого русла, мы попадем на плато, где располагается Мустанг.

Этим путем на Главный Гималайский хребет двигались все экспедиции, в том числе и французская, покорившая в 1950 году Аннапурну. Упомяну также профессора фон Хаймендорфа из Лондонской школы востоковедения, который прожил год в Тукуче, изучая культуру и обычаи народности тхакали. Он оказал большую помощь в подготовке моей экспедиции.

Для миллионов индийцев Кали-Гандак — священная река. Ежегодно сотни паломников спускаются в ее ущелье, чтобы, обогнув массив Аннапурны, выйти к святилищу Муктинатх, лежащему в двух сутках пути на северо-восток от Тукучи. Маленькое святилище Муктинатх пользуется колоссальной известностью в индуистском мире: там в крохотном храме можно видеть три нерукотворных чуда — горящий камень, горящий источник и горящую землю.

Они горят вот уже несколько веков, и, хотя сейчас мы знаем, что причиной феномена являются горючие газы, научное объяснение не уменьшает его популярности. Не менее известны салеграми — священные камни русла Кали-Гандака. Эти органические окаменелости ценятся дороже золота, ибо им приписывается чудодейственная сила.

Ущелье Кали-Гандак представляет необыкновенный интерес и для тех, кто не верит в чудеса. Говоря языком статистики (а она производит наибольшее впечатление на современных жителей), это «самый глубокий на Земле каньон»; его глубина намного превосходит знаменитый Колорадский каньон и грандиозный водопад на реке Замбези. Кали-Гандак бежит по так называемой Большой Гималайской щели между массивами Аннапурны и Дхаулагири. Обе вершины вертикально вздымаются над рекой на 5 тысяч метров — пять километров! Умопомрачительный вид открывается возле Тукучи, когда стоишь над туманным облаком реки.

Это не последняя загадка священного потока. Несмотря на свою всемирную известность, истоки Кали-Гандака до сих пор не обнаружены; никто из европейских географов их не видел. На крайне неточных картах этого района их помещают то в Тибете, то южнее, в Мустанге. Перед вылетом из Катманду меня просили, если представится возможность, выяснить это на месте.

Выйдя к реке, мы сменили направление. От Покхары дорога вела на запад, пересекая ущелья, ориентированные с севера на юг, так что приходилось без конца взбираться на уступы и спускаться вниз. Наконец-то аттракцион «русские горки» закончился — перед нами был торный торговый путь из Индии в Тибет, по которому тысячелетиями вдоль Кали-Гандака шли караваны.

Они стали попадаться и теперь. Для мулов мы не представляли никакого интереса, зато люди обращались к нам по-тибетски фразами из «Грамматики» Белла.

— Куда идете?

— Яла (вверх), — отвечали мы. — А вы?

— Ма ла (вниз).

И хотя ответы были очевидны, они ставили все на свои места. Иногда мы останавливались поболтать с погонщиками, но чаще просто говорили встречным «кале пхе», что переводится буквально как «не спешите».

Торговый путь уготовил несколько сюрпризов в виде «станций обслуживания» — придорожных лавчонок, где сапожники наскоро подбивали отставшие подошвы к высоким тибетским сапогам. В харчевнях, которые содержат тхакали, имелся солидный запас ракши. Немудрено, что мы останавливались все чаще и чаще, а наши беседы с путниками становились все оживленнее. Носильщики тоже удвоили прыть — возможно, потому, что уже близка была Тукуча.

Все кхампа, которых мы теперь встречали, были заняты одним делом: они приводили в порядок неширокую дорогу, ремонтировали ее похожие на крепостные выступы площадки и укрепляли мосты в преддверии таяния снегов и разливов рек.

Близость промежуточной «станции назначения», очевидно, побудила вдруг Калаю исчезнуть. На полуденном привале я с нетерпением ждал, пока подтянутся все носильщики, но Калая с ними не оказалось. Что могло случиться? Я начал серьезно беспокоиться. Дорога изобиловала опасными местами; достаточно поскользнуться, чтобы не удержаться на мокром краю и свалиться в пропасть... отвесные стены уходили вниз на 600 метров, и падение означало неминуемую гибель.

А что, если он сбежал? Не следовало сбрасывать со счетов и такую возможность. Путешествие только начиналось, а трудностей уже встретилось с избытком. Не далее как сегодня утром я упрекал его в том, что он ленится, и Калай мог обидеться. У встречных я начал спрашивать, не видели ли они молодого непальца в розовом свитере. Никто не замечал такого.

Под вечер настроение совсем упало: Калай исчез бесследно. Я решил остановиться на ночевку. Разбили палатки, Таши улегся в самой большой, чтобы стеречь вещи.

...Проснулся я оттого, что кто-то осторожно тряс меня за плечо. В чем дело? Пришел крестьянин, просит посмотреть его больную жену. Но я не доктор! Не имеет значения, у меня ведь есть лекарства.

Я оделся и пошел в дом, стоявший метрах в двухстах от дороги. Больная женщина металась в жару. Я дал ей две таблетки аспирина и возвратился в лагерь. Больше ничем я помочь не мог.

Сон больше не пришел. Я лежал и думал с тревогой о судьбе Калая.

Утро выдалось солнечное, в глубоком ущелье под нами густо плавал туман. Повар так и не появился. Мы сложили палатки и двинулись дальше. Караван совершенно вышел из повиновения. Люди не желали останавливаться и расспрашивать путников о Калае: они торопились. Я едва поспевал за носильщиками.

И тут из-за поворота вышел довольный, улыбающийся Калай. Я был настолько вне себя, что сумел только выговорить:

— Тебе известно, который час?!

— Десять, — спокойно ответил Калай.

К этому нечего было добавить. Калай стал объяснять, что он решил обогнать караван «для того, чтобы посмотреть, как там, впереди». Но стойкий запах ракши не оставлял сомнений о его времяпрепровождении. Видимо, он настолько нагрузился в придорожной харчевне, — что заснул, а потом пустился нас нагонять и в темноте проскочил мимо лагеря...

На седьмой день пути мы заметили впереди Тукучу. Все это время мы шли вдоль Кали-Гандака, хотя иногда тропа отклонялась от ущелья в сторону. Могучая река шириной в километр казалась белопенной равниной, стиснутой горами. Растительность вокруг напоминала Альпы. Мы окончательно покидали субтропики.

Тукуча стоит на узкой полоске земли, вдающейся в широкое русло реки наподобие языка. Ее каменные стены видны издалека. Наибольшее впечатление производит главная улица Тукучи — здесь расположены дома Сершанов и других купеческих тузов.

По этой улице проходит торговый путь, и весь день и большую часть ночи на ней не умолкает перезвон колоколов бесчисленных лошадок, мулов и ослов.

Город выглядел пустым, и так оно и было на самом деле: большинство зажиточных обитателей уехали в Покхару и Катманду, оставив свои дела и дома на попечение управляющих.

Мне ужасно не хотелось задерживаться, но перед нами вновь встала проблема носильщиков. Те, что пришли со мной, получили деньги и немедленно исчезли. Перспектива еще нескольких подобных переходов им не улыбалась.

Снова приходилось рассчитывать только на самих себя. Было три выхода: найти носильщиков, достать яков или горных лошадок. Я попытался взвесить все «за» и «против». Человек способен нести тридцатикилограммовый груз и двигаться быстрее животных, но требует долгих уговоров; як берет 40 килограммов, но идет мучительно медленно, лошадь — 30 килограммов, но ей нужно время, чтобы пастись. Выбор склонялся к якам. Но их-то разыскать в Тукуче как раз не удалось. Оставалось ждать. Снова ждать!

Через какое-то время, заметив на дороге первую пару рогов, мы с Таши радостно вскрикнули. Это в самом деле были яки — четыре огромных черных зверя, удивительно напоминавших испанских торо, возвращенных для корриды. Яков гнали четверо крестьян в черных тибетских халатах.

Я немедленно сделал им предложение. Поначалу они колебались, сказав, что идут из местечка под названием Джелинг, на южной границе с Мустангом, и им нет никакого смысла возвращаться. Но я был преисполнен решимости не упустить шанс и назвал цену за перевоз, в два раза превышавшую обычную. Однако и это лишь слегка продвинуло дело. Я пообещал караванщикам провести два дня в их деревне, если они согласятся повести нас дальше на север. Кстати, остановка позволит мне уточнить этнографическую карту этого неведомого района.

Наконец, ударили по рукам. Вечером владельцы яков Тсеринг Пемба, Тсеринг Пуба, Пасанг Пемба и Тсеван Тендрик пришли к нам в лагерь, чтобы еще раз обсудить плату и величину груза. Крестьяне говорили на странном диалекте тибетского языка, который мне еще не доводилось слышать. Они на все лады расхваливали свою деревню, а мы поддакивали. Да, это безусловно самое прекрасное место в мире. На своей карте я исправил искаженное название «Джилигаон» на «Джелинг».

К слову сказать, на карты издания 1926 года надо было полагаться с осторожностью. Географические сведения собирали в начале века тайные агенты британской службы, под разными личинами пробиравшиеся в Тибет и прилегающие к нему области. Они брали с собой четки из ста костяшек вместо полагающихся по канонам ста восьми — так было удобнее считать шаги; записные книжки они прятали в молитвенные мельницы, а в дорожных посохах держали термометры, которые по ночам опускали в кипяток, определяя таким образом высоту над уровнем моря. Их путешествия растягивались на года. Боясь каждую минуту оказаться разоблаченными, они сторонились больших селений, ночуя в горах. Имена этих ученых-пандитов не сохранились, ибо свои отчеты они подписывали только номерами или инициалами.

Учитывая условия, в которых им приходилось работать, остается только удивляться точности составленных ими карт. Но разумеется, туда вкралось немало ошибок. Ко времени моего путешествия это были единственные подробные карты гималайского высокогорья.

Письменное изложение сведений о местах, в которые я направлялся, было сделано одним из таких безвестных ученых. Отчет о столице Мустанга — городе Ло-Мантанге*, переписанный затем одним британским чиновником, был опубликован в 1875 году в «Журнале Королевского географического общества». Там говорилось, что раджа Мустанга — бхот, то есть тибетец, который платит дань непальцам и лхасскому далай-ламе.

...Было еще темно, когда громкие голоса погонщиков разбудили меня. В отличие от почтительно-вежливых непальцев крестьяне из Мустанга вели себя шумно. В качестве утреннего приветствия хозяину (мне, значит) они бросили с хохотом: «Скорей поднимайтесь! Если вы собираетесь идти лежаче, мы никогда не дойдем!»

Я торопливо умылся и спустился во двор, где ждал караван из четырех громадных выючных животных. «Водители» яков протянули мне четыре кусочка дерева и попросили положить по одному на каждую кучу багажа. Я положил. Погонщики узнали каждый свою палочку и без лишних разговоров начали грузить выюки. Можно ли найти более мирный способ распределения работы!

Правда, очень скоро мне пришлось убедиться, что в отличие от дисциплинированных хозяев их четвероногие подопечные были куда строптивее. Приходилось изо всех сил натягивать веревки, привязанные к продетому сквозь ноздри кольцу из можжевельника.

Судя по словарю, як — домашнее животное. Видимо, наш караван составлял исключение из правил. И какое! Яки были столь же домашними, как бенгальские тигры. После нескольких безуспешных попыток привязать груз во дворе пришлось выйти на улицу. Таши держал за ноздри нервничавшего зверя, один погонщик — за рога, а двое других с грехом пополам привязали мои тюки. Когда последний узел был затянут, мы разом отпрянули в стороны, чтобы не попасть на рога разъяренному домашнему животному. Бык начал бодать воздух, потом, убедившись, что зрители на месте, затеял родео с остальным багажом. Чемоданы и выюки взлетали вверх и шмякались оземь. Взревев, як кинулся по улице. Я закрыл глаза.

Четверть часа спустя мы обнаружили его за городом. Багаж был рассеян вдоль дороги, а як мирно щипал траву на лугу при выходе из Тукучи.

Такая же славная эпопея произошла с тремя остальными яками. Уцелевшие выюки все-таки погрузили на спины животных, и тут они вдруг сделались смирными и послушными. Под лихие окрики погонщиков караван вышел в путь.

Яки шагали, медленно переставляя ноги, то и дело останавливаясь, чтобы шумно обнюхать пучок травы на обочине. Кстати, я не совсем правильно называл их яками, это

были дзо — помесь яков с коровами. А дзо, как уверял меня все утро Таши, просто ангелы в сравнении с настоящими яками!

К полудню мы оказались перед контрольно-пропускным пунктом, фильтровавшим направлявшихся на север путников. Я себя чувствовал очень неуверенно: ведь пост связан рацией с Катманду, а оттуда в любой момент могли аннулировать ранее выданное разрешение.

Но все страхи рассеялись, когда я познакомился с капитаном. Как все гуркхи, служившие в индийской армии, он говорил немного по-английски и был рад нечаянной возможности освежить свой словарь. Узнав, что я следую в Мустанг, он долго-долго изучал мою бумагу, потом сложил ее и торжественно заявил, что гордится знакомством с человеком, которого любовь к чужой стране подвигла на такой длинный и нелегкий путь.

— Вы первое лицо, которому дали такое разрешение, — сказал он. И наивно добавил: — Должно быть, у вас большие связи в Катманду, потому что обычно мы не позволяем иностранцам углубляться в эту территорию.

Я тут же отрядил Калаю за бутылкой лучшей ракши, и мы с капитаном провели приятнейший вечер в домике.

Наутро я заметил в углу кипу светло-бежевой одежды и сообразил, что это чубы — тибетские халаты того цвета, что носят кхампа. Ожидая, пока погонщики обуздают яков, я примерил одну из широких чуб на подкладке с голубыми отворотами и купил ее. С этого времени вплоть до возвращения в Катманду я носил только это платье. Делал я это не ради экзотики или вживания в «туземный образ», а потому, что быстро сообразил: чуба — наиболее удобная одежда для Гималаев, выверенная тысячелетним опытом.

Это при условии, что вы умеете завязывать узел зубами, держа руки за спиной. Без упомянутого гимнастического упражнения одеяние попросту не будет на вас держаться.

На первый взгляд чуба похожа на домашний халат, сшитый с десятикратным запасом. Накидывая ее на плечи, вы видите, что она волочится по полу, рукава спадают до колен, а воротник — до пояса. Но не поддавайтесь первому впечатлению: путем ряда манипуляций вам удастся вернуть себе нормальный облик. Для этой цели надо координировать движения нескольких частей тела, а именно подбородка, локтей, бедер и рук. Существуют вариации в зависимости от того, кем вы хотите выглядеть — амдо, кхампа, дропка или жителем Лхасы.

Прежде всего надо подхватить обе полы чубы и сложить их на спине двумя складками по лхасской моде (или тремя, как носят шерпы амдо). Придерживая складки одной рукой, вы берете матерчатый пояс и, прижимая его локтями, оборачиваете вокруг талии. Позвольте напомнить, что во всех манипуляциях обе ладони глубоко спрятаны в длинных рукавах.

Ну а теперь, когда пояс завязан (если он действительно завязан), остается прижать подбородком к груди один отворот и заправить за пояс всю лишнюю материю, в результате чего вокруг талии образуется большой карман. Закатывайте правый рукав и — в путь-дорогу!

Вам стократно воздастся за все усилия замечательными качествами чубы. Начнем с того, что вы можете отказаться от перчаток — длинные рукава прекрасно сохраняют тепло. Не нужна пижама — стоит вам развязать пояс, как готов удобный спальный мешок. Пошел дождь или снег — накидывайте широкий воротник со спины на голову. Подоткнутые вокруг пояса полы избавляют от необходимости рассовывать по карманам мелкие вещи; ваше огниво (спичками в Тибете не пользуются) всегда на месте, там же спокойно умещается молитвенная мельница, чесалка для ячьей шерсти и все остальное, что тибетцы держат при себе.

Если вы аристократ, то ни за что не станете закатывать рукава чубы, как бы уведомляя, что вам не требуется мараить рук. В жару эти рукава легко откидываются на спину. Когда вам нужно сесть на лошадь, достаточно лишь развязать пояс — чуба вполне подходит для любой джигитовки.

Донельзя довольный своим приобретением, я вернулся к месту, где Калай жарился на солнышке, а его помощник Канса гонялся с кастрюлей за яком — как обычно, они забыли

уложить кухонную утварь.

Следующий этап нашего маршрута проходил по сухому каньону Кали-Гандака. Несмотря на близость реки, там почти сахарский климат. Тут, кстати, река меняет название и становится Тсангпо, то есть «Прозрачная»; этим именем тибетцы часто нарекают свои реки попеременно с «чу», что означает «вода».

Не многим чужеземцам довелось пройти этой дорогой. Первым был безымянный индеец, о котором я рассказывал, — тот, что считал шаги по костяшкам четок. Вторым оказался любознательный японский монах Екай Кавагучи, отважившийся в 1898 году тайно проникнуть в Тибет через Мустанг. Ученый-эрудит, он желал изучать буддизм в Лхасе, но в то время доступ в священный город был закрыт всем иностранцам. Кавагучи прожил год в мустангском монастыре, потом направился в Долпо и в конце концов достиг цели. Пятьдесят четыре года спустя, в 1952 году, этим путем прошагал швейцарский геолог Тони Хаген, подробно исследовавший Непал. За шесть лет он покрыл 30 тысяч километров; побывал Хаген и в столице Мустанга Ло-Мантанге, оказавшись первым европейцем в этом городе.

После него Ло-Мантанг посетили австрийский альпинист Герберт Тихи и знаменитый итальянский профессор Джузеппе Туччи. Он провел в Ло-Мантанге всего один день, так что в его записях остались лишь отрывочные заметки.

Целый день нас подгонял жаркий ветер с юга. Наконец погонщики обрадовано загомонили — показался перевал Тайен, где предполагалась ночевка.

В палатках было довольно удобно, если не считать, что любопытные ослы встречного каравана непременно желали знать, для чего натянуты веревки, и то и дело выдирали из земли колышки. Приходилось вылезать и пинками нелюбезно отгонять их прочь.

Вторым — более существенным — неудобством были насекомые. Перевал Тайен расположен на высоте 3300 метров, здесь не водятся ни мух, ни комаров, но мы захватили с собой из более теплых краев целый зоопарк паразитов. Таши, не останавливаясь, скреб себя. Заметив мой укоризненный взгляд, он наставительно сказал:

— Даже великих лам кусают блохи.

— Прости, — отозвался я и тут же почувствовал укус! Но теперь, после столь ценной информации, я мог с удовлетворением почесываться, зная, что на свете есть персоны поважнее меня, которых не минула та же участь.

Всего десять дней прошло с момента выхода в путь, а я уже знал Таши почти как родного брата. Мы спали в одной палатке, постоянная помощь и взаимовыручка выковали между нами прочные узы дружбы. Мы частенько подтрунивали друг над другом, ибо у всех тибетцев — будь то амдо, кхампа или жители Лхасы — необычайно развито чувство юмора. Особым объектом все новых и, должен признать, изобретательных шуток был мой нос.

Таши очень следил за своей внешностью и выглядел аккуратным даже в самые тяжелые моменты пути. Поскольку гардероб у нас был общий, я отказался от пуховых курток, пуловеров и анорак в пользу тибетской чубы, зато Таши облачился в элегантные парижские изделия. С двухдневной щетиной на подбородке, одетый в чубу, я походил на слугу богатого японского альпиниста мистера Таши. Таши обладал одной особенностью, ужасно интриговавшей меня. Каждый раз, как я говорил: «Думаю, мы будем там-то и там-то в шесть вечера», он поправлял: «Нет, в полшестого». И всегда оказывался прав, даже когда разница составляла четыре часа!

Но то, что случилось поутру, не мог предвидеть даже Таши. Гигантский кусок скалы, отколовшийся от каньона, рухнул в поток и уперся в противоположную стену, образовав как бы естественный мост. Блок был примерно стометровой высоты, так что преодолеть его на яках нечего было и думать. Пришлось изменить маршрут и двигаться через соседний перевал высотой 3750 метров. На вершине я бросил в пирамиду свой камень.

Цель близка

С перевала перед нами открылся новый, захватывающий мир. Вдаль уходило высокогорье Центральной Азии: словно застывшие волны округлых, покрытых снегом вершин, напоминающих море после шторма. То был уже Тибет. Всего 16 километров отделяли нас от границы. Мустанг похож на большой палец, указующий на Тибетское плоскогорье.

Белые домики деревушки подобрались к самому уступу, а над ними высился утес, увенчанный руинами сказочного замка. Это деревня Самар. От нее начинался третий этап нашего маршрута. Первый пролегал через зеленые, изъеденные эрозией и муссонами холмы от Покхары до Кали-Гандака. Второй вел вдоль русла священной реки от Тукучи до «того перевала. А Самар отделяли от Мустанга еще каких-то три перевала — пустяк!

Деревня была заполнена солдатами-кхампа. Большинство, как и я, были в чубах цвета хаки, но кое-кто облачился в тибетские рубашки. Все были обуты в высокие ботинки военного образца.

Шествуя через деревню в поисках подходящего места для стоянки, я с любопытством глядел на этих людей. Неожиданно меня схватила за рукав какая-то старуха.

— Кучу, кучи (прошу вас)! Дайте мне лекарство!

Тотчас меня окружила толпа взрослых и детей, покрытых язвами и нарывами. Я громко велел им выстроиться в очередь — это была единственная возможность восстановить хоть какой-то порядок.

Открыв ключом металлический ящик, я достал аптечку. Старуха первой выступила вперед, за подол ее платья держалась куча ребятишек. Я нашел пилюли, снимающие боль, и стал раздавать их: по крайней мере это лекарство безвредно...

Раздвинув толпу, передо мной вырос высокий кхампа в военной форме. Деревенские почтительно смолкли. Он вежливо откозырял и спросил: «Вы торговец?»

Подожли еще двое. Один властно осведомился, что у меня в чемоданах. «Еда», — ответил я.

Наступила пауза. Косампа переглянулись. Первый продолжал:

— Зачем вы идете на север?

Я попытался объяснить цель своего путешествия, но они не очень поверили. Высокий кхампа сказал:

— У нас в лагере много больных. Вы можете дать им таблетки?

Я твердо ответил, что нельзя давать лекарства, не зная, чем человек болен, — ему может стать хуже. Пусть они отведут меня к своему «помбо» (командиру); тот, кстати, сможет дать пропуск через остальные заставы. Но солдат уклончиво ответил:

— У нас нет командира. Мы живем в магаре (лагере).

— А много здесь магаров? — наивно вырвалось у меня.

— Много.

Чего еще я ожидал услышать! Посетители повторили просьбу о лекарствах.

Я повторил, что у меня с собой очень немного медикаментов, и я их дам только главному начальнику. Палатку окружила плотная толпа, но, к счастью, моя стратегия оказалась удачной, и дисциплина возымела свое. Не без труда удалось втолковать, что мой поход в Мустанг продиктован исключительно научными целями. Все понимающе кивали головами. Но все же несколько таблеток для заболевших в Самаре у меня найдется? Я не смог отказать.

Деревенские жители принесли пиво, атмосфера разрядилась. Пиво оказалось как нельзя более кстати: ночь выдалась холодной — ледяная тибетская весна. Ветер рвал тонкий нейлон палатки. Лежа под легким одеялом, я в который раз помянул недобрым словом мсье Превуазена — ну что ему стоило продать мне японскую грамматику! Сейчас бы потягивал подогретое саке в отеле где-нибудь в Киото и болтал о прельстительных гейшах, а не клацал бы зубами от холода на высоте 3800 метров ...

Ночную тишь нарушал лишь собачий лай. Таши высунул нос из спального мешка и самым будничным образом осведомился: «Духи уже вышли?»

— Духи? — ошарашено переспросил я.

Вот уж кто меня не беспокоил. Я привык, что ночь — это время, когда зажигаются электрические огни и темнота рассеивается. Но здесь тьма заставляет людей поскорее отходить ко сну не только потому, что они рано встают. Ночью исчезает видимость, и люди забиваются под одеяла, чтобы отгородиться от призраков. Ночь здесь синоним страха, и самое действенное оружие против него — это сон, ведь больше всего человека страшит неведомое.

Тоненькая нейлоновая оболочка отделяла нас от духов, от таинственной жизни ночи.

Тибет часто называют «страной духов». Но это в равной мере относится ко всем странам, где господствует религиозное сознание. Такова была и средневековая Европа. Человек, веривший в бога «всеми фибрами души», должен был с той же убежденностью верить в существование дьявола. Я впервые с такой отчетливостью постиг всю глубину веры в сверхъестественное, пронизывавшую эпоху рыцарей и замков, турниров и камер пыток, искренней добродетели и жестокого порока, — веры, при которой события могли быть либо черными, либо белыми, а не окрашенными в однотонную серость нынешним скептицизмом. Я почувствовал вдруг, что вокруг палатки, стоящей на семи ветрах, бродят волки-оборотни моего детства, а из дневных укрытий вылезают призраки, — Таши был прав.

Чем занять оробевший разум? Обсуждать эти темы с Таши было бы бесчеловечно.

— В моей стране тоже есть ночные призраки, — сказал я ему. — Но я их не боюсь.

С тем мы и заснули.

Утром я уже чуть лучше представлял себе мир, который приехал изучать. Верования людей — это прямой продукт страха. Страх перед богом, голодом, холодом, пожаром и войной. Недаром столько надежды вкладывается в религию. Эта вера свободна от всяких сомнений и не задается никакими вопросами. Именно на принятии сверхъестественного как живой реальности зиждется психология средневекового типа. В подобном обществе непререкаемо верят в невероятное, а чудо представляется обыкновенным. Я оказался в мире, где человека и все живое поджидают 86 демонов; они должны существовать и для меня, коль скоро я пожелал разделить жизнь и нравы обитателей гор.

Солнце развеяло тревоги минувшей ночи. Солдат-кхампа ополаскивал лицо в ручье. Мои погонщики смотрели на него с удивлением, и, окунув ладонь в ледяной ручей, я понял их. Только глубочайшая неприязнь к усам и воспоминания о частых репликах жены «Борода — это кошмар!» заставили меня приняться за бритье. Сложная операция вызвала немалое стечение народа, ибо местные жители безбороды.

Затем, ругаясь каждый на своем языке, мы навьючили яков и двинулись в направлении лучшего места на свете — деревни Джелинг.

Весь следующий подъем сердце билось в тревожном ожидании, потому что с вершины должен был открыться долгожданный Мустанг.

Наконец-то. Перед нами расстилалась ровная пустыня охряного цвета, обдуваемая сильным ветром; ее прорезают словно шрамы глубокие каньоны. На километры вокруг ни деревца, ни кустика — голая степь, вознесенная на несколько километров.

С удивлением слышу собственный голос: «Вот он, Мустанг!» Не спятил ли я? Понапрасну пялю глаза — взору не на чем остановиться, ни одного ориентира. Голое природное «шоссе», уходящее в сторону Тибета... Я знал, конечно, что это сухое плоскогорье, но такого я не ожидал. Неужели здесь можно жить?

Ветер задувал под халат, леденя взмокшую от подъема спину. Попытался укрыться за выступом и успокоить дыхание. Ну что ж, какова бы ни была эта земля, я приехал ее изучать. В этой пустыне есть своя грандиозность. Только вот куда подевались жители?..

Таши, шумно пыхтя, забрался на вершину, пробормотал несколько молитв, обошел каменную пирамиду и встал рядом. Его вид заезжего чужестранца — в черных очках и моей европейской одежде — никак не соответствовал пейзажу.

— Ну, как тебе Мустанг? — перекикивая ветер, заорал я. — Правда, красиво?

— Красиво? — скривился Таши. — Что ты нашел красивого? Люди здесь, видно, едят

камни. Несчастливая страна...

— Ну что ты видишь! — надрывался я. — Это же грандиозно! Первозданная природа!

— Несчастливая страна, — продолжал долбить свое Таши. — И люди здесь несчастные.

— А где, по-твоему, счастливая страна?

— Там, где трава и деревья. А Мустанг бесплоден, как дохлая лань.

У тибетцев счастье — синоним красоты. По их канонам Мустанг, конечно, был самой печальной землей на свете.

Вдали показался мчащийся во весь опор всадник. Грива лошади трепетала на ветру. Подскакав, он обратился к караванщикам, а затем к Таши:

— Командир кхампа требует, чтобы вы немедленно шли в Джелинг!

Таши растерянно повторил мне, словно я не понимал:

— Главный кхампа приказывает явиться к нему в Джелинг. Меня, честно сказать, покоробил резкий тон всадника, но я был заинтригован. «Когда мы доберемся до места и разобьем свой лагерь, я непременно нанесу визит командиру кхампа», — ответил я. Всадник, ни слова не говоря, развернулся и пришпорил лошадь.

«Ничего, ничего, все обойдется», — успокаивал я себя, почти инстинктивно замедляя шаг. На обочине дороги стоял большой, выкрашенный охрой чортен — религиозный памятник, который буддисты называют «подспорьем культа».

Эти памятники скопированы с древнеиндийских гробниц. Они встречаются во всех буддийских странах, но варьируются в зависимости от особенностей буддизма. Первые чортены, по преданию, хранили реликвию Будды, но затем в них стали замуровывать мощи какого-нибудь святого ламы или просто отрывок со священным текстом.

Отсюда уже был виден Джелинг, и Таши согласился, что пейзаж стал веселее — появились деревья и трава. Деревня напоминала розовый гобелен с охряными полосами. Цвет селению придавали развалины крепости, монастыри и множество чорتنгов, поставленных на крутом склоне горы, у подножия которой журчал ручей. Рядом четко, словно костяшки домино, вырисовывались домики под плоскими крышами. Черные окна точечками выделялись на белых прямоугольниках фасадов. Там и тут к ручью клонились метелки плакучих ив.

Я спросил Тсеринга Пембу, можем ли мы остановиться на его подворье. Тот согласно закивал и стал заворачивать яков к глухой ограде. Набежали ребятишки, громко встречая прибывших. Все спрашивали, кто мы такие. Погонщики важно отвечали, что я «очень важное лицо, паломник и ученый человек»; этими доступными им словами они пытались описать мою профессию географа и этнографа.

Вещи сложили возле дома; с минуты на минуту я ожидал появления кхампа. Но никто не приходил — должно быть, командиру передали мой ответ. Таши поставил палатку, Калай распаковал кухонную утварь. При виде сверкающих кастрюль детишки Пембы застыли с раскрытыми ртами. Канса надул матрац, который мог служить также креслом, а металлический кофр приспособил как стол... Все эти вещи, привезенные из другого мира, выглядели странно; впрочем, со стороны все наши обычаи и привычки столь же странны, сколь и необъяснимы. Почему наши женщины считают нужным красить яркой краской рот? Почему мы сидим за столом, нелепо свесив ноги, и пользуемся для еды хирургическими инструментами?

Размышления были прерваны шепотом Калая: «Кхампа пришел».

В калитку входил невысокий коренастый человек. Черты его лица были словно вырезаны из стали, но вот он улыбнулся — и лицо сделалось донельзя приветливым.

Подождав секунду, я ответил: «Шу-а» — и указал на второй матрац, приготовленный Таши с другой стороны металлического кофра.

Командир был одет в удобную куртку, из-под которой выглядывала рубашка на молнии. Пакет пельменей кхампа с восточной вежливостью оставили на пороге дома.

Я поблагодарил «гьялцена» (начальника) за этот знак внимания.

— О, мы живем очень скромно, — сказал он, — и не можем делать дорогих подарков.

Потом начались расспросы. Долго ли я собираюсь пробыть? В какое именно место держу путь? Из какой я страны?

Мое знание тибетского сильно упростило дело. Очень нескоро я сообразил, что с меня снимают допрос, настолько это было сделано по-восточному тонко. А я-то полагал, что приму его с холодным достоинством...

— Я еду в Мустанг, чтобы изучить обычаи его народа, а по том написать о них «печа» (книгу)...

Разговор незаметно перешел на лекарства. Я дал ему коробку с таблетками. На сем мы вежливо раскланялись.

— Это очень важный гьялцен, — зашептал вслед ему Пемба. — У него лошадь понимает человеческие слова и сама разговаривает...

Два дня прошли в расспросах деревенских жителей, после чего мы двинулись дальше. Ветер отчаянно завывал и сыпал хлопьями снега. Какое счастье, что я купил чубу! В длинном рукаве я держал камень, чтобы бросить в пирамиду на перевале — по этому перевалу проходила условная граница между селением Желинг и королевством Мустанг.

Камень упал в кучу с сухим щелчком. Немедля рядом раздались два других щелчка; я поднял голову и увидел направленные на меня дула автоматов. Это были кхампа, одетые точно в такие же, как у меня, чубы. Сердце ушло в пятки. Тоненькая снежная завеса разделяла нас. Что делать? «Кале пхе (не торопитесь)», — тупо вымолвил я.

— Кале пхе, — в изумлении повторили солдаты. Потом, словно очнувшись, быстро сунули автоматы под чубы и по доброй буддийской традиции обошли пирамиду слева, толкая впереди себя маленького яка, явно предназначавшегося для котла.

Мы разошлись.

Неужели я в Мустанге? Не так представлялось мне торжественное вступление в «запретное» королевство — действительность оказалась куда суровее воображаемого пряничного царства. Вспомнилась фраза Таши: «Мустанг бесплоден, как дохлая лань». Я словно очутился внутри картины, рожденной фантазией художника-сюрреалиста, — среди причудливых безжизненных силуэтов, строгих храмов, похожих на горы, и гор, напоминающих зубчатые башни.

Где-то там, затерянная в хаосе, лежала далекая цель. Те, кому приходилось долго шагать, поймут, каким ореолом таинства окружает ее сознание.

Два дня отделяли нас от столицы Мустанга. Целая вечность! Два дня до того, как я смогу сбросить с плеч груз ответственности за людей и дело, которым занялся. Казалось, со времени вылета из Катманду и прощального поцелуя жены минуло 99 лет. А через 99 лет, сказал Таши, все живущие на Земле так или иначе умрут. Недаром паломники посвящают заветной цели всю жизнь и, успокоенные, умирают в дороге где-нибудь в монастыре или на перевале. Паломника вдруг озаряет божественный свет, и он понимает, что так надо, раз пришла за ним смерть прежде, чем он исполнил обет.

Да и вообще, разве не выглядит вся наша жизнь дорогой к неведомой цели? Я подумал о путях, которые довелось мне пройти. Там были и моря, и пустыни, и джунгли, и болота.

Ветер резал глаза и, казалось, пронизывал мозг, словно желая высушить голову, превратить ее в белый череп, которыми усеяны здешние ущелья. Поднялись еще на один «ла», как называют перевалы в Тибете. Это четвертый по счету с того момента, как мы покинули ущелье Кали-Гандака.

Царанг появился внезапно. Подобно опытному артисту, город выдержал паузу, чтобы предстать во всей феерической красе посреди безводного ландшафта. Трудно было поверить в его реальность: Царанг походил на изящную миниатюру в красновато-зеленых тонах, нарисованную старательным иллюстратором детских книжек. Над узким ущельем поднимался высокий пятиэтажный замок. У подножия, в яркой зелени, заполнившей выемку бывшего ледника, тонули маленькие домишки. Словно желая затмить роскошь замка, рядом с ним рдел величественный монастырь из красного кирпича. Вход в эту гавань прошлого охраняли несколько чортенов с порталами, сквозь которые вилась дорога.

Город — первая вежа страны Ло — выглядел оазисом среди лунного пейзажа. Солнце золотило коньки монастырской кровли, убранной разноцветьем флагов.

Наша маленькая флотилия вплывала сквозь чортены в город, о котором можно только мечтать. Крестьяне, выходявшие за ворота, чтобы посмотреть на нас, в знак приветствия высовывали языки. Я с трудом привыкал к этому тибетскому обычаю и казался доктором на осмотре больных. Жители Царанга встречали нас молчанием (что, впрочем, понятно — попробуйте поговорить с высунутым языком!). Одеты они были в толстые домотканые чубы, у одних желтоватого, у других красного цвета. Кое-кто носил вывернутые мехом внутрь овчины. На женщинах поверх чуб были полосатые передники, а на голове вязанные шапочки. Но что больше всего бросалось в глаза — это добродушие открытых лиц. Казалось, они встречают давних знакомых и только ждут момента, чтобы заключить вас в объятия. Здесь люди не рассматривают прохожих сквозь занавески, как это принято в европейских деревнях. Они выходили, чтобы удовлетворить вполне понятное любопытство, и бесхитростно кричали: «Куда идете?»

— В Ло-Мантанг, — гордо отвечали мы.

Ясно, что мы не сумеем осмотреть Царанг за один вечер, как я предполагал раньше. Придется потом возвратиться сюда и как следует облазить его узкие улочки и бесчисленные памятники.

Мы подошли к подножию высокого замка. Только тут полностью выявились его размеры: нижний ряд окон начинался на высоте не меньше восьми метров, и здание скорее напоминало дворец, чем фортецию. А когда мы спросили, кто там живет, нам ответили, что это один из дворцов короля, но он бывает в нем крайне редко.

Не обнаружив нигде на фасаде двери, мы двинулись в обход. Навстречу бросился громадный пес с матерчатым ошейником. К счастью, он был на цепи, но мы все равно почтительно обогнули святое место.

Таши рассказал мне, как кхампа натаскивают гималайских псов: их учат бросаться сбоку на всадника и стягивать его с лошади наземь. Охотно верю: для псов таких размеров эта задача не столь уж сложна. Похожи они на помесь черных лаек и свирепых немецких овчарок. Эти сщомашенные звери никак не напоминали карликовых так называемых тибетских терьеров, предмет обожания английских дам. Лай преследовал нас буквально на каждом шагу, псы выскакивали из-под каждой подворотни, так что в прогулке по Царангу приходилось запастись увесистыми камнями для нужд самообороны.

Завтра предстоял большой день — последний этап перед столицей. Мы едва сдерживали нетерпение. Яки тоже словно почувствовали грядущее облегчение и удвоили прыть. Неожиданно за спиной раздался топот копыт. В облаке пыли нас догоняли три всадника. На них были шелковые рубашки под яркими халатами, на ногах высокие черные сапоги, на голове дивные меховые шапки с латунными эмблемами. Тсеринг Пемба так выразил наши общие чувства: «Прямо короли». И трое кхампа, по-королевски не обратив на бедных караванщиков никакого внимания, умчались дальше.

К часу дня мы были на перевале. Сползли в неширокую долину и вновь начали карабкаться на холм. Дорога шла по расселине между крутых откосов, образовывавших естественный створ. Ветер утих, глаза перестали слезиться. И я увидел вдали Ло-Мантанг! Как хотелось, чтобы долгожданная столица, путь к которой отнял две недели, оказалась «достойной» затраченных усилий...

Видимо, такое же чувство испытывали паломники, когда перед ними вдруг открывался Рим. Даже при самом сильном воображении нельзя было себе представить такое. Как будто мне все это рассказывают — легенду о затерянном в Гималаях городе, в котором остановилось время.

Ло-Мантанг

Мифическая крепость далекой планеты со спокойным величием возвышалась среди голых пиков — белый прямоугольный бастион, за которым теснились бесчисленные башни. Сразу же напрашивалось сравнение с фортециями крестоносцев, которые те воздвигли на Ближнем Востоке. Крепость казалась цементным кубиком на ладони бога войны, вытянутой посреди адской пустыни. Царственные стены внушали уверенность. В «мареве подрагивали силуэты белого дворца и трех розовых монастырей. Создавался единый, ненарушаемый образ далекого загадочного мира; столица представлялась последним оплотом средневековья, противостоящим современности...

Я долго простоял в изумлении, совершенно сбитый с толку первым впечатлением. Ветер ритмичными волнами овеивал лицо. Внизу он поднимал пыльные смерчи, которые заволакивались в облако и бились о стены города. Насколько хватало глаз, не было ни единого деревца, никаких признаков жизни. Столица словно окаменела много веков назад. Утонула во Времени, как Атлантида.

Но для Таши и моих спутников она означала конец пути, комфорт ночлега и радости базара.

— Мантанг, — с удовлетворением произнес мой друг. Столько времени для нас это было лишь слово, без конца возникавшее в разговорах, и вот он теперь во плоти! Я подтянул полы чубы и зашагал к городу.

Сквозь завывания ветра мне почудились звуки труб и удары гонга. Когда дорога нырнула в глубокий овраг, я остановился, поджидая яков. Погонщики, Таши, Калай, его одноглазый помощник Канса и я в тибетском платье должны были составить внушительный караван. Нас связывало молчаливое и прочное товарищество; я мог гордиться тем, что привел свой маленький корабль в гавань.

Вблизи крепости на небольших участках робко росла гречиха. Но стена приковывала взор. В ней не было ни одной бойницы, не было видно даже ворот — город не желал нас. Но нет, барабанный бой и звон цимбал, свист флейт и пронзительные звуки труб понеслись с удвоенной силой. Неужто в нашу честь? Это было бы слишком...

Дорога пошла в обход глухой стены, и тут обнаружили ворота — единственный вход в Ло-Мантанг; он представлял собой как бы туннель в мощном бастионе. Две огромные деревянные колонны с резными капителями окаймляли портал. В конце туннеля была вторая деревянная, прошита железными заклепками дверь. Стены надежно укрывали жителей самого высокогорного королевства нашей планеты. Ворота, как я узнал, наглухо закрывали с наступлением темноты от воров и злых духов. Один за другим яки втягивались в темный туннель. Итак, вот она, столица «потаенной территории тибетского графства», о которой упоминал Бьюканан в 1802 году, а знаменитый шведский исследователь Тибета Свен Гедин называл Южной страной. В «Непальских эскизах» Олдфилда, вышедших в 1880 году, говорилось о «маленьком княжестве Мастанг». Олдфилд прожил 13 лет в Катманду, но так и не побывал здесь; он лишь уточнил, что «хотя Мастанг и платит ежегодную дань Непалу, однако не входит во владения гуркхов».

Так что же такое Мустанг? Княжество или королевство? Как оно образовалось, какова его история? Как могло случиться, что оно так долго оставалось «затерянным»? Почему в 1952 году Тони Хаген описал его как вассальную провинцию, а в 1961 году король Непала, ликвидировав институт раджей, сделал исключение для короля Мустанга — подтвердил его титул и привилегии, в том числе право творить суд и взимать налоги?

Маршрут каравана кончился, устало подумал я, но для меня дело лишь начинается. Теперь предстоят поиски в архивах, расспросы, детальный осмотр культурных и исторических памятников, описание которых почему-то всегда ограничивалось несколькими строчками. Между тем здесь даже при мимолетном обзоре исследователю хватит сокровищ на целую жизнь.

История Мустанга уходит в седую древность. Кто построил этот волшебный город? Кто был его первым правителем? Как сейчас живут его обитатели — пассажиры глиняного корабля, плывущего по застывшим волнам Времени?

Обычаи Мустанга складывались как результат представлений о жизни многих предшествующих поколений. Необходимо попытаться понять их.

Едва пройдя городские ворота, я окунулся в людской водоворот. Наша маленькая колонна уперлась в плотное скопление красных, желтых и голубых чуб. Далекое пение труб, эхом отдававшееся на холме, теперь превратилось в гром, в котором почти терялись звонкие удары цимбал. На площади перед белым фасадом четырехэтажного дворца было безветрие. Впрочем, никакая буря не смогла бы разметать многоцветную толпу в несколько тысяч человек. Мужчины, женщины и дети словно сошли с картин Брейгеля. Море загорелых, обветренных лиц, перепачканные счастливые мордашки детей, гроздьями висевших на крышах окрестных домов. Поверх волнующегося океана сальных кос торчали красные колпаки монахов.

Все были настолько поглощены зрелищем, что поначалу приход чужеземца прошел незамеченным. Лишь несколько взрослых оглянулись на меня с неудовольствием, словно я помешал им. Тибетская чуба не выделяла меня из толпы, и я стал протискиваться вперед.

В центре площади между двумя рядами сидевших монахов лама вел богослужение. На нем была тога из золотой парчи с вышитым синим и красным образом Мара — зловещего бога смерти; голову украшала широкополая черная шляпа с фигурами двух драконов, попиравших черепа.

Два монаха в красных тогах выкладывали у его ног дары, над которыми лама возносил песнопения. В плошках курились благовония, и сладкий дым плыл по воздуху под гром оркестра, в котором выделялись трубы и флейты, сделанные из человеческих, костей.

У меня разбегались глаза — это была настоящая феерия...

Женщины облачились в свои лучшее наряды — безрукавные расшитые чубы, из-под которых были видны шелковые блузки с пышными рукавами. Чубы повязаны двумя фартуками, сверху короткий, а нижний спадает до носков; оба состоят из узких полос материи веселых цветов — синего, красного, зеленого, желтого. У многих поверх были наброшены темно-синие парчовые накидки в виде треугольников. На груди они скреплялись большими овальными пряжками из черненого серебра с рельефными изображениями павлинов.

Что касается драгоценностей, то некоторых они буквально покрывали сверху донизу; часто встречались колье из оранжевых сердоликов с бирюзой. Иногда в колье были прицеплены золотые или серебряные ладанки, причем некоторые величиной с фотоаппарат. На запястьях красовались браслеты из слоновой кости или из ракушек. Но все затмевали головные украшения — бандо: вокруг шиньонов обвивался кожаный ремешок с громадной бирюзой, отдельные камни были величиной с наручные часы. На одном бандо я насчитал 32 камня — целое состояние!

Мужчины щеголяли в чубах разного цвета — от белого до винно-красного; среди толпы я заметил нескольких кхампа в круглых меховых шапках.

Естественно, меня больше интересовали не одежда, а лица. Детишки начали замечать меня и заговорщицки улыбались моей растерянности. На них были те же чубы, только в мини-варианте, а обуты они были в теплые валеночки на подошвах из крученого ячьего волоса.

Между тем церемония продолжалась. Я вспомнил, что ведь сегодня, третий и последний день ритуального действия, так называемого «изгнания демонов».

Главный священник разложил дары на пяти овальных металлических блюдах. Сидящие монахи затянули нараспев молитвы; к широким рукавам их тог были подвешены цилиндрические барабаны, по которым они ударяли кривыми палочками. В углу два монаха дули в громадные трубы, покоившиеся на деревянных резных подставках с изображениями бога смерти.

Смерть в Мустанге, равно как и в Тибете, вызывает у людей страх, смешанный с надеждой, ведь бог смерти крутит колесо жизни, в котором люди переходят из одного

перевоплощения в другое, пока душа не достигнет нирваны. Демоны бродят среди живых, подстерегают их на каждом шагу, поэтому человек рискует своим будущим, совершая грех, особенно убивая любое живое существо. Только великий лама способен на время изгнать демонов — эта церемония и происходила в первый день четвертого месяца по тибетскому календарю, когда мы вступили в Ло-Мантанг.

Внезапно раздался вопль. Раздвигая толпу, на площадь выскочили три демона в ярких тогах и жутких масках; длинными мечами они со свистом рассекали воздух. Покружившись на освободившемся пространстве, они остановились. Новый вопль — зрители, вскочив как один, ринулись прочь из города, сметая по пути моих яков. За толпой степенно двинулись монахи и великий лама, предводительствуемый оркестром. Замыкали процессию приплясывавшие демоны. Пройдя портал, лама извлек из ножен священный клинок с эмблемой молнии на эфесе и принялся бормотать волшебные заклинания.

Толпа увлекла меня за собой. Впереди вышагивали трое мужчин с узкими красно-сине-желтыми флагами на длинных древках, за ними — музыканты, причем один молодой монашек тащил сложенные для удобства одна в другую трубы; за стенами города их снова вытянули во всю длину и положили на подставки. Низкий трубный глас поплыл над голой равниной. Толпа отхлынула на почтительное расстояние.

Демоны вновь пустились в пляс. Люди, не отрываясь, следили за их прыжками. Тем временем лама готовил свое «секретное оружие». Ему протянули серебряный кубок с водой, он немного отпил из него, а остальное пролил на землю. Священник встал лицом к снежным пикам, длинные полы тоги полоскались по ветру, драконы на шляпе пугающе скалили зубы. Ламе протянули священный лук. Он натянул его, прицелился и твердой рукой выпустил стрелу, которая вонзилась рядом с дарами. Лама схватил затем пращу из ячьей шерсти, вложил в нее камень и со свистом метнул на восток.

Рев трубы возвестил о прибытии солдат: отделение в 15 человек, одетых в шелковые сине-золотые чубы и меховые шапки, несло в руках мушкеты и длинные рогатины — их используют в Тибете и Мустанге как подставки при стрельбе с лошади, а иногда и как штыки. Воины встали на одно колено по обе стороны от ламы и изготовились к бою. Священнику начали подавать блюда, он по очереди бросал их на землю, разбивая на мелкие осколки. Каждый раз солдаты производили залп из мушкетов.

Во всем зрелище, разворачивавшемся в пустыне под стенами форта, было что-то величественное и таинственное; выстрелы отражались от окрестных холмов. Когда последнее блюдо разлетелось на куски, толпа исторгла пронзительный крик и танцующие демоны исчезли. Весело хлопая в ладоши, люди возвращались назад, исчезая за толстыми стенами. Ло-Мантанг избавился от демонов.

Я вновь оказался на площади. Таши повел меня к дому, где Калай по собственному почину решил остановиться и даже успел развьючить нашу строптивую скотину. Во дворе было уже темно, яки стояли привязанные возле грубого чана. Спотыкаясь и больно стучаясь коленками, я поднялся сначала по каменным ступенькам, потом по шаткому стволу, в котором были сделаны насечки, и оказался на крыше, куда выходили двери двух комнат. В одной Калай раздувал в очаге лучину. Хозяйка, сказал он, согласилась отдать одну комнату под кухню, а вторую — под спальню.

Согнувшись, чтобы не разбить голову о косяк, я ступил в темное помещение. Пол был земляной, но сухой и без пыли. В глубине возвышался алтарь, похожий на распахнутый резной шкаф со ступенями, где на полках стояли бронзовые и деревянные статуэтки божеств и великих лам. Центральное место занимал Мантрейя — «грядущий Будда». Комната на крыше была часовней, и перспектива провести ночь в столь вдохновенном месте, вместо того чтобы ежиться под ледяным ветром в палатке, заранее согревала душу.

Я привык за время пути ложиться с заходом солнца и тут же засыпать, но сейчас в голове теснились тысячи мыслей. Где раздобыть провизию? Как получить доступ к архивам, если таковые имеются? Я рассчитывал провести три недели, а если потребуется, и больше в Ло-Мантанге и за это время ознакомиться в подробностях с его жизнью. Затем, взяв

минимум багажа, отправиться на север, где есть интересные монастыри. После чего, если все пройдет хорошо, повернуть на юг, к Царангу, и побыть там неделю.

У Таши я осведомился, не святотатство ли — спать в молельне? Наоборот, уверил он меня, в Тибете часовня как раз и предназначается для почетных гостей. Ло-Мантанг часто принимал бродячих монахов, но законы гостеприимства распространяются и на паломников и торговцев. Я же, как выяснилось позже, был первым европейцем, проводшим ночь внутри ограды средневекового города.

Утром, в половине шестого, Таши с Калаем уже готовили чай. Позавтракав, я принялся за осмотр нашего жилища. На втором этаже, прямо под нами, в комнатах с узкими, подслеповатыми оконцами жила хозяйка, пожилая вдова, и ее престарелый родственник. Одну комнату снимал молодой кхампа, с ним мы быстро подружились и провели вместе немало приятных вечеров. В первом, низком, этаже помещались хлев и прочие службы.

Наш дом примыкал к задней стене королевского дворца. Вообще вся столица представляла собой компактную массу слепившихся домов; узким улочкам приходилось огибать, а иногда и подныривать под них. Город делился по горизонтали на "две части: солнечные террасы на крышах, где днем занимаются хозяйством, и темные, без окон первые этажи. Вторые служат зимой спальнями. Таким образом, жилище идеально приспособлено к суровому континентальному климату Мустанга с его резкой сменой жары и ледяного холода.

В десять часов у нас на крыше появился молодой человек в ярко-красной чубе. При виде меня лицо его озарилось улыбкой. Он сообщил, что король прислал за мной двух лошадей и ждет меня в своем летнем дворце. Добрый знак!

Кликнув Таши, я начал лихорадочно готовиться к визиту. Честно сказать, аудиенции на столь высоком уровне выпадали на мою долю нечасто. Я знал, что по восточной традиции полагается вручить подарок. В Катманду мы озабоченно рыскали по магазинам в поисках сувениру, достойного суверена самой высокогорной в мире страны. Внезапное озарение толкнуло меня на решение проблемы гастрономическим путем: подарю-ка я ему две бутылки отменного виски, принесенного на дорогу друзьями.

Подарок, конечно, странный, но я надеялся, что его оригинальность сыграет свою роль...

Надо же, притащить на «Крышу мира» четырехсоткилограммовый багаж и совершенно забыть о ката! По обычаю, в знак уважения высокопоставленному лицу подносят красивый шарф из белого шелка — так называемый ката. Где же теперь отыщешь их в количестве, достаточном для королевского двора?

Упущение, к счастью, помог исправить незнакомый монах, который влез на крышу и молча наблюдал за нашими сборами. Я повернулся к нему и спросил, не может ли он достать ката. Монах немедленно вытащил из складок своей чубы клочок засаленного белого шелка. Н-да, пожалуй, бедновато для короля... Я стал умолять Таши объяснить доброму человеку, что нам нужно два самых красивых ката. Монах пообещал достать их и скатился по лестнице вниз.

Таши завязал мою чубу на лхасский манер — с двумя складками на спине. Вид у меня был шикарный, по крайней мере так мне казалось: чисто выбритое лицо, под тибетским халатом свежая рубашка с галстуком.

— Ну, как я выгляжу? — обратился я к Таши.

Тот критически осмотрел меня и кивнул. Оставалось спустить рукава чубы в знак принадлежности к аристократии. Правда, пока я спускался по насечкам в бревне во двор, где нас ожидали две маленькие лошадки под щегольскими седлами, инкрустированными серебром и покрытыми ярко-оранжевыми ковриками, мой Костюм пришел в некоторый беспорядок.

Тревога снедала меня все время, пока не появился запыхавшийся монах с двумя дешевыми полотняными ката. Ладно, выбора нет, пришлось купить такие — они хоть были чистые. Я оседлал одного пони, Таши — второго. Посыльный подробно рассказал, как ехать в Тренкар, летнюю резиденцию короля.

Жаль, что никто нас не видел при выезде из города; я казался себе рыцарем, скачущим с верным оруженосцем к монарху. Дорога прижималась к ледяному ручью. По ту сторону поднимались развалины двух древних крепостей. Кто построил их и когда? Позже в рукописях я найду упоминание о двух фортах Три — верхнем и нижнем, но больше никаких подробностей... За холмом показался Тренкар — селение в 20 домиков рядом с двумя квадратными зданиями; в одном из них был зал для собраний, а второе представляло летнюю королевскую резиденцию. Тренкар — собственное имение короля.

У встречного крестьянина мы спросили, где живет король. Человек был одет в очень красивую белую чубу из козьей шерсти домашней выделки. Он почтительно вытянул руку в направлении самого крупного строения.

Возле массивного деревянного портала я спешил. Никого не видно. Входить или нет без приглашения? Оглядываю дворец. Это, без сомнения, один из прекраснейших образцов тибетской архитектуры — большое здание с грациозными геометрическими пропорциями. Мустанг, очевидно, должен насчитывать не одно подобное сооружение. Если говорить о традициях, то достаточно вспомнить, что лхасский дворец далай-ламы — Потала, построенный 300 лет назад, имеет 19 этажей. Следовательно, он долгое время превосходил по высоте все здания Европы, пока в 1950 году в Бельгии и Западной Германии не возвели первые небоскребы. Но как будут выглядеть они, когда им исполнится, как Потале, 300 лет?!

По тибетским нормам здешняя столица — крупный центр. В самой Лхасе не больше 35 тысяч жителей, а Гарток, столица Западного Тибета, насчитывает едва 40 домов. Между Гартком и Лхасой, вдоль верхнего течения Брахмапутры, — практически необитаемая область. Ближайшая к Мустангу деревушка Традум состоит из 20 крестьянских жилищ и крохотного монастыря с десятком монахов. По сравнению с ними Ло-Мантанг — большая столица. Без сомнений, он играл важную роль в развитии тибетской культуры.

Поразительно, почему до сих пор этот край не привлекал внимания исследователей?

Таши напомнил мне, как нужно подносить ката: низко склониться и протянуть один конец, а второй держать у груди в знак нижайшего почтения. Затем надо положить шарф перед королем. Если он коснется его, это будет означать благосклонность; если не заметит подношения, — значит, я ему безразличен. Ну а если король обернет ката вокруг шеи, это следует понимать как знак сердечного расположения.

Из ворот вышел оборванный мальчишка и сказал, что мы можем войти. Во дворе старый слуга высунул мне язык и забрал лошадей.

Перед фасадом торчала высокая мачта с молитвенным флагом. Едва мы сделали несколько шагов, как навстречу кинулся громадный пес со вздыбленной шерстью. Мальчишка цыкнул на него и схватил за шею. Мы настороженно двинулись дальше к деревянной двери в углу двора. По обе стороны ее сидели на цепи еще два пса, встретившие нас залихватистым концертом.

Дверь открывалась во внутренний двор, опоясанный галереей. Под навесом стояли лошади; наличники и переплеты больших окон на втором этаже были выкрашены в синее, желтое и зеленое. В целом дворец выглядел не столь импозантно, как я ожидал. Крутая лестница вела на крышу, где помещалось своеобразное патио, со всех сторон укрытое от ветра; стенами служили двойные окна, заклеенные коричневой тибетской бумагой. Согнувшись, я вошел в дверь.

Надо мобилизовать все внимание, сказал я себе, от этой аудиенции зависит исход всего пребывания в стране. Жители Ло, несмотря на открытые улыбки, проявляли сдержанность, едва я начинал расспрашивать их об истории и обычаях Мустанга. Они считали, что знания подобного рода — удел грамотных людей, а те не станут откровенничать со мной без благоволения короля. Сказать чужеземцу, кто был первым королем Мустанга, в их глазах означало вмешательство в дела королевской фамилии.

Следовало во что бы то ни стало получить согласие короля. Но как объяснить ему, что информация, которую я желаю собрать, не имеет отношения к политике? Меня ведь можно

принять за шпиона или за агента какой-то политической группы, жаждущей узнать вещи, которые будут потом использованы для шантажа... Трудно оправдать любознательность одними лишь заверениями в ценности подобного рода сведений для науки.

Король Ангун Тенцинг Трандул не походил ни на одного из ныне царствующих монархов. Я мог основывать свои предположения только на рассказах Марко Поло о церемониале, принятом при дворах древних властителей Центральной Азии и Китая.

Поднимаю голову. Зал освещен солнцем, чьи лучи пробиваются сквозь полупрозрачную бумагу. Когда глаза привыкают к полумраку, замечаю четыре деревянные колонны, поддерживающие потолок и украшенные желтыми, голубыми, золотыми узорами. Пол земляной, как во всех мустангских жилищах.

Вдоль стены сидят человек двадцать мужчин, в молчании взирающих на меня. Я понял, что это королевский двор. У противоположной стены на низком деревянном сиденье в форме трона, покрытом подушками, подвернув под себя ноги, восседают двое людей. На секунду я заколебался — который из них король? Перед обоими на низеньких столиках стоят серебряные чашки. Тот, кто был помоложе, указал рукавом своей чубы на пожилого человека, сидевшего спиной к окну. Не было произнесено ни единого слова.

Я неловко согнулся пополам и, стараясь не потерять равновесия, положил край ката к ногам короля Ангуна Тенцинга Трандула. Затем ту же манипуляцию проделал Таши, надо сказать, с куда большей ловкостью. Молчание не прервалось. Выдержав паузу, пожилой король слегка раздвинул губы в улыбке и царственным жестом показал нам на два коврика рядом с ним. Я сел, запихнув под себя руками нижние конечности.

Весь двор смотрел на нас. Я тоже украдкой несколько раз бросил взгляд на короля и увидел, что тот разглядывает меня. Рядом с тронем ворковал в большой клетке голубь, между придворными и монархом мирно гуляли щенки — штук пять-шесть, не меньше. Сам зал являл собой удивительное сочетание роскоши и деревенской грубости, так характерной для средневековья. За исключением собак, никто не смел шелохнуться. Неожиданно из-за трона показались две курицы; одна нахально вскочила на золоченый резной край королевского столика и оставила там след. Я весь сжался, ожидая, что будет, но никто не обратил на это внимания.

Над головой молодого соседа я заметил висящие на стене два ультрасовременных охотничьих ружья. Король слегка склонил корпус, взял дивной работы фигурный кубок и сплюнул в него. Прочистив таким простым способом горло, он произнес:

— Каре ре (в чем дело)?

— Мы прибыли изъяснить низжайшее почтение вашему величеству, — пробормотал Таши.

Было условлено, что он заговорит первым: Таши знал изысканные выражения, принятые при обращении к важным персонам. Эти слова отличаются от разговорного тибетского языка, которым я владел. Таши очень волновался и нервно пытался спрятать руки в рукава моей французской куртки, но они, к сожалению, не так просторны, как у тибетской чубы. Мне было куда легче скрывать волнение.

Королю было на вид лет шестьдесят пять. Как и его подданные, он носил длинные волосы, заплетенные в косы, собранные на макушке и перевязанные веселой розовой ленточкой. На нем была очень элегантная чуба из темно-красной материн, подбитая стриженной овчиной. Суровое лицо выглядело усталым. Тяжелые веки почти не поднимались. Желая прервать невыносимое молчание, я начал:

— Простите меня за то, что я говорю по-тибетски, как деревенщина...

Король удивленно вскинул веки. Он был явно шокирован тем, что я первый заговорил с ним: это звучало непочтительно и вульгарно. Но по придворным пронесся шепот; видимо, мое знание тибетского произвело эффект. Ангун Тенцинг Трандул широко улыбнулся — лед был сломан, и я чуть-чуть успокоился.

Король осведомился, откуда я.

— Из Франции. Это очень далеко.

— Франция ближе к Лхасе или к острову Америка? — уточнил его величество.

Как и большинство тибетцев, он был убежден, что Земля плоская и имеет форму полукружия, обращенного диаметром на север. Полукруг зовется Южным миром и окружен со всех сторон океаном, в котором плавают острова. Те, кому доводилось слышать о таких странах, как Англия и Америка, уверены, что это небольшие острова. Центр мира — Лхаса, расположенная точно в центре диаметра полукружия. Не зная, где бы отыскать место для Франции в этом мире, я сказал, что она сосед Англии, но отдалена от нее морем.

Король был удовлетворен и спросил, что привело меня в его страну. Тут, как условились, вступил Таши:

— Мы прибыли в вашу страну, чтобы изучать ее прошлое, ее обычаи, посетить монастыри и посмотреть хранящиеся там древние книги.

На сей раз король был очень доволен, придворные тоже одобрительно закивали. Их присутствие, кстати, придавало аудиенции официальный характер. В зале сидело несколько детей, в том числе давешний мальчишка, пригласивший нас во дворец. Позже выяснилось, что это придворный паж, усыновленный королевским семейством, быть может даже незаконный сын кого-либо из членов правящей фамилии.

Паж снял с углей чайник и налил нам чаю в серебряные, как у всех, чашки. Король с отеческой улыбкой следил за угощением.

Несколько раз разговор прерывали присутствующие: они подходили к королю и простирались перед ним ниц. Это был ритуал прощания. Они удовлетворили свое любопытство, выяснили, зачем явились гости, и теперь считали, что могут отправиться по своим делам. Один старый крестьянин, однако, подсел поближе ко мне и вступил в беседу; это был любимый советник короля.

Разговор тек неторопливо. В Гималаях вообще стараются не торопиться. Ведь даже приветствие по-тибетски звучит «кале пхе» (не торопитесь). Налив нам не меньше десятка чашек соленого чая, слуги принесли фарфоровые тарелки с салатом. Как я потом выяснил, в салат идут сорняки, выполотые с хлебных и ячменных полей.

Сын короля спросил, хорошо ли мы устроились, и извинился за то, что не смог выделить нам более достойную резиденцию в городе, — если мы хотим, то можем жить у него в Тренкаре. Я вежливо отклонил великодушное предложение, сказав, что дела требуют моего постоянного присутствия в Ло-Мантанге...

Удивительное дело — меня не покидало ощущение величия происходящего, хотя вся обстановка была простой, а в сравнении с дворами индийских махараджей просто примитивной. Но именно так выглядели покои королевских замков во Франции и Англии в XI веке. Сейчас нередко забывают, что до крестовых походов — то есть до того, как с Востока в Европу завезли пряности, ковры, шелка и фарфор, — герцоги и бароны ходили по своим замкам босиком, спали на соломе в том же помещении, что и их лошади, а в аудиенц-залах разгуливали куры, как у короля Мустанга. Европейские короли и принцы не сразу превратились в изнеженных и утонченных монархов XVII–XVIII веков; раньше это были воины-помещики, хорошо знавшие в лицо своих крепостных, пировавшие с ними за одним столом. Они пили из бычьих рогов и ели на деревянных плошках. До XIV века большинство королей Франции едва разбирало грамоту!

И сейчас мне казалось, будто я читаю книгу по истории Европы.

Король сказал, что у него было три сына. Старший, Ангду Ньингпо, был коронован 14 лет назад, но умер после 11 лет правления. Пришлось ему, старику, вновь взять скипетр в ожидании момента, когда младший сын, Джигме Дордже, сменит его на троне; средний сын стал ламой в Царанге.

Его величество многократно бывал в Катманду, а однажды ездил в Индию на паломничество к святым местам буддизма. Редкие путешествия не изменили ни его привычек, ни манеры одеваться. Единственной современной деталью в его облике были очки в черепаховой оправе, купленные в Индии. Остальные приметы современности во дворце представляли два ружья, висевшие на стене. Долголетняя изоляция и традиционное

отвращение к западной моде гималайских жителей позволили им сохранить в неприкосновенности национальную культуру и обычаи. Король, кстати, сказал, что он прекрасный знаток этих предметов, и проявил готовность ответить на мои вопросы. К сожалению, отвечал он очень коротко, а расспрашивать в подробностях я не посмел.

В тот день я впервые услышал из уст короля имя Аме Пала. Фигура этого легендарного воителя представлялась загадочной, но король сказал, что именно Аме Пал основал государство Ло, построив большую крепость-дзонг Кечер. Развалины ее можно и сейчас видеть над Ло-Мантангом. Король с гордостью сказал, что в нем те же «кости», что и у Аме Пала (в тибетском мире это означает, что человек считает себя прямым потомком). Подумав, король добавил, что он восьмидесятый по счету потомок Аме Пала.

— Когда жил Аме Пал?

— Очень-очень давно, — уточнил король.

Я спросил затем, кто были «трое святителей» — Ангун Зампо, Нгорчен Кунга Зампо и Калун Зампо.

— Откуда вы о них знаете? — удивился собеседник.

Я рассказал, что во время краткой остановки в Джелинге нам сказали, что «трое святителей» позволили людям пить спиртное, ибо «люди не мулы». Король улыбнулся. Ангун Зампо, сказал он, был сыном Аме Пала, а Нгорчен Кунга Зампо — знаменитый лама, принесший в Мустанг веру. Третий святой был «калуном» тогдашнего короля (слово «калун» означает «управляющий»). Все они прославились своими деяниями, и их нарекли «тремя святителями». Я в восторге воскликнул, что хотел бы записать это.

Была одна загадка, которую я непременно хотел выяснить: когда точно Мустанг попал в вассальную зависимость от Непала? Исторические труды дают разные даты.

В книге историка Снеллгрова утверждается, что после первой непальско-тибетской войны 1792 года княжество Мустанг, лежащее на северных склонах Главного Гималайского хребта, оказалось в вассальной зависимости от гуркхских королей. Более того, автор писал, что один из сыновей непальского короля получил титул короля Мустанга и был посажен на трон в Ло-Мантанге. Это противоречит данным старинных хроник, гласящим, что раджа Мустанга — бхот, то есть тибетец; нет никаких следов и того, что сын непальского короля когда-либо занимал здешний трон. Да и датировка событий вызывает сомнения. Король уточнил кое-что в этой истории.

После восьмидесятилетней войны, сказал он, Мустанг сильно задолжал радже Джумлы (это древнее государство на южных склонах массива Дхаулагири когда-то властвовало над Западным Непалом). Мустанг 20 лет выплачивал дань Джумле, а потом гуркхские короли завоевали Джумлу, и, таким образом, Мустанг продолжал выплачивать дань уже Непалу. Непальцы никогда не завоевывали Мустанга. Они просто взяли на себя обязательство покровительствовать ему и получали дань, которую тот отправлял раньше Джумле. Все это произошло в 1795 году, после окончания войны между Тибетом и Непалом.

Так приоткрылась первая завеса над тайной страны Ло. Я, конечно, желал узнать еще многое, но боялся злоупотребить гостеприимством старого короля. Однако тот по собственному почину стал рассказывать, что Мустанг делится на семь областей, вернее, семь районов, и глава каждого района взимает королевские налоги. Я неосторожно брякнул, нельзя ли мне ознакомиться с бухгалтерскими книгами или хотя бы узнать, какую сумму платит народ Мустанга своему монарху, но по выражению лиц собеседников понял, что зашел слишком-далеко...

Кончив говорить, король знаком подозвал к себе высокого молодого человека, явно аристократического происхождения, судя по его великолепной чубе и золотому кольцу с бирюзой, которое он носил в ухе. Король сказал, что даст мне письмо к настоятелям всех монастырей. Молодой аристократ тотчас достал из складок чубы лист коричневой бумаги, серебряную чернильницу и длинную серебряную трубочку, откуда он извлек деревянную, остро заточенную палочку для письма. Вскоре документ был готов. Король стал шарить вокруг себя в поисках королевской печати. Но поскольку она так и не отыскалась, Джигме

Дордже протянул ему небольшую серебряную печатку. Король обмакнул ее в мягкую красную пасту и приложил внизу рескрипта. Бумагу несколько раз скатали, чтобы получился тонкий свиток, который и вручили мне.

Я развернул его и прочел:

«Сим объявляется королевская воля, чтобы по всей стране Ло ламы и трава (монахи) показывали французу, которых двое (имелись в виду Таши и я), все, что находится в монастырях, а также книги. Так повелел король Ло».

Под рескриптом стояла печать королевского дома из концентрических кругов.

Я поблагодарил, сложив ладони перед носом и повторив несколько раз: «Тудече, тудече». Неожиданно король сказал, что его сын болен. Я уже успел освоиться кое с какими медицинскими терминами и спросил, что с ним. Джигме Дордже ответил, что у него сильные боли в животе, он с трудом удерживает пищу. Почти безошибочно можно было определить дизентерию, тем более что он зимой ездил в Индию. Общеизвестно, что жители северного полушария часто болеют, оказавшись в тропиках. Живя в высокогорном климате, где относительно мало микробов, они заражаются дизентерией, едва спускаются в более теплые районы. Монахи, отправляясь на поклонение святым местам, непременно привозят домой болезнь и частенько \$лирают от нее, поэтому дизентерия слывет здесь «святой хворью».

В Ло-Мантанге у меня были таблетки, и я обещал завтра доставить лекарство.

На прощание король сказал, что я первый иностранец, которому дозволили остаться на продолжительный срок в его стране. Я выразил свою признательность и попытался откланяться. «Попытался», поскольку подвернутая нога, на которой я просидел несколько часов, затекла и понадобилось немало времени, прежде чем я обрел способность шевелить ею.

Вытащив из чубы припрятанную бутылку виски, я кое-как, хромая, доплелся до столика и заявил его величеству, что «это отличное лекарство от сердечных и прочих невзгод».

Ну что ж, аудиенция у правителя высокогорного королевства прошла, по-моему, удачно, была даже обещана еще одна встреча. Король дал разрешение посетить монастыри и осмотреть книги.

Таши, делаясь впечатлениями, нашел, что король «не слишком хорошо воспитан» (!) и говорит с «сильным акцентом, как все крестьяне Ло».

У ворот нас ждали пони, которых велено было вернуть слуге в Ло-Мантанге. Я помчался впереди Таши, испуская радостные вопли. Маленькие лошадки — я обратил на это внимание еще во время первой экспедиции по Гималаям — удивительно выносливы и не знают равных в беге по горам. Нет ли какой-нибудь связи между мустангами, известными во всем мире, и здешним королевством? К сожалению, нет. Наименование дикой лошади происходит от искаженного испанского «мостренго» (дикий), и оно бытовало задолго до того, как в 1850 году королевство Мустанг стало Мустангом. А что касается местной породы, то лучшие экземпляры, как сказал мне сын короля, выводят племена шерпов амдо.

Проснулся я от холода: нашу спальню-часовню насквозь продували сквозняки. В довершение в ней было полно церковных крыс, питавшихся дарами алтаря. Зато аскетизм моей новой жизни позволял оценивать все по иной шкале ценностей. Я стал получать удовольствие от глотка чистой прохладной воды, от пробуждений с восходом солнца. Я понемногу освобождался от всех привычек прошлой жизни, за исключением курения. Но и тут приходилось ограничивать себя, ибо курить в доме считается среди жителей страны Ло грехом. Гималаи остались в наши дни одним из редких краев, где люди не страдают от этого пагубного порока.

Среди лоба (жителей Ло) редко встретишь человека с хмурым лицом, дружеский смех звучит по каждому поводу; скажем, я не так завязал чубу или неправильно произнес какое-то слово — тут же раздается залиvistый смех. Я видел, что люди относятся с удовольствием к моим стараниям походить на них. Большинство впервые видело европейца. Тони Хаген и профессор Туччи слишком недолго пробыли здесь, чтобы оставить по себе какую-то

память...

Ребятишки на улицах частенько кричали мне вслед: «Длинноносый!» или «Желтоглазый!» Этим людям, которых на Западе зовут «желтыми», мы, европейцы, кажемся желтоглазыми из-за светлого пигмента зрачков. Ну а что касается первой клички, то мне не раз приходилось ее слышать в детстве в пансионатах Франции, Англии и Канады, где я жил. Мужчины в нашей семье унаследовали носовой отросток от Сирано. И здесь он особенно бросался в глаза.

В Ло-Мантанге кипела жизнь. На редких деревьях сидели громадные вороны — величиной чуть ли не с орла. Это одна из немногих птиц, сумевших приспособиться к гималайскому высокогорью. В сумерках они издают странные крики, напоминающие рев охотничьего рога. По утрам меня встречало чириканье воробьев, но эти птахи улетают с приближением зимних холодов. Лоба обожают птиц и вообще все живое. Голуби и воробьи едят из человеческих рук. Строгий запрет, наложенный буддизмом, свято соблюдается, поэтому многие животные, которые у нас на Западе считаются дикими, здесь приручены. По миграции птиц жители Мустанга определяют смену времен года; чтобы узнать, какой сейчас месяц, достаточно взглянуть, какие птицы кружатся в небе. Погонщики редко когда ударят мула или яка. А ударить лошадь — такое лоба и представить себе не может. Гармония между людьми и природой — один из самых трогательных аспектов жизни этого района.

Вообще мирный нрав и доброжелательность мустангцев поразили меня. Если не считать редких семейных ссор, сопровождающихся, как это принято во всем мире, криком, я не слышал и не видел здесь скандалов. Единственным человеком, выходившим из себя в Ло-Мантанге, был я. Недаром тибетцы считают дурной характер специфической чертой европейцев. Возьмите, к примеру, реакцию человека, опоздавшего у нас на поезд: разве не станет он ругаться и чертыхаться, хотя бы вполголоса? Кто у нас позволит себе оказаться в дурацком положении и не разгневается? Здесь мне живо пришлось умерить пыл. Однажды я напустился па крестьянина, который обещал что-то сделать для меня и не сделал. Тот с удивлением посмотрел на мое лицо и сказал:

— Вы такой ученый человек. Неужели темный крестьянин мог вызвать ваш гнев?

Это было хорошим уроком...

Чтобы доставить королевскому сыну обещанные таблетки, мы двинулись в Тренкар пешком. Дорога шла вдоль оросительного канала, от которого отходили акведуки. Строить ирригационные сооружения весьма непросто в краю, изрезанном глубокими ущельями, где в период таяния ледников мчатся бурные потоки.

Все города и села Мустанга, за исключением разве что Трен-кара и южных районов, расположены выше уровня вод, и жителям стоит немалых трудов поддерживать водоемы, жизненно важные для сельского хозяйства. Я осмотрел несколько устройств — это были подлинны шедевры смекалки и мастерства.

Шесть километров, отделяющие Ло-Мантанг от летней резиденции монарха, прошли довольно быстро. Но затем добрый час нам пришлось простоять перед запертыми воротами дворца, ожидая, когда нас впустят. Вопреки всем добрым намерениям, я начал чертыхаться. Наконец ворота отворили и нас провели в тронный зал. На сей раз там было гораздо меньше зрителей, чем во время первой аудиенции. Король был крайне любезен и немедленно заставил сына, который выглядел действительно плохо, проглотить мои снадобья. Все, казалось, шло хорошо до того момента, когда я спросил, могу ли посмотреть книги, о которых его величество упоминал накануне. Тот ответил, что в этих книгах ничего не говорится об истории страны, это просто сборники легенд и сказаний. Но он готов снова ответить на мои вопросы. Я очень огорчился... Что могло произойти за один день?

Туманные ответы еще пуще разожгли мое любопытство. Король сказал, что в незапамятные времена в Мустанге стояли четыре крепости. Развалины их сохранились донныне, названия — тоже, но никто не знает имен их владельцев. Покорив их, Аме Пал и провозгласил королевство Ло.

Интересно, что могло повлечь мою опалу?..

Первый иностранец, поселившийся в Ло-Мантанге, не мог не вызвать толки и пересуды. На нас частенько приходили взглянуть разные люди. Вдова, в чьем доме мы поселились, купалась в славе. Мужчины, женщины, монахи и дети без всяких околичностей вскарабкивались на крышу, садились, поджав ноги, в углу и глядели на нас с доброй улыбкой. Поначалу это вызывало раздражение, но оно улетучивалось, как только я сталкивался с доброжелательным взглядом сидящих. Они высовывали уважительно язык и... не трогались с места. Я сделался «общественной фигурой», и надо было обратить этот факт в свою пользу.

Каждое утро, прежде чем поднимался ветер, я выходил из города, чтобы осмотреть близлежащие руины крепостей. После обеда посещал лавки ремесленников или дома знатных людей. Нередко я приглашал своих новых друзей к себе на крышу. И так ежедневно.

В Мустанге нет четко фиксированного выходного дня. Жизнь зависит от сезона полевых работ и религиозных праздников, рассыпанных нерегулярно по всему календарю. В Мустанге, как и в Тибете, действуют два календаря: официальный лунный, начинающийся в феврале и насчитывающий 12 месяцев по 30 дней, и сельский календарь, варьирующийся в зависимости от района, скажем на юге он иной, чем в Ло-Мантанге. Поскольку этот календарь короче солнечного года, то каждые три года к нему добавляется лишний месяц. Я прибыл в Ло-Мантанг в последний день третьего лунного месяца, а по сельскому календарю шел уже четвертый месяц.

С кем я близко сошелся, так это с Пембой — тем самым молодым человеком, что привел в день приезда двух королевских лошадей. Мы сразу прониклись друг к другу симпатией, возможно, потому, что лет нам было поровну и оба мы разделяли страсть к этнографии. Обычаи страны интересовали Пембу живейшим образом; он был самоучкой — вещь редкая в стране, где обучение ведется по строгим религиозным канонам; природная любознательность подвигла его и на самостоятельные изыскания.

Недавно скончавшийся отец оставил Пембе большой дом по соседству с нашим — мы могли даже переговариваться с террасы. Несколько крохотных участков земли делали Пембу состоятельным человеком в местных масштабах. Со своей женой и двумя малолетними дочурками Пемба мог вести безбедное существование. И он радовался жизни: любил смех, шутку, хорошее пиво и дружеский разговор. Чем-то он напоминал Таши, но тот был чуточку слишком серьезен, а перенесенные травмы и лишения не позволяли ему относиться к вещам столь беззаботно, как Пембе.

По происхождению Пемба принадлежал к знатному семейству, что давало ему право, как он заметил со смехом, «жениться на дочери короля». Однако все четыре дочери Ангуна были лет на десять старше его и уже успели выйти замуж, так что он не смог воспользоваться родовой привилегией. Вторым преимуществом принадлежности к рангу лумбо (герцогов) была возможность иметь в Ло-Мантанге трехэтажный дом; рядовой горожанин мог строить только двухэтажный — так, чтобы крыша не была выше городских стен. На третьем этаже дома Пембы, как и у нас на крыше, была построена часовня и еще одна комната.

С детства Пемба стал заядлым книголюбом. Количество книг в Мустанге просто ошеломляет: они есть в каждом доме, а в любом монастыре собраны богатые библиотеки из манускриптов и печатных текстов. В большинстве это произведения религиозного содержания: священные писания, комментарии к ним, списки божеств и молитвы на все случаи жизни. Есть также многочисленные биографии выдающихся лам и монахов — они-то и составляли для меня главную ценность. Кроме того, фигурируют путеводители для паломников, сказки, легенды, стихи. Исторические сочинения, к сожалению, большая редкость.

В доме Пембы хранилось хорошее собрание легенд и причудливых историй, которые он охотно пересказывал мне, сидя у очага и потягивая чай с сахаром. Он интересовался также медициной и имел солидное число трактатов на эту тему; кроме того, он помогал двум

ломантангским «врачам». Пемба одно время сам хотел стать врачом, но потом оставил эту мысль, поскольку «собираение трав, насекомых и камней отнимает слишком много времени».

В отличие от монахов Пемба устремлял свою любознательность вширь. Он и сам писал книги, в основном для детей, и сам же иллюстрировал их прелестными рисунками в классическом тибетском стиле.

Пемба никогда не покидал Мустанга, хотя вообще жители Ло часто ездят по торговой или другой надобности за границу, а практически все отпрыски местных аристократов учились в юности в лхасских монастырях. Это не помешало ему страстно увлечься Францией — столь же страстно, как я увлекся его собственной страной, и вскоре мы сделались неразлучными.

Пемба стал незаменимым гидом по Ло-Мантангу. Красивый, улыбающийся, с готовой шуткой на устах, он дружил практически со всеми; через него и я познакомился с большинством семейств мустангской столицы. Впрочем, сделать это оказалось нетрудно, поскольку в черте города проживало лишь 152 семьи. Считая дедушек и внуков, дальних и близких родственников, а иногда и слуг, общая численность населения Ло-Мантанга составляет одну тысячу человек.

Как правило, лоба высокорослые, и рядом с ними Пемба выглядел коротышом. Лицо его казалось ангельским в обрамлении черных кос, обвитых вокруг головы. А свои одеяния Пемба менял что ни день, чубы и сапоги каждый раз были разных цветов и выделки. Поначалу я думал, что он владелец богатого гардероба, но вскоре выяснилось, что у Пембы это просто мания: он обожал покупать новую одежду, немедленно продавая старую, проносив ее несколько дней.

Надо заметить, эта страсть в ходу у молодых мустангских аристократов. В королевстве Ло нет ни магазинов, ни лавок. Одежда и остальное делается на дому, но богатая знать гоняется за шикарными вещами, привозимыми из Лхасы и других заграничных краев. Ло-Мантанг слишком невелик, чтобы здесь процветала коммерция роскошными чубами и шевровыми сапогами, так что юные щеголи вынуждены меняться ими друг с другом.

Вообще торговля и обмен — излюбленные занятия в гималайских краях. Здесь человек в любой момент готов обменять свою рубашку на сапоги приятеля, а уж если прибывает заезжий купец, то сбегается весь город. Это относится не только к гардеробу. Ввиду отсутствия постоянных рынков в ходу обмен и перекупка серебряных чашек и медных котелков. Вспомним, что в средневековой Европе ножи ввозили из Толедо или Шеффилда, фарфор из Саксонии, шелк из Китая, а стекло из Венеции. И естественно, привезенная за тридевять земель дорогая вещь ручной работы становится еще дороже. Я был потрясен, узнав, сколько Пемба платит за свои одежды. Лучшие тибетские сапоги, объяснил он, шьют сейчас мастера в Калимпонге. Шелка по-прежнему доставляют из Тибета, серебряные чашки и украшения делают непальские умельцы. Каждый район славится чем-то своим.

Не меньшим спросом пользуются книги — за ними гоняются, их обменивают. Большинство продукции печатается в монастырях Восточного и Западного Тибета, за много-много километров от Ло. Они редки и стоят дорого. Чтобы достать книгу по сходной цене, жители Ло-Мантанга покупают в Бутане кипы коричневой бумаги и месяцами обходят пешком монастыри, где есть деревянные матрицы, заказывая, таким образом, печатную книгу на собственной бумаге. Пемба посвятил меня во все секреты и маленькие хитрости местной купли-продажи.

С Таши и Пембой мы составили веселое трио, и я ни одеждой, ни языком не отличался от них. Пемба оказался знатоком истории Ло, и мы, словно три детектива, бродили по городу в поисках прошлого. Скажу сразу же, что по большей части исторические сведения Пемба почерпнул от своей любимой жены Нимы.

До замужества Нима была фрейлиной королевы Мустанга — жены умершего старшего сына Ангуна; смерть унесла Ангуна Ньингпо за полгода до моего приезда. После кончины мужа экс-королева с двумя дочерьми уехала жить в Катманду.

По установившейся веками традиции все мустангские королевы были родом из Тибета. Когда она приехала в свое время в Ло, то привезла из родных мест — Шигацзе — юную фрейлину Ниму. Пемба влюбился в нее с первого взгляда, но королева пожелала испытать Пембу, прежде чем огдать за него свою любимую наперсницу. Для этой цели молодой король сделал Пембу своим секретарем, и целый год тот проработал во дворце. Королева исподволь наблюдала за ним и, убедившись, что это умный и порядочный юноша, позволила ему жениться на Ниме.

На мой взгляд, они составляли идеальную пару. Нима — красавица с царственной осанкой. В отличие от большинства азиатских стран, где женщинам отводится подчиненное положение, а кое-где они просто живут на положении рабынь, здесь они чувствуют себя на равных с мужчинами. В истории Тибета королевы играли важную роль и управляли странен. В гималайских странах женщины непременно участвуют во всех празднествах и церемониях, что придает им особое обаяние. Будучи французом, я не преминул отметить эту черту как признак высокого развития цивилизации.

Когда улегся ажиотаж первых дней, я приступил к систематической работе. Перво-наперво с помощью Пембы я вычертил план-карту Ло-Мантанга. Оказалось, что почти все улицы представляют тупик, упираясь в городские стены; сплошь и рядом они ныряли под дома. Как обозначить темные туннели, к тому же поворачивавшие под прямым углом? Я сам, выходя на свет, не мог сориентироваться.

Блуждая с карандашом и картоном по улочкам Ло-Мантанга, я вскоре стал местной достопримечательностью. Первое время за мной ходила толпа, заглядывая через плечо в «рисунок». В конце концов план начал принимать законченные очертания.

Ло-Мантанг представляет собой большой правильный прямоугольник со сторонами около 300 на 150 метров. Один угол, там, где находится дворцовая канцелярия, как бы отгрызан. В городе насчитывается 120 домов, склеившихся друг с другом. Можно было бы обойти кругом, переступая с крыши на крышу, если бы их не окаймляли стены террас.

Ввиду отсутствия растительности дрова — дефицит в Мустанге; топят, когда удастся, узловатыми корневищами кустарников, растущих в более влажной снежной зоне. Но обычное топливо — ячий кизяк, причем, сгорая, он дает удивительно приятный дым, отдаленно напоминающий ладан.

Улицы не превышают двух метров в ширину, зато площади широкие. Пемба объяснил, что Ло-Мантанг разбит на четыре квартала — Потоли, Кутанг, Кималинг и Чантанг. Самым престижным, естественно, считается тот, где расположен королевский дворец, — возле городских ворот; там же находится и главная площадь, где я видел церемонию изгнания демонов. Площадь носит название «Де». Жители каждого квартала имеют свои особые праздники, которыми руководят четверо церемониймейстеров — лоекумов. Трехэтажные дома аристократии (общим счетом 12) рассыпаны по всему городу; квартал бедняков лепится рядом с так называемым Новым монастырем. Две другие обители — частью уже заброшенные — расположены в шикарном квартале.

Внутри города, возле большого молитвенного зала, именуемого «Божьим домом» Мустанга, воздвигнута группа из восьми чортонов. Белая громада зимнего дворца, насчитывающая пять этажей, оказалась ниже центрального здания монастыря.

В Ло-Мантанге живет около двадцати семейств племени гара; хотя они и принадлежат к тибетской этнической группе, к ним относятся с презрением. Дело в том, что гара из поколения в поколение — кузнецы, а это занятие считается «нечистым». Подобный остракизм особенно удивителен, потому что в Мустанге нет кастовой системы и все общественные группы сосуществуют на более или менее демократической основе. Но гара запрещено селиться в черте города. Их дома стоят возле глубокого оврага, служащего свалкой. Кроме кузнечного они занимаются также мельничным делом, поэтому при каждом доме пристроена водяная мельница.

За исключением гара, остальные жители Ло-Мантанга тесно связаны между собой, как и подобает обитателям города-крепости.

Такова картина «моего» города. По западным меркам Ло-Мантанг не заслужил бы права именоваться городом. Но здесь это столица целой области.

Потаенная история

Много дней уже я вел жизнь типичного лоба, постепенно проникаясь сознанием, что иной жизни и не может быть.

Подданные короля Мустанга делятся на четыре класса: аристократы, монахи, крестьяне-землевладельцы и — в самом низу социальной лестницы — безземельные крестьяне, работающие на королевских полях или в услужении в богатых семьях. Кроме того, существуют два племени париев: уже упоминавшиеся мной гара и шемба — мясники, убивающие животных.

В свою очередь классы подразделяются на группы. Так, в группу феодалов входят лумбо (герцоги) и джемба (бароны).

Из среды герцогов назначают глав семи районов страны Ло, одновременно они получают придворную должность — секретаря или начальника канцелярии. Герцоги подчиняются «правой руке» короля — его министру и официальному представителю.

Джемба являются правителями деревень (в каждом районе по две, три, а то и четыре деревни).

Затем следуют крестьяне, составляющие «миссе» — народ Мустанга. Крестьяне группируются по семьям, у каждой семьи свой ранг в зависимости от величины налога, который они уплачивают королю натурой. Некоторые семьи обязаны в случае необходимости выставить солдат, другие — выделить лошадей для королевского багажа, третьи — разносить его послания во все концы королевства. Самые бедные обязаны поставить определенное количество дров, пасти стада или следить за сохранностью четырех королевских дворцов. Есть и такие семьи, что должны читать на площади вслух молитвы за здоровье монарха.

Итак, основной ячейкой общества является трумпа (дом), то есть семья. По всем критериям Мустанг — относительно бедная страна, пригодных земель здесь мало. По этой причине сын, когда женится, не может отделиться. Работать на чужих наделах бессмысленно, ибо обрести землю он все равно не сможет. Из этого положения семья находит такой выход.

Если у человека три сына, он передает по наследству все имущество — дом и надел — старшему; второй сын идет в монахи; младший живет со своим старшим братом либо тоже идет в монахи или на службу в дом аристократа.

Этим объясняется обилие монахов в Мустанге и во всем тибетском мире. Множество молодых людей живут со старшими братьями, причем делят с ними не только хозяйство, но и жену. Полиандрия широко развита здесь; у женщины бывает по два, три, а то и четыре супруга — родных братьев, живущих под одной крышей.

Еще один обычай призван оживить хозяйственную деятельность: когда старший сын женится, он берет в свои руки бразды правления в доме, а отец «уходит на пенсию». Таким образом, детям не приходится ждать смерти родителей, чтобы начать самостоятельную жизнь. Молодые люди в расцвете сил включаются в руководство делами. Пожилые окружены любовью, к их слову прислушиваются, их советы ценят.

В свете сказанного не будет преувеличением утверждать, что в Мустанге будущее за молодежью. По тем же причинам старый король Ангун Тенцинг уступил свой трон старшему сыну, и не его вина, что тот умер после 11 лет царствования. Как только женится младший сын Джигме Дордже, страна вновь получит молодого и динамичного правителя.

Я сделал еще одно удивительное открытие. Каждый гражданин страны Ло ведет как бы

тройную жизнь. Весной все работают в поле — пашут и сеют. Летом большинство горожан покидает дома и живет в юртах на пастбищах возле лошадей, мулов, ослов и коз. Зимой, когда холод сковывает мустангское высокогорье, все жители, за исключением женщин, детей и стариков, отправляются торговать. Раньше они уезжали в Тибет или спускались в Непал. Зима — идеальное время года для путешествий: реки замерзают либо сильно мелеют, так что их легко преодолевать. Кроме того, зимой лоба меньше болеют в южных долинах Непала.

Необходимость вести такое тройное существование превратила лоба в народ крестьян, кочевников-скотоводов и купцов. Согласитесь, достаточное разнообразие в сравнении с другими народами, вынужденными заниматься всю жизнь одним делом. Крестьянская жизнь приучила лоба к тяжкому труду; кочевое существование настроило на философский лад, а зимние торговые походы привили предприимчивость и широту взглядов. Подобное сочетание достаточно редко встречается в иных краях. Нет, Мустанг, выглядящий «бесплодным, как дохлая лань», бурлит жизнедеятельностью.

И так же как профессия накладывает отпечаток на образ мыслей, так и нравы народа сказываются на его характере. Люди здесь отличаются широтой ума и здравым подходом к жизни. Недаром обитатели «крыши мира» пользуются репутацией людей надежных и незлобивых. Книги путешественников, побывавших в Тибете с XVII века до наших дней, свидетельствуют об этом. Понимая всю опасность подобных обобщений, я все же рискну утверждать, что лоба сумели создать гармоничное общество, позволяющее жить в ладу с собой. К этому необходимо добавить индивидуальные черты, о которых я уже говорил, — веселость нрава и упорство в тяжелом труде.

Я попал в самый разгар сельскохозяйственного цикла. Весна только начиналась, и, хотя в первые недели в столице еще выпадал обильный снег, в долинах он уже стоял. Каждое утро скот гнали из Ло-Мантанга на пастбища (если называть этим словом чахлую траву, робко пробивавшуюся по берегам ручьев и оросительных каналов).

Вообще перспективы скотоводства выглядели донельзя скверно, об этом мне озабоченно говорили все. В прошлые времена король заключал с губернатором тибетской области «Белая крепость» соглашение, по которому лоба могли, не платя возмещения, пасти своих яков на зеленых склонах Брахмапутры к северу от мустангской границы. Сейчас это невозможно.

На территории Мустанга гуляют дикие ветры, врывающиеся на плато через воронку между массивами Аннапурны и Дхаулагири и уносящие значительную часть муссонной влаги. Эти южные бури начинаются и прекращаются точно по часам: в полдень, когда воздух над Непалом нагревается, и после захода солнца, когда температура понижается. Жить в Мустанге — значит примириться с гигантским сквозняком, задувающим через открытую дверь Большой Гималайской щели.

Город Ло-Мантанг создан с учетом климата и занятий его обитателей. Все дома обращены глухой стеной к югу. Каждый этаж строго соответствует своему назначению. В первом держат скот и хранят припасы, туда же складывают караванный груз. Во втором этаже, где жилые помещения, проделаны узенькие окошки — только так можно сохранить тепло в зимнюю пору. А когда приходит жара, семья перебирается на крышу; осенью там обмолачивают цепом зерно и занимаются домашними делами. Стенки террас служат убежищем от ветра. Высокая городская южная стена не только защищает обитателей от воров и разбойных нападений — без нее жизнь была бы просто невозможной, настолько силен ветер. Песчаные бури за один сезон похоронили бы столицу. Город — это комфорт, оазис спокойствия посреди голых степей Мустанга.

На четвертый день по совету Пембы мы с Таши нанесли утренний визит Тсевану Ринцингу — «очень важному человеку, которому все известно», как отрекомендовали его. Ринцинг был нашим соседом. Он жил в просторном двухэтажном доме напротив зимнего королевского дворца, выходящего на главную площадь города. Сунув под чубу записную книжку, я с медвежьей грацией спустился по насечкам в бревне во двор.

Фасад дома Тсевана Ринцинга украшала солидная деревянная дверь; по обе стороны

были два окна, закрытые снаружи шторами. Почему лоба вешают шторы не в комнате? Загадка.

Делают эти занавески из прочной шерстяной ткани и подтягивают кверху на веревочках. Красные, синие или ярко-белые наличники придают домам праздничный вид.

Дверь оказалась запертой на ключ. Ничего удивительного: у «очень важного человека», по-видимому, немало добра. Довольно долго мы стучали кулаками, прежде чем откуда-то сверху появилась старуха с громадным ключом. Звякнул массивный замок, и мы вошли. Правда, прежде я убедился, что здоровенный пес, зашедшийся от хриплого лая, как следует привязан.

Мы оказались в маленьком дворике-колодце, куда выходили крытые галереи. Узкая и крутая лестница из каменных ступеней вела на второй этаж. Новая дверь, уже не такая толстая, открылась без ключа. Просторную комнату слабо освещали лучи солнца, проникавшие через отверстие в потолке. Стены почернели от копоти; начищенные медные котелки блестели на грубо сколоченной подставке. В центре комнаты был квадратный очаг, обнесенный массивными деревянными балками.

К очагу со всех сторон примыкали покрытые ковром матрацы. Они были разной высоты, так что шесть человек могли разместиться на них сообразно со своим рангом и общественным положением. В самой низкой части «софы» молодая женщина кормила грудью ребенка. На почетном месте восседал Тсеван Ринцинг.

Это был мужчина редкой красоты: слегка раскосые глаза, нос прямой и тонкий, густые, гладко зачесанные волосы. В Европе он вполне сошел бы за хорошо загорелого киногероя. На Ринцинге была изящная темно-голубая чуба, из-под которой выглядывала белоснежная шелковая рубашка, застегнутая у ворота золотой пуговкой.

Манеры его были под стать внешности — учтивые и предупредительные. Он тотчас распорядился подать нам чай с молоком, но без соли. Женщина, кормившая ребенка, поднялась и вышла; я принял ее вначале за служанку, но, оказалось, что это жена хозяина, три недели назад принесшая счастливому отцу седьмого ребенка. В углу мальчик лет шести прилежно делал уроки под присмотром старого монаха. Острой деревянной палочкой он переписывал в чистую тетрадь буквы, пытая от старания и высунув кончик языка.

Тсеван Ринцинг явно гордился детьми. Разговор быстро перешел от погодных впечатлений к цели нашего пребывания в Ло. Потом хозяин спросил, нет ли у меня с собой лекарства для его жены и малыша. У мадам Ринцинг (мне следовало бы сказать — «у принцессы», поскольку она была одной из четырех дочерей короля) было на сей раз мало молока, и ребеночек выглядел хилым. Все, включая мать, полагали, что он умрет. Хозяйка без всякого стеснения показала мне грудь, но, увы, я не мог ей ничем помочь.

Проявив свою полную медицинскую несостоятельность, я завел речь об истории королевства Ло. Но после первого же вопроса Тсеван Ринцинг закрыл ладонью рот, как бы давая обет хранить молчание. При этом я заметил у него на руке массивное кольцо из зеленого нефрита, надетое почему-то на большой палец. Оно было шириной больше двух сантиметров и мешало двигать пальцем. Как и спущенные рукава чубы, это было знаком аристократизма — того, что руки не нужны для работы. Мое тоненькое золотое обручальное кольцо имело плебейский вид рядом с украшениями Тсевана. На левой руке у него красовался браслет в виде длинной золотой спирали. Эти спирали служат не только для декоративных целей, это своего рода удобная «чековая книжка» — по мере надобности от спирали отламывают кусочки, уменьшая свой личный золотой запас.

Будучи зятем короля и сыном покойного королевского министра, прославившегося своей ученостью, Тсеван Ринцинг имел все, что только может пожелать житель страны Ло. И он сознавал свою значительность. Разговор перешел на денежные дела. Ринцинг осведомился, не хотим ли мы продать ему кое-что из своего снаряжения. Я ответил, что не торгую вещами, но готов обменять их на книги по истории, если таковые найдутся. Глаза хозяина блеснули, и не успели мы допить крепчайший чай, как он повел нас в личную

часовню, построенную там же, на втором этаже.

Молельня производила сильное впечатление. Сложнейший резной алтарь, покрытый красной краской и позолотой, украшали чудесные статуэтки святых, их было не меньше дюжины; по обе стороны алтаря тянулись полки с книгами — целая библиотека! Здесь находился полный ганджур в ста восьми томах. Но меня куда больше заинтересовали небольшие книжки, под тяжестью которых сгибались полки.

Тсеван Ринцинг, однако, не спешил допускать нас к своим богатствам. Любезным жестом он указал на рисованные свитки, развешанные по стенам против окна. Мой взгляд равнодушно скользнул по ним: рисунки были явной подделкой «под старину». Я заявил хозяину, что не собираюсь их покупать, но на всякий случай осведомился о стоимости. Тсеван Ринцинг, не задумываясь, назвал несусветную цену — раза в два дороже, чем такие вещи стоят у европейских антикваров. О книгах не было произнесено ни слова... Забегая вперед, скажу — это был первый и последний случай в Ло, когда мне торговали вещь, связанную с религией.

Тсеван Ринцинг с гордостью продемонстрировал пол в часовне — тот был гладкий и напоминал современный цементный пол. Хозяин долго объяснял, как его покойный отец привез из Лхасы рецепт, по которому, смешав пять сортов глины из разных районов Мустанга, изготовили такой пол — ровный и прочный.

Потом мы перешли в укромную комнатку на последнем этаже, то был личный кабинет Тсевана, где он хранил самые дорогие сокровища. По всей стене громоздились на подушках массивные деревянные ларцы, одни крашенные, другие обтянутые кожей. Я словно попал в пещеру Али-Бабы!

В углу стояли два длинных мушкета с вилообразными штыками и изящный лук со стрелами — явно боевое, а не спортивное оружие. Формой он напоминал фигурную скобку, такие луки можно видеть на картинках, изображающих воинов Чингисхана. Я полюбопытствовал, откуда он. Тсеван охотно ответил, что пользуется луком ежегодно на стрелковых состязаниях, устраиваемых 14, 15 и 16-го числа седьмого месяца по тибетскому календарю.

Повосторговшись диковинами, я попросил Тсевана показать мне остальные сокровища. Хозяин не без удовольствия достал плоский ключ и со звоном стал поворачивать замки в ларцах. В одном лежали книги и три узорчатые серебряные ручки с перьями. В другом среди шелковых отрезков покоилось полдюжины серебряных кинжалов, рукоятки которых были украшены религиозными символами. Большой сундук оказался битком набит праздничными одеждами жены, и хозяин обещал, что она их наденет, если я ее сфотографирую. В углу стояли длинные мечи. Наконец, из самого тяжелого сундучка Тсеван извлек две золотые шкатулки — в них богатые тибетцы берут с собой в дорогу семейные святыни, статую ламы или какого-нибудь божества.

Да, но где предметы, относящиеся к истории страны Ло? Хозяин ответил, что не хотел касаться данной темы в присутствии жены и детей, ибо, если король узнает, что он, Тсеван, раскрыл иностранцам тайны своей страны, то будет очень разгневан. Желая ободрить словоохотливого патриция, я сказал, что король самолично поведал нам историю Мустанга, и хотелось бы лишь уточнить некоторые детали.

Из уст Ринцинга мы услышали несколько иную версию легенды об Аме Пале и основании королевства Ло. Тсеван утверждал, что до воцарения Аме Пала на территории Мустанга стояли четыре независимых города-государства: Пура-Чачагам, Кара, Пуранг и Рари-дзонг. Эти четыре названия оказались теми золотниками, которые мне удалось в тот вечер унести из дома влиятельнейшего жителя Ло-Мантанга.

Поднявшись к себе наверх, я столкнулся нос к носу с существом, которое принял сперва за козу. С одного конца в него вцепился Калай, с другого — морщинистый старик. Калай объяснил, что мясо этого зверя весьма вкусно (это оказалась овца). Впрочем, спутать было немудрено, поскольку овцы в Мустанге наделены природой витыми рогами и длинной шерстью. Как удалось им втащить косматого гостя по бревну на крышу, оставалось

полнейшей загадкой, но то, что спустить его тем же путем вниз не удастся ни за какие коврижки, было ясно. Так, не успев еще сообразить что к чему, я вступил во владение овцой, а Калай отсчитал хозяину астрономическую сумму за скотину, оказавшуюся под своей пышной шубой тощей и жилистой.

Проблема казалась неразрешимой. Что делать с овцой на крыше? Самым простым было съесть ее, но вначале овцу следовало зарезать. Калай, я знал, на это не подвигнуть: будучи тамангом, он никогда умышленно не лишит жизни божью тварь.

Его помощник Канса, подмигнув оставшимся глазом, твердо сказал, что не возьмет греха на душу. Таши немедленно напомнил, что воспитывался в монастыре. Выходит, заклание выпадало на мою долю.

Но это было невозможно! Не то, чтобы я был принципиальным вегетарианцем, отнюдь, но убийство овцы требует известного навыка, которым я не обладал.

Пока экспедиция обсуждала животрепещущий вопрос, на крышу ловко влезла старуха и уселась, с улыбкой глядя на эту сцену. Надо сказать, с первого дня Калай и Таши с подозрением относились к ее визитам. В здешних местах распространено убеждение, что колдуньи (а они без всяких оснований зачислили в эту категорию нашу домохозяйку) подсыпают в пищу яд. В гималайских странах это весьма распространенный способ мести.

К сожалению, яд не мог разрешить проблему с овцой. Ясно было, что следует призвать шембу: только этот пария сможет совершить нечистое дело, без него овца никогда не попадет в котел. За шембой на другой конец города отрядили помощника повара, и вскоре могучий мужчина появился у нар на крыше. Это оказался мой знакомый, не так давно он просил меня излечить его от фурункулов. За скромное вознаграждение в виде внутренностей овцы дело было сделано; Калай унаследовал коврик из овечьей шерсти.

Едва закончилась экзекуция, как на верхушке лестницы показалась голова Пембы.

— Сыну короля, — задыхаясь от бега, сказал он, — очень плохо. Люди говорят, что он умирает из-за ваших лекарств.

Кровь застыла у меня в жилах. Что, если Джигме Дордже умрет? Страшно было даже подумать о последствиях.

— Не надо было давать таблеток, — зашипел Таши.

Но раз уж я ступил на путь врачевания, надо было доводить дело до конца: таблетки не подействовали, следовало начать лечить более сильными средствами — антибиотиками. Может, Джигме Дордже не так худо?

— Шита, шита нагиндук (очень, очень болен), — покачал головой Пемба.

Он добавил, что оба ломантангских знахаря уже вызваны во дворец... Н-да, я знал, что в арсенал местных снадобий входят сушеные лягушки, которых Пемба показывал мне в своем аптечном наборе, поэтому благополучный исход вызывал сомнения.

Я послал Таши с наказом во что бы то ни стало найти двух лошадей. В ледяном воздухе со стороны Нового монастыря уже раздавался рокот барабанов. Раскрыв металлический ящик, я стал рыться в аптечке, с таким тщанием подобранной женой в Катманду. Пенициллин, аспирин, антибиотики. Какая комбинация подойдет в данном случае?

Таши появился с двумя лошадами. Набив пузырьками и коробочками полы своей чубы, я сел в седло. Солнце било в зрачки всю дорогу до Тренкара, куда мы мчались во весь опор.

Возле дворцовых ворот сердце у меня упало. Слишком поздно!.. На земле между трех огромных красных камней теплился костерок. Это был знак, предупреждение, что за стенами дворца кто-то отходит и ни один человек не смеет переступить порога. Я уже наблюдал несколько раз в городе этот ритуал. Вообще говоря, обычай имеет глубокий смысл, поскольку не позволяет распространяться заразным болезням, но сейчас я его проклинал на чем свет стоит.

Вряд ли приходилось надеяться, что кто-то из слуг возьмется передать лекарства. Жизнь наследника трона теперь была в руках знахарей и заклинателей демонов, пытавшихся громкими песнопениями выгнать злого духа из тела больного.

Я стоял понурясь возле своего пони, как неожиданно из ворот вышел человек лет тридцати пяти в щегольской чубе. Это был церемониймейстер, в котором я только сейчас с великим удивлением признал сына нашей домохозяйки!

Он мягко повторил то, что и так было известно: Джигме очень болен, и нам нельзя быть во дворце. Но он вызвался попросить короля выйти к нам. Церемониймейстер ввел нас через маленькую калитку в так называемый королевский сад, где росло несколько ив. В Европе на них бы не обратили внимание, но здесь, в иссушенном ветрами Мустанге, я должен был признать вслед за Таши, что деревья — это счастье. Крохотные канавки подводили воду к каждому стволу; за ивами ухаживали так, как мы в Европе ухаживаем за цветами.

Слуга вынес ковры, и мы уселись под кронами. Потянулись полчаса томительного ожидания. Царедворец наконец вышел с известием, что король не сможет нас видеть и не хочет принимать от нас никаких лекарств... Это был дурной признак. Тем не менее надежда оставалась, потому что его величество распорядился подать нам чай.

Днем, сказал придворный, должен прибыть на закрытие праздника «невне» святой лама; он исполнит ритуал «ванг» во славу долголетия, и есть надежда, что это поможет больному принцу.

«Невне» следует сразу за кратковременным постом, во время которого жителя Ло двое суток не едят, не разговаривают, ничего не обменивают и воздерживаются от супружеской жизни. Подобные посты соблюдаются дважды, а то и трижды в году. Церемония «ванг» заключается в приношении жертвы богам, дабы увеличить шансы ныне живущих на более счастливое перевоплощение в будущем.

Звон колокольчиков возвестил о прибытии святого ламы. Впереди процессии на красивой лошади ехал солдат-кхампа в высокой меховой шапке. Сам лама был облачен в ярко-оранжевую тогу, голову его венчал шлем из красной с золотом эмали — точь-в-точь архиепископ в тиаре.

Тренкар, до этого казавшийся вымершим, сразу ожил. Возле дворцовой ограды разбили огромный, не меньше десяти метров в диаметре, белый шатер, появились музыканты с барабанами и флейтами. Мы с Таши испросили разрешения присутствовать на церемонии, и нас от имени святого пригласили к шатру.

Суровое лицо ламы производило сильное впечатление. Таши шепнул мне, что «он все-все знает». Великий маг был целиком поглощен подготовкой к ритуалу: под рокот барабанов надел поверх тоги парчовую накидку, испещренную тысячами буддийских символов долголетия; потом, позвякивая колокольчиком, начал сосредоточенно молиться, время от времени закрывая лицо краем накидки. Раз или два, прервав моление, он прикрикнул на толпу селян, теснившихся у входа в шатер, веля им вести себя потише.

Затем всем присутствующим, в том числе Таши и мне, раздали по несколько ячменных зерен, которые полагалось под звон цимбал и песнопения бросать в ламу. Я был очень смущен последним обстоятельством. Когда первая часть закончилась, всех выгнали из шатра и велели заходить по одному получать благословение. Мы с Таши, как почетные гости, были приглашены первыми.

Я вступил в шатер, склонил голову, лама поставил мне на затылок серебряную вазу с павлиньим пером, прочел несколько молитв, а его помощник повязал вокруг шеи желтую ленту. Я остался сидеть рядом с архиепископом.

Матери вносили в шатер детей, и лама нежно прикасался вазой к их головкам. Каждый человек укладывал перед ламой свой шарф-ката, и вскоре великий ученый оказался по колено в материи. Я заметил, что во многих ката были завернуты деньги. Кое-кто приносил для благословения вещи — новую чубу, платье, шапку, кувшинчик, молитвенную мельницу.

Церемония длилась уже добрый час. Целая вереница незнакомых лиц проплыла передо мной. Когда все закончилось, архиепископ почти скрылся под грудой ката. По моим подсчетам, благословение на долголетие явились получить не меньше 500 человек, прибывших со всех концов страны Ло.

После короткого разговора с ламой мы уехали. На прощание он пригласил нас прибыть в его резиденцию — удаленный монастырь Ло-Гекар.

Всю обратную дорогу, пока мы скакали в Ло-Мантанг, я был под впечатлением увиденного. Зрелище, конечно, было из ряда вон выходящим и должно было оставить в душах верующих глубокий след...

Пообедав, мы с Таши отправились осмотреть большой форт Кечер, возвышающийся на голом холме — последней вершине узкого хребта, разделяющего северный Мустанг на две долины. По преданию, эту крепость соорудил сам Аме Пал и отсюда начал завоевание остальных твердынь своего будущего королевства.

Мы оставили лошадей у подножия и начали подъем. Холм был не очень высок, от силы 300 метров, но здесь каждый шаг стоил немалых трудов. Когда я останавливался, чтобы перевести дух, и оглядывался назад, подо мной волнами разбегалась безжизненная долина. А добравшись до форта, я увидел у своих ног не только весь Мустанг, но, казалось, весь мир.

На запад уходила долина Тренкар, на северо-восток — другая долина с шестью маленькими селениями по берегам тоненького ручья. Хотя... да, совершенно верно, это Кали-Гандак. На юге виднелся правильный прямоугольник Ло-Мантанга, красные крыши монастырей на черно-белой шахматной доске домов. По углам городской стены стояли чортены, призванные отгонять злых духов от жилья людей. Кстати, вера в то, что черти гнездятся по углам, была распространена по всей средневековой Европе.

Вся долина была слегка наклонена от северных пиков в сторону двух каньонов, которые прорезали ее и соединялись в одно ущелье, по которому спускался Кали-Гандак. Его берега были изъедены эрозией. Горы вокруг казались разрисованными кистью искусного мастера: одна белая, как мел, другая красная, третья ярко-желтая. Чем дальше я смотрел на окружающий ландшафт, тем более грандиозным он мне казался.

От древней крепости Кечер остались лишь массивные стены, обезображенные ветром и влагой настолько, что выглядели сотворенными природой. Самое необычное в форте была его круглая форма — все крепости, попадавшиеся мне до сих пор, были прямоугольными. Много позже я прочел в старинной рукописи, что поначалу Аме Пал построил квадратный форт. Но могущественный повелитель соседней крепости посчитал, что один из углов Кечера нацелен прямо в его ворота и тем самым «натравливает» злых духов. Тогда Аме Пал сделал круглый форт, куда больше и мощнее, с тем чтобы никого не обижать, а вход пробил на восток.

На вершине гулял ветер. Закрывая лица воротниками, мы бродили по древним развалинам. Нам попадались остатки больших залов, фундамент стены с провалом, ориентированным строго на восток. Местоположение было выбрано самым удачным образом со стратегической точки зрения. Холм царил над всей местностью, и отсюда было легко наблюдать за любыми передвижениями.

Аме Пал, укрепившись в Кечере, один за другим «брал под свою руку» форты, расположенные на торном пути от Брахма-путры до Текучи. Затем, когда владения его заметно расширились, Аме Пал, как и подобает победителю, стал подыскивать место для новой столицы, призванной объединить страну Ло. Всю ночь он провел в молитве, а на утро двинулся со стадом священных коз. Там, где они остановятся, он и решил основать будущий город. По другой версии, он шел целый день и заснул, а когда проснулся, то увидел, что козы разбрелись по долине у подножия Кечера. Аме Пал усмотрел в этом божий знак и повелел воздвигнуть там Ло-Мантанг, обнеся его неприступной стеной. С той поры козья голова стала священной эмблемой города.

И вот теперь мы шли по следам козьего стада, спускаясь от дзонга Кечер к месту, где были привязаны наши лошадки. Возвращались мы другой дорогой, мимо домов гара, жавшихся к воде. Внешне они ничем не отличались от обычных крестьянских жилищ, только в каждом дворе стояло по паре водяных мельниц.

Любопытно, что мельницы у гара были не похожи на традиционные сооружения с громадным колесом. Здесь вода приводила в движение горизонтальный гребной винт: она

падала перпендикулярно на лопасти, стекая по долбленому деревянному желобу. Система эта куда более эффективна, нежели колеса наших старинных мельниц. Здесь нет зубчатых колес и трансмиссий: вертикальный вал, на котором укреплен гребной винт, непосредственно связан с жерновым камнем. Благодаря этому устройству винт меньше метра в диаметре вращает тяжелый жернов того же размера.

Я провел немало часов возле этих мельниц, глядя, как превращается в муку рожь и овес. Все происходит автоматически с помощью хитроумной системы рычагов, направляющих струю зерна в центральное отверстие жернова. Там мололи также зерно, прожаренное в железной печурке. Мука, которая получается после этой операции, имеет тонкий запах жареных орехов и называется «цзампа». Из нее готовят основную пищу во всем Мустанге и Тибете.

...Вечером к нам зашел Пемба, чтобы обсудить ситуацию, складывающуюся в летнем дворце. Когда я рассказал, что нас не пустили, а перед воротами горел костер, лицо его стало озабоченным. Он согласился, что мы не властны чем-нибудь помочь, но дело принимало неприятный оборот. Сын короля серьезно болен, это ясно. И всем вокруг болезнь кажется подозрительной. Нельзя забывать, что старший сын, уже воссевший на престол, умер от неведомого недуга. По счастью, подозрения не падали на нас, но мое присутствие в столице делалось все более и более щекотливым. Пемба сказал, что кое-кто настроен недружелюбно по отношению к нам. Надо было заручиться поддержкой среди влиятельных граждан.

Несколько дней спустя после приезда в Ло-Мантанг я познакомился с молодым монахом, прожившим какое-то время при дворе короля Сиккима. Это маленькое княжество*, находящееся под эгидой Индии; граничит на востоке с Непалом.

Монах много путешествовал и учился в Тибете, Бутане, Индии и Непале, видел европейцев. Сейчас он был настоятелем монастыря Самдрулинг, в четырех часах ходьбы на юго-восток от Ло-Мантанга. Он приглашал меня в гости.

Я сказал об этом Пембе, спросив его мнение. Пемба ответил, что хорошо знает этого ламу и визит к нему будет весьма кстати в сложившихся обстоятельствах; там же, в монастыре, должны оказаться интересные книги.

20 мая на рассвете мы выступили в путь. Шел снег. Но это было еще полбеда. Пройдя километров пять по голой равнине, мы попали в подлинный буран. На мне были ботинки на каучуке, которые прекрасно подошли бы для иных краев. Но, увы, здесь снег забивался через край, и ноги у меня быстро промокли. Я хлюпал в ледяной жиже.

Дорога на юго-восток шла по долине, и ветер продувал ее, как трубу. Я завидовал Пембе, на котором была шапка-ушанка. У нас с Таши головы украшали лыжные вязаные шапочки с помпонами. Возможно, они выглядели и нарядно, но уши в них мерзли нещадно. Мы брели, словно призраки, скорчившись и стараясь занимать как можно меньше места. По счастью, Пемба решил устроить привал в крохотной пещере, образованной эрозией в склоне горы. Мы с наслаждением выкурили по сигарете в относительном затишье, и я понял, какое счастье испытывали наши далекие предки, когда возвращались в родную пещеру.

Пемба сказал, что по дороге будут руины двух древних крепостей. Одна из них совсем рядом с нашей пещерой, только наверху. Трагически смотрелись останки стен, обдуваемые безжалостным ветром. Это был форт Рари, что в переводе значит «Козий холм». Да, при такой погоде только животные могли оставаться там.

Мы двинулись дальше. Я то и дело по щиколотку проваливался в сугроб. Казалось, долине никогда не будет конца. Но вот впереди замаячил, словно форштвень корабля, острый выступ скалы. На вершине виднелись зубчатые стены крепости, напоминавшие фортеции, воздвигнутые крестоносцами на Кипре. Только там был иной климат...

Среди снежных струй величественный остов, казалось, ожил и поплыл сквозь время, исчезая в белой мгле.

А монастыря все не было. Такое же чувство подавленности должны были испытывать паломники, совершая путь во искупление грехов. Да и не было ли мне карой за прегрешения это ледяное утро и почти крестный ход по снегу? Для лоба любое расстояние — «рядом», но

есть же пределы!

Так я сокрушался, шагая в такт Пембе и Таши, когда на сумрачном фоне стала вырисовываться группа массивных чортонов. Ага, значит, уже скоро.

Пройдя чортены, надо было еще спуститься в долину, которая заканчивалась естественной платформой, нависавшей над ручьем. Там и был построен монастырь Самдрулинг. Серо-красное строение выглядело совершенно заброшенным, почти как крепость, что мы видели незадолго до этого. Пемба сказал, что монастырь приютил кхампа.

Низкая дверь пропустила нас в традиционный двор, откуда лестница вела в промерзший зал. Там сидел лама, беседуя с четырьмя высокими кхампа, одетыми в теплые ватные куртки. Когда мы вошли, трое кхампа поднялись и исчезли. Остался один пожилой человек с тонкими чертами лица, постриженный па европейский манер. Он с интересом глядел на нас.

Лама улыбнулся мне как старому знакомому. Наш жалкий вид и ручки, вытекавшие из ботинок, не оставляли никакого сомнения в том, что мы нуждаемся в тепле. Настоятель позволил мне разуться и обогреть ноги возле очага, в котором горел кизяк. Я уселся, но, как оказалось, спиной к окну, где сквозь дыры в промасленной бумаге свистел ветер. Забавно, мелькнуло у меня, по странному совпадению в тибетском языке слово «ло» обозначает также простуду, хотя сейчас я вполне был готов подхватить не простуду, а самое настоящее воспаление легких. В здешних условиях это означало неизбежную и быструю смерть. Единственное, что могло меня спасти, — это добрая чашка горячего чая. И она не замедлила появиться.

Мы разговорились с ламой. Оставшийся кхампа молча, но внимательно слушал беседу. Было ясно, что мое появление заинтриговало его. Ну что ж, пусть он убедится, что я не питаю никаких дурных намерений.

Лама рассказывал о своих зарубежных странствованиях. Подобно студентам в средневековой Европе, которые бродили от университета к университету, он жил во многих монастырях. Кстати, большинство ученых лам ведет именно такой кочевой образ жизни, стараясь почерпнуть в разных местах необходимую премудрость и правила медитации, позволяющее достичь абсолюта.

Какое-то время лама жил в маленькой столице Сиккима. Королева страны, урожденная Хоуп Кук, американка, привлекла к своему двору множество иностранцев. Мой хозяин заметил, что они приезжали даже с детьми, которых возили в корзине на четырех колесах. Что, осведомился он, европейцы считают, что младенцы вырастают в колясках более здоровыми?

Лама знал также несколько английских слов — «спасибо», «мистер» и «слон». Он привез из Сиккима несколько стекол, но, к сожалению, они успели разбиться. Кстати, это было первое стекло, которое я видел в Мустанге.

Ноги немного отошли, и лама предложил пройти в алтарную, где хранились книги. Мы спустились во двор и по другой лестнице поднялись в часовню. Вход охраняла оскаленная пасть тигра. Алтарь был изукрашен бронзовыми и деревянными позолоченными фигурами божеств. Рядом на столике лежала толстая кипа книг. Но больше всего меня поразили две маски, подвешенные к центральным колоннам: на лбу у них был нарисован третий глаз.

Лама сказал, что монастырь принадлежит секте каджупаев. Самдрулинг — их единственный монастырь во всей стране. Возникновение секты связано с житием одной монашки, которая поселилась на соседнем холме. Она прославилась своими добродетелями, и после смерти окрестные жители в ее честь основали обитель. Молодой лама был шестым по счету настоятелем.

Пемба и Таши стали по очереди брать книги и подавали их ламе. Тот клал книги им на голову и развязывал шелковые ленточки, скреплявшие страницы. Как и все тибетские книги, это была стопка узких листов, исписанных мельчайшими буквами с обеих сторон. Читать такую книгу без привычки практически невозможно. Пемба переводил мне только названия, а лама кратко излагал содержание. Перевод с литературного тибетского на разговорный язык

— вещь очень трудная. Я поэтому пытался уловить, есть ли в тексте какие-либо упоминания об истории страны. Пемба уже говорил, что где-то существует* книга, излагающая всю историю Мустанга. Я спросил о ней у ламы. Тот ответил уклончиво: да, он знает о такой книге, но у него ее нет. Много книг пропало, пока он странствовал за границей.

Десять пыльных томов были просмотрены, прежде чем появилось нечто привлекавшее мой интерес. Это была биография монаха по имени Тенсинг Рипа. На произведении, как обычно, не стояло никакой даты, поэтому с первого взгляда было трудно определить, к какому периоду относится жизнь данного персонажа. Но одно название заставило меня насторожиться — Чача-гам. Это одна из древних крепостей, завоеванных Аме Палом; несколько дней назад мы видели ее развалины к востоку от Ло-Мантанга, в том самом месте, где Кали-Гандак сливается с притоком, огибающим столицу с севера. Значит, это не легенда...

Первую часть книги, насколько я понял, занимала генеалогия Тенсинга Рипы. Предки этого ламы были кочевники, бродившие по Тибету, пока их не призвал Аме Пал и не доверил управление крепостью Чачагам.

Да, книга обещала быть преинтереснейшей, и я шепнул Пембе, что хотел бы ее купить. Пемба заговорщицки подмигнул мне и ответил, что попробует договориться. В этот момент дверь отворилась, и вошли кхампа. Убедившись, что я в самом деле рассматриваю книги, они оставили помещение.

Снаружи солнце начало робко пробиваться сквозь туман. Ветер стих, и я решил воспользоваться этим, чтобы осмотреть главный храм, примыкавший к жилой части монастыря. Он пребывал в плачевном состоянии. Фрески покрыты пятнами от сырости, дерево покорежено, в углу валялся дырявый барабан, кубки для приношений разбиты. Монастырь был беден, а приверженцев секты осталось слишком мало, чтобы поддерживать все в должном порядке.

Когда мы собрались уходить, солнце начало растапливать снег. Мне везло! Пемба одолжил у ламы большой барабан для того, чтобы, как он сказал, достойно отметить следующую церемонию «невне». Прижимая инструмент к груди, он распрощался с ламой, и мы вышли на дорогу.

— Ну, как книга? — спросил я.

— Все в порядке, — ответил Пемба.

Прекрасно, теперь я смогу штудировать ее по вечерам.

Словно в утешение, погода радовала глаз. Суровый пейзаж поражал величием. Отсутствие деревьев, да и вообще любой растительности укорачивает расстояние: вон до той горы, кажется, рукой подать, а на самом деле путь отнял бы целый день. На ближней вершине стояла маленькая крепость Лхари-дзонг.

Лишний раз я убедился, что вокруг укреплений не было даже следов древнего жилья или хотя бы полей. Лишь позже я узнал, что крепости строили кочевники: они разбивали шатры вокруг бастионов, а в случае опасности прятались за стенами. Древнейшие форты относятся к X и XI векам. Ими правили вассалы тибетского князя, жившего в дзонге Кар, который затем сам попал в зависимость от мустангских королей.

В пустых залах без крыш Лхари-дзонга властвовал ветер. Мы — Пемба, Таши и я — спрятались под стеной, чтобы немного переждать. Правда, Пемба в отдыхе не нуждался, в нем клокотала энергия, как будто и не было изнурительного утреннего похода, Вытащив барабан из чехла, сшитого из ячьих шкур, он начал распевать тягучую песню лоба. Я не сразу раскусил прелесть этих песен, так непохожих на наши; правда, я быстро полюбил мелодии, которые пели девушки в Ло-Мантанге перед заходом солнца, но мужские голоса казались мне резковатыми и даже фальшивыми. Пемба пел надтреснутым голосом, забираясь высоко-высоко, будто намереваясь издать тирольский «йодль», и резко обрывал звук в конце каждой строчки. В большинстве песен горцев последнее слово выкрикивается для того, чтобы эхо повторило звук.

Когда Пемба исчерпал репертуар, в соревнование вступил Таши, услаждая нас мелодиями своего края.

Потом настал и мой черед явить свое искусство. Но после жалкой попытки воспроизвести полужабытый куплет мне пришлось просить спутника обучить меня какой-нибудь тибетской песне. И я исполнил ее не без успеха. Во всяком случае оба слушателя хохотали до слез. Тибетский язык — моносиллабический, так что находить рифмы несложно, и я был вполне доволен своими виршами.

Покинув высоты Лхари-дзонга, мы зашагали по каменистым осыпям, распевая во все горло.

Ло-Мантанг встретил нас, как подобает уютному убежищу. Ветер прекратился разом, едва мы ступили за городские ворота! На главной площади я увидел морщинистого крестьянина, тащившего на плечах огромную шкуру снежного барса — белую в черных пятнах; в ней было не меньше трех метров. Он убил зверя из своего старого гладкоствольного ружья и теперь, набив соломой и сделав чучело, продаст монахам Нового монастыря. Там чучело поместят у входа, дабы оно отпугивало демонов.

Зверь был еще весь измазан кровью. Лоба никогда не убивают животных и даже насекомых, если только они не угрожают их жизни или их стадам. Снежный барс, как я узнал, напал на стадо коз, пасшихся в горах над Ло-Мантангом, и поплатился за это.

На следующий день мы с Пембой нанесли визит ломантангскому врачу — в столице их жило двое, и оба пользовались большим уважением не только как искусные врачеватели, но и как высокоученые люди. Они получили образование в Лхасе, изучали старинные тексты, совершенствовались в практике. Быть доктором в стране Ло — значит быть еще и ботаником, и химиком, и алхимиком, и даже волшебником, хотя магия больше прерогатива духовных лиц, нежели врачей. В Мустанге к заболевшему непременно зовут вначале врача, а затем монаха. Это зависит от того, что диагностировал врач — «бу» (то есть червя) или «ду» (то есть демона).

Доктор принял нас довольно прохладно. Я догадался, что он считает меня в каком-то смысле соперником, ибо люди не раз обращались ко мне с просьбой дать таблетку. Но к концу визита отношения наладились, и я даже предложил оставить ему часть своей аптечки взамен некоторых сведений, которые он мне даст.

Сидя у потрескивавшего очага, я слушал опытного врачевателя, делившегося со мной секретами своего искусства. Все болезни, сказал он, происходят по причине проникновения в тело человека червей. Черви эти, уточнил он, «такие маленькие, что простым глазом их не увидишь». Они вызывают воспаления и расстройства. Задача врача — изгнать червей с помощью снадобий. Но одновременно нужно освободить больного от демонов, ибо по их милости в его теле завелись черви.

(Легко заметить аналогию между «микроскопическими червями» тибетских медиков и микробами наших врачей. В этом усматривают влияние западной медицины, однако фактов, подтверждающих это, нет).

Доктор Таши Цучан уточнил, что существуют 1080 злых духов, а черви вызывают 124 хворобы. К этому внушительному списку (особняком стоят детские болезни) добавляются несчастья: падения с лестницы, лошади или со скалы, ожоги, потопления и так далее. Происхождение этих несчастий следует искать в «карме», то есть в грехах, совершенных в предыдущих воплощениях.

Для борьбы с недугами тибетская медицина располагает обширной фармакопеей. Кроме того, демонам противостоят восемь богов-врачей, главный из которых — Санджи Мела, покровитель докторов.

Таши Цучан объяснил, что в королевстве Ло запрещено «резать людей на куски», как это делают его европейские коллеги. Диагностика основана на внешних симптомах. Уже две тысячи лет назад в Тибете измеряли пульс и анализировали мочу. Легочные воспаления определяли простукиванием, по налетам на языке — печеночные расстройства, по изменениям глаз и рта — сердечные нарушения. Врач делал затем два предписания: одно —

лекарственное, второе — для монахов, точно указывая, кто из демонов виноват в недуге.

Доктор показал мне часть своего арсенала: настойки корней и трав, растертые в порошок камни, серу, железо, золотую пыль, селитру. Но самым удивительным лекарством оказался... пенициллин! Он выглядел, правда, иначе, чем в наших фабричных упаковках, но зато был известен в Тибете и Мустанге уже много веков назад.

Я и раньше обращал внимание на одну деталь: когда почетному гостю подносят чашку чая или чанга, хозяин кладет пальцем на край посуды кусочек масла. Точно такие же знаки уважения лоба оказывают раз в году своему жилищу: они прилепляют масло к центральному столбу, поддерживающему потолок в большой комнате. Масло, естественно, портится, плесневеет. Таким образом получается природный пенициллин. Это домашнее снадобье прописывается при всех случаях наружных воспалений: «Возьмите немного масла с потолка и помажьте им рану».

Выходя от доктора, я уносил твердое убеждение, что в большинстве случаев рецепты народной тибетской медицины оправданны. Что касается изгнания демонов, то, очевидно, церемония должна оказывать немалый психотерапевтический эффект. С другой стороны, ореол колдовства призван поддерживать реноме врача и придавать еще больший вес его словам и действиям.

Но, с другой стороны, игнорирование достижений западной фармакологии наносит ущерб здоровью больных, и, чем раньше в Мустанге появятся настоящие врачи, тем лучше. Особенно это верно в отношении сына короля, которому гораздо нужнее были лекарства, чем заклинания. Увы, я был невластен...

От Пембы я узнал, что в Ло-Мантанге живут восемь колдуний. Все уверены, что они общаются со злыми духами, а при случае насылают порчу на человека, пришедшегося им не по нраву. Колдуньи были старые вдовы, «ступившие на дурной путь».

В королевстве Ло старики часто становятся «манипа», то есть посвящают последние годы своей жизни чтению молитв за короля или знатных персон. Им дают стол и кров, и за это они целыми днями вращают молитвенную мельницу или бормочут заклинания. Я частенько встречал подобных людей с потемневшими морщинистыми лицами, похожими на выдубленную кожу.

Более того, если одинокий старик не занят этим почтенным делом, на него довольно быстро падает подозрение в колдовстве; считается, что он сошелся с демонами. Его начинают сторониться, иногда ненавидеть, но тронуть никто не решается, равно как и изгнать из города. Бывает, что к нему даже являются с подношениями, прося заступиться перед демонами за больного или увечного.

В Мустанге, как и повсюду, люди в конце концов умирают. «Через девяносто девять лет все живущие ныне умрут», — категорически заявил мне Таши. Для лоба смерть — своего рода лотерея. Колесо жизни запущено с шестью проигрышными номерами, которые соответствуют шести формам перевоплощений. Смерть считается проклятием в сравнении с долгой жизнью. Лоба убеждены, что человек должен жить 100 лет. В их пантеоне есть даже божество, очень почитаемое, которое зовется Столетний дядюшка.

Монахи молятся, прося у богов милости, чтобы следующее перевоплощение было более удачным. Но народ воспринимает эти молитвы и церемонии как обращение за долголетием. В действительности же, хотя здесь эпидемии редки, мало кто доживает до преклонных лет. Семидесятилетних людей я встречал редко.

На этот счет у Пембы было свое объяснение. Дело в том, говорил он, что человечество живет сейчас в Южном царстве. Это один из четырех миров в его веровании. Когда мы освободимся от грехов, то перейдем в другое царство, и все будут жить до 100 лет.

Заявление звучало обнадеживающе, Но оно было не в силах отвлечь внимание от угрозы, нависшей над жизнью королевского сына...

Что делать? Остаться в городе? Пемба посоветовал на время оставить столицу. Мы двинулись из Ло-Мантанга на север.

Северная часть мустангского прямоугольника занята горами, где в узких долинах вдоль

верховий Кали-Гандака расположено не более полудюжины селений; там живут в основном скотоводы. В языке лоба насчитывается 30 слов для обозначения коз — это лишний раз подтверждает кочевое происхождение народа. Вообще язык — наиболее верный индикатор исконных занятий населения.

На севере страны Ло почти не встречаешь деревьев. Уже в Ло-Мантанге они росли только в королевских садах или перед домами богачей. Тем более удивительно, что дома в Мустанге построены из бревен. С трудом верилось, что весь строительный лес возят из Тукучи, за полсотни миль.

Но так было не всегда. Примерно столетие назад климат Мустанга резко изменился. Страна Ло была поражена общей засухой, обрушившейся на Тибетское плоскогорье. Уровень воды в озерах и реках понизился. Схожее явление произошло и в Сахаре, и в ныне пустынных районах Америки и Азии. Три тысячи лет назад в Сахаре росли густые леса, а в Ливийской пустыне были джунгли. Сто лет назад в Мустанге было еще в достатке деревьев. Король сказал мне: «Ло сейчас бедная страна — у нас больше не осталось ни деревьев, ни воды...».

Засуха особенно трагична для Мустанга, ведь сильные ветры, унося остатки муссонной влаги, сдувают тонкий слой почвы. Скотоводство пострадало сильнее, чем земледелие. После того как лоба лишились пастбищ, животные вынуждены кормиться в каменистой пустыне. Стада яков, которыми некогда славился Мустанг, уступили место козам и овцам. Но не забудем, что именно эти животные повинны в том, что зыбучие пески поглотили Сахару: овцы поедают всю траву до корней, лишая почвенный слой всякой поддержки.

Система каналов поддерживает земледелие. Реки, к счастью, питают тающие ледники на вершинах вдоль западной границы с Тибетом. Горные ручьи здесь текут в странном ритме: по утрам они неглубоки и прозрачны; затем, по мере того как солнце растапливает лед, вода прибывает и становится желто-серой; максимальный уровень приходится на три часа дня.

На второй день пути мы миновали брошенную деревню, стоявшую на когда-то оживленном торговом пути в Тибет. Между страной Ло и Тибетом лежат четыре так называемых перевала, хотя в общем это слишком пышное наименование для водоразделов. Для того чтобы определить, где вы находитесь — в Тибете или Мустанге, достаточно посмотреть, в какую сторону текут потоки: на север, к Брахмапутре, или на юг.

С вершины холма я заметил вдали Намдрал, самое северное селение Ло. Оно вырисовывалось словно мираж в горной дымке среди иссушенных рыжих склонов. Белые домики, розовый монастырь и красные чортены прилепились к крутому боку горы, по которому стекал тонкий ручеек. Неужели?.. Да, теперь я мог с уверенностью утверждать, что здесь брала свое начало священная река Кали-Гандак, прорезавшая дальше к югу самый глубокий в мире каньон.

Истоки Кали-Гандака на разных картах помещали то в Тибете, то в Мустанге. Сейчас я видел точное место ее рождения. Странно, что здесь не поставлено никакого знака, никакой отметины. Свыше тысячи лет индийцы поднимались по течению Кали-Гандака до Муктинатха к огненным святыням, искали священные окаменелости у подножия Аннапурны, но почему-то никто не отваживался добраться до истока, заслуживающего, на мой взгляд, достойного памятника.

Намдрал, стоявший в уединении на «крыше мира», дышал покоем и волей — это было, пожалуй, самое романтическое место во всем Мустанге. Мне казалось, я никогда еще не возносился так высоко. Взор убегал к затерянным горизонтам, за которыми в дальнем далеке угадывалась огромная часть планеты...

Надо было поворачивать на юг, вернее, на юго-восток, где в одной из соседних долин лежал монастырь Гарпху. Его лама приходился близким другом Пембе. Тот уверял, что я найду в монастыре интересующие меня книги, но я не очень на это рассчитывал: история Мустанга по-прежнему оставалась потаенной...

Три больших чортена стояли на окраине монастырского селения Гарпху, блиставшего

свежей покраской. Дело в том, что в Мустанге, Сиккиме и Бутане дома непременно красят перед каждым праздником. У нас в Европе эту долгую операцию оттягивают до последней возможности. Но лоба пользуются предельно простой технологией: они просто льют ведрами известковое молоко с крыши. Поскольку стены стоят не прямо, а чуть отклонены кверху, результаты выходят замечательные — не хуже, чем размазывание кистями или разбрызгивание.

Разумеется, речь идет о внешней покраске; фрески и украшения подновляют мягкими кисточками.

Так вот, даже среди чистых мустангских деревень Гарпху выделялась аккуратностью и убранством. Окна с черными наличниками были зашторены снаружи веселыми полосатыми занавесками. Над каждой крышей трепыхались красные, желтые, белые и голубые молитвенные флаги, через улицу переброшены ленты. В домах здесь жили семейные монахи. Гарпху не самый крупный монастырь в Ло, но он славится своей хозяйственной деятельностью. Основала его древняя секта нингмапа, которая разрешает монахам жениться, отсюда такой приток мужчин в монастырь. Впрочем, есть и такие, что дали обет безбрачия.

Ворота открыл высокий бритоголовый здоровяк с суровым взглядом. Он же провел нас на второй этаж в зал, всю обстановку которого составляли большие медные вазы с посеребренными краями. На ярко-оранжевых ковриках вокруг очага сидели трое монахов — двое старых и один молодой, моего возраста, с длинными волосами, небрежно спадавшими на плечи. Несколько женственные, грациозные манеры делали его похожим на британского денди XVIII века.

Кто же из них лама? В Мустанге никто никому не представляется. Гость обязан угадать хозяина по костюму и поведению. Я не преминул ударить лицом в грязь, поклонившись самому пожилому, но тут же по его укоризненному взгляду понял, что совершил ошибку. Ламой был молодой денди. Откуда мне было знать, что секта нингмапа позволяет носить длинные волосы!

Быстро перестроившись, я как можно более почтительно обратился к настоятелю. Но тот, видимо, счел, что я выбрал слишком благоговейный тон и с улыбкой, потирая руки, изрек фразу, которую я меньше всего ожидал услышать из уст священнослужителя:

— А не выпить ли нам?

Мы вчетвером устроились вокруг огня, остальные монахи незаметно исчезли. Атмосфера была чудесная. Уже через несколько минут мне показалось, будто я перенесся за тридевять земель, в парижское кафе, где сижу в компании своих сверстников. Надобно сказать, что до поездки в Мустанг я причислял себя к «современным» молодым людям, то есть летал на самолетах, водил спортивный автомобиль и танцевал твист в модных дансингах. И только сейчас, сидя в кругу новых друзей, я понял, что быть современным означает попросту оставаться самим собой, не подлаживаясь под чужой образ мыслей и поведение. Наши бабушки и дедушки якобы устарели для нас, потому что у них не было автомобилей, потому что они надевали ночные колпаки, не слушали радио и пугались самолетов. В Мустанге ни прошлые ни нынешние поколения не пользовались этими изобретениями. У нас молодежь накидывается на каждую новинку и уже не мыслит себя без нее. При этом как-то забывается, что все эти изобретения — плод гения и мастерства «стариков». Для лоба нет «устаревших» вещей или «устарелых» представлений. Мир их по праву принадлежит молодым, и именно поэтому старшие пользуются таким уважением...

Но сейчас я с особым наслаждением сидел в компании сверстников, обмениваясь впечатлениями, шутками, пил чанг из серебряного кубка, как будто родился здесь. Я научился уже различать оттенки в разных сортах пива и чая; я знал, выказывают ли мне уважение, по тому, на какое место усаживали. Мустанг перестал быть для меня экзотикой.

Лама предложил нам заночевать в монастыре. Еще после нескольких бокалов напитка он позвал бритоголового привратника и велел показать нам обитель, а также «все, что мы пожелаем».

Наш гид оказался кладезем талантов. Лама отрекомендовал его как ученого —

хранителя библиотеки. А в большом зале монах не без гордости показал нам свои авторские фрески!

В большом зале мы полюбовались паркетом — это большая роскошь в стране Ло; как мы помним, в королевском дворце его нет. Я изобразил восторг и начал ступать по паркету, словно по бесценной мозаике.

Вечером при свете лампы, заправленной льняным маслом, мы с молодым ламой, ученым монахом, Пембой и Таши листали старые книги в личной молельне ламы, где нам никто не мешал. По мере того как таяла кипа бумаг, мне становилось все горше и горше. Несмотря на приказ ламы обыскать все закоулки и доставить ему все мало-мальски интересное, несмотря на старания Таши, который оказался аллергичен к пыли и сейчас слезливо моргал, не удалось обнаружить ни одной работы по истории. Значит, не судьба... А Пемба клялся, что здесь мы отыщем заветную рукопись!

В первой беседе король упомянул о существовании некоей летописи под названием «Молла», но когда во второй приход я попросил разрешения взглянуть на нее, король ответил, что книга не сохранилась, и сменил тему. Пемба уверял затем, что мы найдем ее в монастыре Самдрулинг. Но я понапрасну чуть не обморозил ноги, добираясь до этой обители.

Потом Пемба примчался с вестью, что «Молла» находится в Царанге и один его друг доставит ее в Ло-Мантанг. Но друг прибыл с пустыми руками: из Царанга книга исчезла. Я все больше проникался уверенностью, что такой книги вообще нет.

Лежа в спальном мешке, я чувствовал себя как Шерлок Холмс перед неразрешимой загадкой: она не отпускала меня ни на минуту. История Мустанга ускользала из рук. Собранные отрывочные сведения были противоречивы. Ни один достоверный факт не подкреплял гипотезу о том, что уже в давние времена Мустанг был самостоятельным королевством. Лично я в этом не сомневался, но нужны были письменные свидетельства.

Странная вещь: едва мы произносили слово «история», как собеседники пугливо отвечали, что разговор может «оскорбить короля». Кто были наследники Аме Пала? Известны названия четырех древних крепостей, но кто их построил, какова была их роль в судьбе страны, когда они были воздвигнуты?

Неужели истории Мустанга суждено остаться тайной за семью печатями, подобно прошлому многих других гималайских краев? Ведь я уже решал дважды бросить поиски, но всякий раз кто-то вновь упоминал о «Молле»!

Все следующее утро я пробродил по монастырю, пользуясь привилегированным положением «друга ламы». Около одиннадцати начали складывать вещи. Внезапно появился Пемба. Он был в отличном расположении духа, поскольку продал накануне молодому ламе втридорога свою чубу и сапоги, зато очень дешево купил новую обувь. Отозвав меня в сторонку, он таинственно шепнул на ухо:

— Кажется, я нашел «Моллу».

— Не может быть! — вырвалось у меня. — Мы же просмотрели вчера все книги!

Напустив на себя заговорщицкий вид, Пемба едва слышно сказал, что ученый монах хранит исторический трактат.

— Так в чем же дело? Пошли!

— Тс-с-с... Он не хочет, чтобы лама об этом знал.

— Но взглянуть-то можно? Или пусть он его быстренько перепишет, а? Хотя нет, лучше всего, чтобы продал.

Пемба исчез. Минуты через две он возвратился и сказал, что монах готов продать книгу, но все зависит от цены, которую я предложу. Кроме того, я должен поклясться, что сохраню дело в тайне. Я клятвенно обещал молчать и предложил 30 рупий (около пяти долларов). Пемба улетел и тут же вернулся назад: монах передумал. От одной мысли, что он продаст такую книгу или даже позволит взглянуть на нее, ему сделалось плохо.

Сомнительная сделка, похоже, так и не состоится. Я велел передать монаху, что готов предложить более высокую цену, но только после того, как посмотрю товар.

Монах не заставил себя ждать. Он подошел и, глядя в сторону, тихо проговорил, что может уступить трактат за 80 рупий при условии, что я не обмолвлюсь никому ни словечком.

— Меня устраивает. Но я все же хочу взглянуть на книгу.

Монах возразил — а вдруг меня застанут за этим занятием? Выйдут большие неприятности. Переговоры начинали превращаться в фарс; я уже почти не сомневался, что меня хотят облапошить.

В конце концов порешили так: мы с Таши отправимся в поле, спрячемся за кучей камней в яме и там посмотрим рукопись, которую нам принесет Пемба.

Сгорая от нетерпения, я миновал монахов, толпившихся возле центральной молельни, и, небрежно насвистывая, вышел из ворот. В яме действительно нас не было видно. Но изоляция не долговечна в стране Ло: минут через пять нас заметили ребяташки, гнавшие яков. Они остановились поглазеть на мой длинный нос и европейские одежды Таши. Мы едва успели отогнать сорванцов до появления Пембы. Он уселся между нами, оглянулся по сторонам, желая еще раз убедиться, что свидетелей нет, и запустил руку под чубу.

Я едва удержался чтобы не застонать от разочарования: книжечка оказалась тонюсенькой — всего 18 страниц толстой бумаги форматом 20х4 сантиметра.

— Это «Молла», — возбужденно прошептал Пемба.

Он не меньше моего жаждал узнать, что же содержится в этой книге, которую столь тщательно уберегали от чужих глаз!

Осторожно раскрыли первую страницу. Ее украшали фигуры трех сидящих людей. Пемба прочел: «Ангун Зампо, Нгорчен Кунга Зампо, Лумбо Калун Зампо». Да это же три святителя! Сердце у меня запрыгало.

— Читай, читай дальше! — заторопил я его.

Страницы были засалены, буквы с трудом проступали, особенно имена собственные, написанные выцветшими красными чернилами. Текст начинался с ритуальной формулы на санскрите.

— Пропусти, это не важно!

На второй странице были изображены богиня Аюн Янчема, о которой я никогда не слышал, и некий мужчина по имени Цзетин Чумпо. Пемба, как первоклассник, начал читать фразу, водя пальцем по строчке. Затем с помощью Таши он перевел ее на разговорный тибетский:

«Как истинная вера пришла в страну Ло и какие ранги есть в королевстве».

Кажется, мы на правильном пути! И в этот самый момент на краю ямы возникла фигура. Пемба сунул книжку под одежду и мы сделали невинный вид, ожидая, пока незванный гость отойдет.

Затем вновь потек перевод:

«Как религия и политика стали делом королей в стране Ло».

Я весь обратился в слух.

«Короли словно жемчужины в ожерелье... Внемлите все! Учителя, ламы и монахи! Короли — всемогущие люди, сыны божьи. Они пришли к нам из снежного Тибета, и первого короля звали Трисун Децин».

Прямо не верилось — неужели сейчас передо мной всплывет история Мустанга?! Медленно, словно нехотя приоткрывался занавес над прошлым страны Ло...

Текст гласил, что религию принес святой король Тибета Трисун Децин, а после него дело продолжил его сын Мутре Семпо. У этого сына в свою очередь было двое сыновей. Старший жил в Тибете и укреплял истинную веру. «Младший же не очень ладил со своим братом; он уехал на север (речь шла о больших равнинах на севере Тибета) и там женился на дочери богатого кочевника, которая принесла ему троих сыновей. Второй и третий сыновья пасли стада, как их отец. А старший, названный Гунде Нима Бум, оставил родителей и отправился в страну Ло, где и поселился. В стране Ло было тогда много крепостей, но ни одна не подчинялась другой».

Следовали названия четырех крепостей, чьи руины я видел возле Ло-Мантанга.

Я нетерпеливо подгонял Пембу. Из книги явствовало, что у Гунде Нима Бума было два сына. Оба хотели стать монахами, но им мешал демон «Черная обезьяна». Братья все же не отступились от веры. У одного из них родился сын... Аме Пал. Став взрослым, Аме Пал сказал демону «Черной обезьяне», что хочет построить себе дом, и получил во владение землю в Кечере. Эту территорию, как гласила летопись, «можно было засеять зерном из одного ячьего бурдюка».

Я слушал, боясь пропустить хоть слово. Появление Аме Пала выводило на след уже знакомых легенд. Итак, Аме Пал получил земельный надел на холме Кечер и воздвиг там дворец, обращенный задней стеной на резиденцию «Черной обезьяны».

«Демон разгневался тогда и сказал: «Я дал тебе, бродяга, землю, но, мало того, что ты построил там свой дом, ты оборотил его спиной к моему замку!» И приказал Аме Палу снести дворец. Тот исполнил повеление, но выстроил на этом месте большую крепость, обнес ее толстой стеной, а ворота открыл на восток».

Все верно. Именно этот форт с остатками круглой стены я видел; его до сих пор называют Кечер-дзонг, и единственные ворота были обращены на восток!

«Потом небесные божества подарили Аме Палу трех сыновей. Старшего нарекли Ангун Тенцинг Зампо, младшего — Цзепе Сичун, а среднего — Тсетин Трандул. Этот средний, когда достиг шестнадцати лет, совершил множество деяний, как добрых, так и худых. Всякий раз, встречая женщину, он либо бил ее, либо ложился с ней. Однажды он увидел Дутрена Раджина (демона «Черную обезьяну»), сошелся с ним в битве и победил его. Все, кто видели это, поверглись в ужас и пали ниц перед средним сыном Аме Пала, сказав ему: «Отныне властвуй над нами. А мы будем искать убежища возле тебя». Три года спустя он сделался королем, собрал много воинов и покорил крепости Чачагам, Кара, Пиу, все крепости вверх и вниз по течению Три (их развалины и сейчас видны недалеко от летнего королевского дворца) и крепость Джелинг (там, где мы останавливались по пути в Мустанг). Когда он взял все эти твердыни, остальные селения сами попросились под его руку. Аме Пал с сыновьями замыслил тогда построить стольный град, чтобы собрать там все сокровища, статуи и книги. А освятить новые молельни призвали верховного ламу. Младший сын Аме Пала остался править крепостями, а два старших брата и главный управляющий (в будущем один из трех святителей) отправились в Тибет просить верховного ламу Нгорчена Кунга приехать в Ло. Семь лет оставалось посольство в Тибете. Аме Пал состарился и все писал грамоту за грамотой, прося ламу приехать, и тот наконец согласился».

Теперь все становилось на свои места. Можно было вычислить примерную дату основания королевства Ло — 1380 год — и время жизни Аме Пала. Дело в том, что биография знаменитого ламы Нгорчена Кунга широко известна. Есть там и дата, относящаяся к его поездке в Ло.

Можно было прекращать «подпольное чтение». Нам в руки попало уникальное сокровище, и 80 рупий, тайком переданные ученому монаху в Гарпху, можно было считать единственной разумной тратой за всю экспедицию.

Вернувшись домой, я как следует проштудировал «Моллу». Судя по всему, книга была написана недавно. Автор ее, некий «Аюпа, монах из Царанга», поставил свое имя на последней странице сразу за списком королей, а замыкали список Ангун Тенцинг, король страны Ло, и три его сына.

Итак, в руках у меня были три книги о Мустанге: «Молла», жизнеописания ламы Нгорчена Кунга (одного из трех святителей) и монаха Тенцинга Рипа. На этой основе, к которой добавились записи десятков интервью, я восстановил часть истории Мустанга, примерно с 1380 года до наших дней. Удалось даже датировать некоторые события, что раньше представлялось совершенно нереальным. Тибетцы ведут летосчисление по шестидесятилетним циклам, часто забывая упомянуть, к какому циклу принадлежит та или иная дата. Так, скажем, «шин друк», год Деревянного дракона, может быть 1964, 1904, 1844, 1784, 1724 и так далее.

Мне посчастливилось получить неопровержимые свидетельства того, что Мустанг был полноправным королевством с долгой и славной историей.

«Молла» упоминала 25 королей Ло.

Первым был Аме Пал, живший с 1380 по 1450 год. Большинство крепостей в долине у истоков Кали-Гандака было построено до 1420 года, ибо в том году Аме Пал с сыновьями завершил покорение этих твердынь. В «Молле» подробно рассказывалось, какие письма посылал Аме Пал через своих сыновей верховному ламе Нгорчену, как тот колебался и, наконец, «узрил в небе знак и тогда отправился в страну Ло». Впоследствии он ездил в Мустанг еще дважды, основал здесь множество монастырей, причем три из них еще при его жизни насчитывали больше тысячи монахов. Нгорчен Кунга основал также библиотеку, куда передал полное собрание томов ганджура, написанного золотыми буквами, — эта работа отняла не меньше десяти лет. Даты его приездов в Мустанг — 1427, 1436 и 1447 годы. Биограф отмечает, что верховный лама полюбил страну Ло, и она стала крупнейшим религиозным центром. Если верить его словам, «край сделался столь же блестящим, как Индия при жизни Будды». Нгорчен Кунга «добился того, что жители страны перестали убивать зверей и рыб и делать подношения из плоти и крови». Он также «пресек обычай, по которому монахам подавалось на стол мясо и пиво». Короче, он «повернул несколько раз колесо святого учения в Ло».

Подчинив соседние крепости, Аме Пал создал государство. Дальнейшая его история протекала отнюдь не безмятежно. Мустанг разрывали междоусобицы, ему часто угрожали соседи. И в прошлом, и в настоящем из-за своего стратегического положения он часто попадал в центр сплетения азиатской политики. Вскоре после объединения страны Аме Палом над Ло нависла угроза с юга, со стороны королевства Джумла. Сейчас это малоприметное непальское селение на южных склонах Дхаулагери, к юго-западу от Мустанга, мало кому известно. Не осталось почти никаких следов бывшего величия таинственного королевства. Но в течение более четырех веков оно наводило страх на соседей. Одно время его владения простирались на часть Индии и обширные районы Западного Тибета. Сорок четыре непальских раджи числили себя его вассалами, а территория включала земли по обе стороны Гималайского хребта.

Немудрено, что короли Джумлы стремились захватить Мустанг: я насчитал в стране Ло 23 крепости. Кстати, именно из-за угрозы нападения со стороны Джумлы в царствование Аме Пала была заложена новая столица Ло-Мантанг. В «Молле» об этом сказано так: «Аме Пал объединил свой народ, возвел высокие стены, и множество людей покинули старые крепости, чтобы искать убежище возле твердыни Ло-Мантанг». Все эти события происходили примерно в одно время с эпопеей Жанны д'Арк, в начале эпохи Возрождения.

Итак, укрепленная столица начала закрывать с приближением темноты свои ворота более пяти веков назад — в 1440 году. А вскоре короли Джумлы осадили пограничные крепости. Не раз несчастья обрушивались на страну Ло, не раз лоба приходилось выплачивать большую дань Джумле. Но Мустанг выстоял против нашествий с юга, а стены Ло-Мантанга выдержали долговременную осаду войск знаменитого монгольского воителя Сопо Гаден Севана.

Постепенно пограничные замки пустели, в долине возникали новые селения. Так были построены на семи ветрах крепости Царанг и Джеми. Каждый король добавлял новый монастырь, новый чортен или новый дворец к архитектурному облику страны Ло.

Случалось, трон оспаривали сразу два претендента — так бывало, когда два брата оказывались женатыми на одной женщине. Были даже упоминания о разделе королевства. Благодаря тоненькой книжке, купленной у ученого монаха, я знал теперь имена тех, кто построил основные памятники Мустанга.

С XVI по XVIII столетие взаимоотношения королевств Ло и Джумла часто приводили к опустошительным войнам. Вражда по сути длилась с перерывами все 300 лет (вспомним о войнах, которые раздирали в это же время Европу). Крепости, лежащие к югу от Ло-Мантанга, переходили из рук в руки. В 1740 году началась двадцатилетняя война между

Джумлой и Ло, а в 1760 году, в царствование короля Анджа Дордже, Мустангу пришлось покориться мощи Джумлы. «Ло подпала под Джумлу», — гласила летопись. Каждого жителя страны Ло обложили данью, которую собирали специально приехавшие из Джумлы чиновники. Мустанг впал в нищету. За этот период короли сумели построить лишь несколько скромных молитвенных стен и чортонов.

Но вскоре начался закат Джумлы. В маленьком непальском городке Гуркха родился знаменитый полководец, покоривший Гималаи, имя его — Притхви Нарайяна Шах. Первый гуркхский король наголову разгромил раджей Восточного Непала, захватил королевство Сикким, потом покорил Западный Непал и взял под свою руку владения 44 раджей, многолетних вассалов Джумлы.

К 1795 году преемник Притхви Нарайяны Шаха закончил покорение Джумлы, и, таким образом, главный враг и могущественный сосед Мустанга перестал существовать. Вопреки предположениям ряда историков гуркхские короли ни разу не напали на страну Ло и никогда не находились с ней во вражде. Просто короли Ло, сознавая силу новых властителей, продолжали платить им дань. В 1802 году король Мустанга отправился в Катманду, где был принят при дворе. Там его видел англичанин Бьюканан, записавший в своей «Реляции о королевстве Непал и территориях, покоренных Гуркхским королевским домом»: «Верхнее течение реки, известной в Индии как Гандак, называется Кали. Ее истоки берут начало в Дамордуре-Кунде, и она пересекает территорию властителя бхота, носящего титул раджи Мустанга. Этот раджа является или во всяком случае, когда я видел его в 1802 году, являлся вассалом гуркхов».

Начиная с этого времени мустангский король платил ежегодную дань непальскому властителю, не занимавшемуся делами далекой горной страны. Следует, однако, более подробно остановиться на одном событии, которое было неверно истолковано многими современными учеными.

После скоропостижной кончины короля Ло Анджа Тхондупа его брат начал враждовать с вдовой. Та ожидала ребенка, и брат покойного начал утверждать, что будущий наследник — незаконнорожденный. Спор был вынесен на суд гуркхского короля в Катманду. Королева лично прибыла туда в сопровождении делегации глав семи районов страны Ло, и решение было вынесено в ее пользу. Родившегося сына провозгласили королем Мустанга.

Противная сторона, однако, на этом не успокоилась и продолжала распускать слухи, что ребенок-де незаконный, а иногда даже утверждала, что подлинный его отец — непалец. Последняя версия выглядит вовсе несуразной, поскольку кастовая мораль не допустила бы подобного союза. Тем не менее злословная молва с той поры твердит, что короли Мустанга имеют кровную связь с гуркхскими монархами. И даже сегодня в пересудах нет-нет да и встретишь мнение: «У нынешнего короля не та же кость, что у Аме Пала...»

Итак, письменные свидетельства гласили, что вся династия мустангских королей принадлежала к тибетской ветви, а государство пользовалось особым статусом «вассальной независимости». Когда в 1855 году разразилась вторая тибетско-непальская война, Мустанг выступил на стороне Непала. Джамьян Ангду, король страны Ло, послал своего брата во главе войска на поддержку непальской армии. В качестве трофеев они взяли статуи и священные книги из тибетского монастыря Цанг, которые попали в сокровищницы монастырей Ло-Мантанга.

Король Джамьян Ангду удостоился похвалы махараджи Непала «за благородство и твердость»; пять лет спустя, в 1860 году, он умер, не оставив наследника. Народ умолил его брата, бывшего в это время ламой Царангского монастыря, жениться на вдове. От этого брака родился Джамьян Тенцинг Трандул, «правивший мудро». Его сын Тенцинг Трандул был коронован в 1905 году до достижения совершеннолетия.

Это был тот самый Тенцинг Трандул, который так ласково обошелся со мной в летнем дворце в Тренкаре. Таким образом, он был двадцать четвертым по счету (а не восьмидесятым, как он сам сказал) потомком Аме Пала. Новый наследник, Джигме Дордже, должен был вскоре занять место на престоле. Но тревога за его судьбу не давала мне покоя...

День спустя, когда мы шли вниз от Дзонгдзонга (в буквальном переводе — «Крепость крепостей») на север Мустанга, Таши заметил вдали приближавшееся облако пыли. Вскоре облако превратилось во всадника, мчавшегося во весь опор к нам. Сердце у меня упало. Неужели гонец с дурной вестью?..

Подъехав, всадник быстро заговорил. Я разобрал только, что он гонится за нами уже два дня. Что случилось? Оказалось, он привез дрова в наш дом в Ло-Мантанге. Ничего не понимаю — какие дрова? Ну как же, прослышав, что мы любим тепло, он поехал на юг за дровами, а когда вернулся, узнал, что мы отправились дальше, и вот пустился следом. У него нарываю ноги.

Все ясно. Мне вновь придется надевать на себя тогу Эскулапа. Но честно сказать, вид язв на ногах этого несчастного человека, проделавшего путь сначала за дровами, а потом сюда, не мог оставить равнодушным. Я всегда пасовал при виде открытых ран и крови, ограничиваясь скромной ролью раздатчика пилюль. Усилиям воображения я постарался вспомнить, как поступают в таких случаях хирурги. В кино они впадают в операционную в масках, подняв руки в стерильных резиновых перчатках. Здесь это не годилось.

В ближайшей деревне я велел хозяйке вскипятить воду, затем протер спиртом большие ножницы и вскрыл ими гноящиеся нарывы на ногах несчастного лоба. Никаких обезболивающих средств у меня в аптечке не было. Только природной выдержкой жителей этого сурового края я могу объяснить тот факт, что он ни разу не вскрикнул во время варварской операции.

В качестве врачебного гонорара у дома в Ло-Мантанге нас ждала громадная поленница дров.

Любовь и жизнь

Честно заработанное мною дерево весело потрескивало в очаге. А мы с Пембой вели разговор об обычаях страны Ло, о царящих здесь нравах и, конечно, о женщинах. Это излюбленная тема в любой мужской компании, но особенно охотно о ней рассуждают, сойдясь вместе, французы и тибетцы.

Я спросил у Пембы, как здесь ухаживают за девушками, что предшествует свадьбе? На улицах я обратил внимание, что девушки обычно ходят стайками или собираются в кружок и поют. А парни, отнюдь не проявляющие в остальном застенчивости, никогда к ним не подходят. Бывает, правда, что они отпустят в их сторону шутку типа: «Берегитесь, красавицы, я большой сердцеед!» Ответом, естественно, бывает взрыв хохота. Калай, в частности, проявлял в этом деле большие старания и хвастался своими донжуанскими похождениями. Но внешне контакты, похоже, сводились к минимуму.

Пемба рассказал, как молодой человек выбирает себе невесту. Вначале он встречается тайком со своей избранницей, как это делается во всем мире. Идеальный брачный возраст считается в Мустанге 22 года для парня и примерно 20 лет для девушки. Ритуал ухаживаний заканчивается тем, что ночью жених начинает стучать в окошко своей суженой и тихо просить: «Впусти меня!» Девушка бросается к двери и кричит что есть мочи: «Убирайся! Убирайся! Я тебе ни за что не открою!» Мустангский Ромео продолжает проситься. Девушка, не щадя горла, отказывает: «Убирайся прочь!»

Если она действительно не любит этого парня или по каким-то причинам не может выйти за него замуж, она в самом деле не открывает. Но если между ними любовь, а она хочет стать женой парня, то в конце концов впускает его в дом.

Весь смысл громкой кутерьмы в том, чтобы поставить в известность отца. Если тот противится браку — как правило, он прекрасно знает претендента, ибо Ло-Мантанг все же маленький город, — отец спускается к двери и прогоняет незадачливого жениха. Но если он слышит дочерино «Убирайся!» и остается у себя, это следует понимать как родительское

благословение. Суженый тайком — официально «тайком», потому что крики, бывает, поднимают всю улицу, — проникает к возлюбленной. Затем, говоря словами Пембы, «парень идет к своему отцу и говорит: «Я спал сегодня с дочерью такого-то, она мне по сердцу. Мы хотим пожениться».

Тем же вечером отец жениха отправляется в дом родителей невесты с бутылкой чанга и церемонно объявляет им, что его сын хочет жениться на их дочери.

Отец невесты по ритуалу отвечает: «У моей дочери много претендентов». Это говорится во всех случаях. И добавляет: «Но если она пожелает, я препятствовать не буду».

Вечером он спрашивает у дочери, согласна ли та выйти замуж. Дочери положено сделать вид, что ей очень-очень стыдно. Но если она закрывает лицо и ничего не говорит, это означает «да». Если же не любит жениха, то принимается плакать и говорит: «Нет».

В случае согласия отец девушки отправляется с ответным визитом в дом жениха. Он приносит плитку чая и бутылку чанга. Затем все родственники возвращаются к невесте. Отец жениха мажет ей лоб маслом в знак того, что она входит в его семью. Жених преподносит шелковый шарф ката отцу невесты или ее брату, если отца нет.

На четвертый день подобного обмена комплиментами все вновь собираются в доме суженой за праздничным столом. Отец невесты произносит своего рода проповедь в адрес будущего зятя, призывая его заботиться о жене. Отец жениха в свою очередь обращается к снохе, наставляя ее быть хорошей женой, заботиться о муже и никогда ему не изменять.

Начиная с этого дня молодой человек поселяется в доме невесты. Мне это показалось особенно удивительным потому, что официальная, свадьба устраивается лишь полгода, а то и год спустя! Точную дату по просьбе отца жениха назначает лама. Мне, к сожалению, не довелось присутствовать на свадьбе в Мустанге, а это, надо думать, красочное зрелище. Но Пемба, который не один десяток раз участвовал в подобных событиях, подробнейшим образом описал мне церемонию.

Я с удовлетворением констатировал, что в вопросах женской красоты вкус лоба во многом совпадает с нашим. Скажем, очень полные женщины не считаются красавицами в отличие от других стран Востока, где, по словам Марко Поло, «та женщина, которая ниже пояса толще других, считается самой восхитительной». Девушки, которые нравились Пембе, неизменно нравились и мне.

Говоря о браке, отметим такую деталь. Жених имеет право отказаться от невесты даже после того, как познал ее — в библейском смысле слова. Непорочности девушки в тибетском мире в отличие от других краев не придается особого значения. Вообще мораль в местном обществе достаточно свободная. Не забудем, что полиандрия и монашество мужчин оставляют многих женщин не замужем; им было бы глупо сохранять целомудрие. Полиандрия, по нашим меркам, весьма специфическая форма брака, однако этот союз, как правило, прочен. Он вызван исключительно экономической необходимостью — сохранить в неприкосновенности земельный надел. Младшие сыновья могут избрать божью или королевскую службу. Но если они хотят оставаться дома, то женятся на жене старшего брата.

Подобные браки никогда не заключаются без согласия сторон. Когда наследник намеревается жениться, он консультируется перед этим с младшими братьями и с невестой.

Кто подлинный отец детей в таком супружестве? Об этом трудно бывает сказать с уверенностью. Но дети зовут «папой» только старшего, остальных — «дядей». На местном диалекте это звучит как «ау», в буквальном переводе «дядя-папа».

Полиандрия наделяет женщину еще большим престижем. Один из плюсов подобной системы в том, что она позволяет избежать перенаселенности: ведь из-за того, что у женщины не один муж, а несколько, она не рождает больше детей.

При полиандрии практически не бывает вдов. Хлеб насущный, естественно, легче заработать, когда в семье не один муж, а два или три, поэтому достаток в таких семьях выше. Должен добавить, что дети не находят ничего предосудительного в подобного рода взаимоотношениях родителей, а такие чувства, как братская любовь, очень развиты в стране

Ло.

Широта нравов не влечет за собой никакой разнузданности. Более того, внешне поведение супругов очень сдержанно. Редко можно увидеть, чтобы муж целовал жену на людях. Вообще любовь и ненависть не выражают публично.

Зато дети окружены поразительной любовью. Я не видел ни в одной стране, чтобы к детям относились с таким вниманием и лаской вне зависимости, свои ли это дети или чужие. На взгляд европейца, малыши могут показаться неухоженными, «замурзанными». Но в действительности детская смертность в Мустанге невысока. Это объясняется «здоровым отбором» и климатом, не способствующим распространению микробов. Я не видел, чтобы дети чихали или кашляли, бегая босиком по холодной земле. Никто не кричит на них: «Иди сюда, отойди оттуда, испачкаешься!» Им предоставлена полная свобода.

Лоба обожают детей, родители берут их с собой и в поле, и в путешествие. А уж на любом празднике или церемонии детей всегда полным-полно. Их можно видеть и на общественных собраниях рядом с высокими могучими отцами.

Когда молодая мать ждет первого ребенка, все встречные на улице поздравляют ее. Только в последние недели беременности считают, что ей не следует показываться чужим: могут сглазить. Роды происходят дома, и помогает жене только муж. Лишь в особо сложных случаях зовут «доктора». Рожает женщина, присев на корточки. Едва разрешившись от бремени, она начинает заниматься новорожденным.

На третий день после появления младенца в дом зовут ламу и без особой церемонии дают ребенку имя; вернее, ему дают одно из множества имен, которые он получит впоследствии, — я вернусь к этому позже. Лама срезает у новорожденного несколько волосиков с головы. Точный смысл этого ритуала мне выяснить не удалось, но он существует у многих народов.

Есть, правда, случаи, когда ребенку оказывают особые знаки внимания, — если оракул предсказывает, что из него вырастет великий лама. Согласно верованиям тантристского буддизма, святые, достигшие абсолюта, отказываются от нирваны, дабы помочь людям на земле обрести путь к высшему совершенству. Когда умирает знаменитый лама или святой, то его воплощения ищут в ком-нибудь из новорожденных. Именно так «находят» далай-ламу и настоятелей большинства монастырей. И какая мать не мечтает, чтобы в ее сыне обнаружили знаки будущего мудреца, чья жизнь будет посвящена спасению человечества! В Ло-Мантанге я быстро подружился со всеми ребятами, хотя чаще вынужден был общаться с монахами, чиновниками и знатными людьми города.

Несколько раз мы беседовали с представительным господином по имени Кама Рабгье. Он хорошо знал непальский и служил королю переводчиком во время его поездок в Катманду. Кама Рабгье подтвердил, что Ангун Тенцинг до сих пор платит ежегодную дань Непалу, хотя сейчас это лишь символический знак древней вассальной зависимости. При всех случаях эту дань следует понимать в средневековом, а не в современном смысле.

Как отмечает Брайн Ходжсон и другие специалисты по истории Непала, статус Мустанга не имеет аналогов: это независимое княжество внутри государства. Глава Мустанга собирает на своей территории налоги и использует их по своему разумению. Отрезанное от мира королевство населено гордыми людьми, в которых не чувствуется никакого «вассального» духа. Их ум критичен и даже насмешлив. Это веротерпимые люди, наделенные широтой взглядов, — достаточно проследить за их отношением к чужой религии, к иностранцам, а также к собственным обычаям и властям.

Каждая семья имеет в стране Ло свой дом. И хотя он не соответствует тем представлениям об удобствах, которые распространены ныне на Западе, зато по количеству квадратных метров на душу он намного превосходит наши бетонные многоэтажки. Дома эти крепко скроены — под стать их владельцам, чей здоровый и цветущий вид никак не подходит для обитателей так называемой слаборазвитой страны.

В Ло-Мантанге я часто выходил вечерами гулять по узким улочкам столицы. Встречая знакомых, останавливался поболтать возле дома. Последние лучи гасли на затейливых

наличниках королевского дворца. На площади перед ним собирались женщины посудачить, продолжая расчесывать шерсть. Мужчины, сидя возле дома, тоже не оставались без дела — они накручивали мотки ячьей шерсти на особые палочки, чтобы потом катать из нее валенки. Дети носились взапуски от дома к дому, радостно крича, и это, по-моему, единственный шум, которому радуются во всем мире. Некоторые затеивали игру в «иглочки» перед городскими воротами.

На этой игре, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее. Почти у всех мужчин в Ло-Мантанге можно увидеть на поясе кожаный футляр, в котором носят большие иголки — ими зашивают ячью сбрую, лошадиную упряжь, бурдюки; иголками поменьше штопают шерстяные мешки и одежду. Так вот, у детишек есть такие же футлярчики, и они играют их содержимым точно так же, как в мое время в школах играли в «перышки», а сейчас играют в шарики. Надо бросить иголку так, чтобы она попала точно в ямку.

Перед самым наступлением темноты звон колокольцев возвещал о возвращении стада. Мужчины вставали и шли гурьбой к городским воротам, где неизбежно поднималась сутолока.

Между тем новости из дворца приходили малоутешительные: в состоянии Джигме Дордже не наблюдалось улучшения... Пемба посоветовал вновь на время оставить Ло-Мантанг.

Багаж сложили на подворье моего друга Тсевана Ринцинга, обещав ему за услуги металлическое ведро, привезенное мной из Катманду.

Пемба сверил по древнему тибетскому альманаху, верный ли мы выбрали день для этого путешествия. Оказалось, первый день месяца благоприятствует работе, второй хорош для получения золота и серебра — только надо, если хочешь, чтобы оно подольше сохранялось в доме, покрошить немного глины в очаг. Третий день прекрасно подходит для поездок. Увы, наша дата не совпала с небесным предначертанием: по указаниям автора альманаха, в этот день лучше всего мыть голову. Ничего не поделаешь...

Дорогой я ознакомился с прочими рекомендациями. Из книжки можно было почерпнуть, в какой день лучше всего жениться, переезжать в новый дом, рисовать святую картину. Был день, когда предписывалось: «Ступай во дворец и станешь знатным!»; на двадцать второй день советовалось: «Читай и станешь ученым!» Рекомендация на тридцатый день была удивительной: можно начинать строить крепость. Ну а поскольку это не входило в мои планы, мы покинули Ло-Мантанг без труб и барабанов. Река Кали-Гандак, прорезав глубочайший на свете каньон, заставила свои притоки тоже как следует попилить камни. Мы пересекли ущелье, стены которого отвесно уходили на тысячу метров вверх.

В темном каньоне Пемба собрал для своей коллекции снадобий разноцветные камешки, содержащие чистую железную руду и медь: в тибетской медицине используется каменная пыль. В устье ущелья стояло селение под названием Самдзонг, но нам сказали, что истинное его наименование Самом, что означает «Хранитель земли» (оно стоит на самой границе). Жители приняли нас поначалу за сборщиков налогов.

На обратном пути мы вышли к развалинам древнего монастыря Гумпа-Тубтилунг, разрезанного пополам горным потоком. Я с удовлетворением перечел в исторической хронике, купленной мной у монаха в Гарпху: «У короля Ахана Гелцинга было пятеро сыновей. Двое младших женились на одной женщине по имени Цусанг и жили вместе в монастыре Тубтилунг. В это время озеро Три-Лунг вышло из берегов и разрушило монастырь». Теперь перед нами было конкретное подтверждение слов летописца: селевой поток из ледникового озера разрезал монастырь на две части.

Сведения, изложенные в «Молле», придали хождению по Мустангу особый характер. Книга стала для нас путеводителем по историческим местам. Остатки каменной кладки говорили теперь о многом, оживали легенды и рассказы, слышанные мной в Ло-Мантанге и других селениях. Я словно, как в детстве, рылся на чердаке в старой рухляди, ожидая вот-вот натолкнуться на сокровища. Хотя, быть может, куда захватывающе было знакомство с удивительной атмосферой будничной жизни лоба.

Ее трудно описать словами и тем более найти адекватные термины. Есть края, которые оставляют впечатление летаргического сна, другие — одиночества, усталости или отчаяния. В Мустанге жизнь была преисполнена бьющей через край энергии, готовности к действию. Все эти качества наилучшим образом воплощались в Пембе.

Каждое утро он начинал с рассказа о том, что он ожидает от этого дня. Ему были неведомы такие понятия, как «рутина» или «скука». Все было внове и все потрясающе интересно: и встреча с другом, и предстоящий праздник, и новости, которые он расскажет, и вести, которые услышит. Его жизнь была лишена статики, смирения, успокоенности — всего того, что так часто встречаешь в странах Азии и Западной Европы. Лоба привыкли к дальним горизонтам, к бесконечным передвижениям, к разнообразию жизни. У них всегда есть цель, пусть маленькая, но которую все равно надо достичь. То, что мы на Западе зовем «борьбой за существование», в Мустанге представляется серией инициатив, приключением, подчас авантюрой. Таково было это «затерянное королевство». Время остановилось здесь? Какая чепуха! Я говорил уже, что для лоба слова «счастье» и «красота» — синонимы и они пытаются совместить оба понятия. В Мустанге нет дома, который бы не играл своей роли в этом приближении к счастью через красоту; здесь даже простой цветочный горшок на подоконнике — трогательный знак заботы в безводной каменистой пустыне.

Вторая характерная черта мустангской жизни — это гигантское уважение к учености, знаниям, уму. Для мужчины нет более достойной цели, нежели стремление к знаниям; детей непременно поощряют интересоваться историей, мифологией, любят, когда они задают «умные» вопросы. На Западе «хороший работник» ценится гораздо выше, чем «блестящий ум». Людей у нас приучают скорее к труду, а не к размышлению, и, за редким исключением, система нашего образования направлена на привитие «практических» навыков. В Мустанге человек, одаренный высоким интеллектом, в общем не работает. Монахами восхищаются именно потому, что они могут обходиться головой, в то время как у нас, на Западе, на интеллектуалов смотрят как на феноменов и в конечном счете не одобряют их.

Мне не приходилось нигде, кроме страны Ло, слышать, чтобы матери говорили о своих сыновьях: «Этот умен, а этот глуп, ни к чему не пригоден». Оценивая человека, прежде всего определяют его интеллектуальные качества. Например, «очень умный человек». У нас же скорее скажут: «Очень богат», или «Очень силен», или «Хороший работник»...

Лоба — строгие критики и явные индивидуалисты. Нелегко бывает найти двоих людей, высказывающих одинаковое суждение по одному и тому же предмету. Этим объясняется существование бесчисленных сект, по сути отличающихся друг от друга ничтожными расхождениями в толковании вероучения.

Ум обычно связывают здесь с добродетелью: человек, блистающий умом, слывет высоконравственным. Престиж в обществе также основан на уме, а не на богатстве или силе. Случается, что великого ламу затмевает какой-нибудь скромный монах, прославившийся своими высказываниями или «чистотой». В целом это порождает в народе устремленность не к богатству и могуществу, а к развитию интеллекта.

Громадной популярностью пользуются люди остроумные. Я часто восхищался изобретательностью Пембы по части высмеивания моего характера и поведения. В большом фаворе и умелые рассказчики.

Пемба вообще охотно высказывал меткие суждения по всякому поводу. Разговаривая с ним, я убеждался, что его образ мысли современен, а любознательность и терпение нередко выше, чем у меня, хотя он никогда не покидал пределов Мустанга, а я прибыл за тридевять земель изучать жизнь его страны!

Интересно, что, отвечая на его проницательные вопросы о жизни Франции, я вдруг обнаружил, сколь мало фундаментальных отличий между нашими двумя странами. Наши политические, религиозные или правовые институты во многом унаследованы от средневековья. У нас тоже были короли, феодалы, крестьяне. На нашей земле стояли замки, крепости и монастыри. У нас были суды разного назначения и королевские герольды, превратившиеся со временем в почтальонов. Наша общественная жизнь покоится на

средневековом представлении о семье. Скажем, оксфордский профессор подчинен таким же древним правилам, как ученый-монах. А язык наших юридических документов почти до мелочей схож с эдиктами короля Мустанга.

Как правило, я не терплю сравнений и всегда раздражаюсь, когда меня начинают уверять, что Мексика похожа на Испанию или такая-то страна похожа на его родину. Но здесь я хочу подчеркнуть, что тибетская культура Мустанга в гораздо большей степени схожа со средневековой Европой, нежели с традициями своих соседей, будь то Индия, Бирма, Китай, Монголия или Афганистан...

Шесть дней спустя мы вновь появились, усталые и грязные, перед воротами Ло-Мантанга. Жизнь текла как обычно. Мужчины ожидали возвращения стада, знатные граждане, потягивая чай, обсуждали государственные вопросы. Единственная новость была радостной: королевскому сыну стало лучше! Огонь возле дворца погас. У меня с души свалился тяжеленный камень.

До чего приятно было вернуться вновь в свою комнату на крыше возле старого дворца и спокойно заснуть под далекое пение девушек.

На следующее утро я первым делом отправился в Тренкар. По дороге нам встретила женщина с кувшином.

— Добрый знак, — тут же отметил Таши. — Если первой встречаешь женщину с водой, надо преподнести ей ката, и тогда ожидай удачи во всех своих делах!

К сожалению, у нас, как обычно, не было с собой ката.

На сей раз ждать у летней резиденции почти не пришлось — нас тут же препроводили пред королевские очи. Его величество сидел на маленькой веранде, выходившей во внутренний дворик, погруженный в утреннюю молитву над серебряной чашей с водой.

Закончив общение с богом, король ласково улыбнулся нам. Значит, все в порядке! Впрочем, я ни минуты не сомневался, что король может поверить злым наветам.

Был подан чай, а вскоре появился и Джигме Дордже. Он очень вежливо просил извинить его за то, что он не мог уделить нам времени. Я начал рассказывать королю и наследному принцу о результатах путешествия. Видимо, старому королю пришлось по сердцу то, что заезжий чужеземец оказался столь внимателен к вещам, которые он сам считал «банальными и неинтересными». Я сказал, что хотел бы посетить южные районы, и в частности еще раз побывать в Царанге.

Под конец, несколько смущенный, я поделился с ним своим самым заветным желанием — сфотографировать его величество. Немалых трудов стоило убедить старого короля переместиться на солнце. Затем он пригласил меня сесть рядом, с тем чтобы Таши снял нас вдвоем.

Последние дни в столице прошли в каком-то угаре. Надо было заполнить последние графы в составленном мною вопроснике, попрощаться с друзьями и знакомыми. Пять недель в маленьком городке — большой срок, мы успели познакомиться с доброй сотней людей. Трудно было поверить, что я уезжаю, и прежде всего самому мне. Неужели я навсегда лишусь этих стен, этих лиц, этих улыбок, этого города?..

Накануне отъезда Пемба устроил в нашу честь ужин. Он был грустен, а я едва удерживался от слез. Пемба, оказывается, тайком выведал у Калая, что я люблю больше всего из еды, и стол ломился от яств.

Дочери Пембы играли возле подушек, на которых мы возлежали у очага, прихлебывая пиво. Красавица Нима ласково глядела на нас. Без Пембы мое путешествие не было бы столь успешным. Только ему я обязан книжкой по истории, которую удалось раздобыть в Гарпху; он же поведал мне массу деталей о жизни и обычаях страны Ло. Когда я встал, чтобы проститься — Нима с детьми давно уже спали, — Пемба достал из ларца листок коричневой тибетской бумаги. Это был рисунок колеса жизни с иллюстрациями шести сфер перевоплощений.

Солнце едва брезжило из-за холодных вершин на востоке, когда мы тихо стали

собираться в путь. Пемба вышел из дома, чтобы в последний раз проститься со мной. Я подарил ему электрический фонарь с набором батарей, и мы молча двинулись по еще безлюдным улицам.

У городских ворот Пемба вытащил ката и повязал мне вокруг шеи. Я отвернулся, чтобы он не видел моих слез. Я знал, что вечером в доме Пембы на том месте, где я сидел вчера, будет гореть светильник, а на подушке рядом с хозяином лежать ката — в память обо мне. Так обычно почитают ламу или большого друга...

С вершины холма я в последний раз окинул взором Ло-Мантанг. Солнце уже отражалось в белых стенах, а молитвенные флаги переливались всеми цветами, словно золотое оперение. Над городом виднелся Кечер-дзонг — круглая крепость Аме Пала.

Теперь я знал, что этот край, который Таши назвал вначале «бесплодным, как дохлая лань», населяют чудесные люди, исполненные душевного благородства и подлинной красоты, — мои друзья.

«Хрустальная гора»

Оставалось пройти «всего» несколько сот километров по не отмеченным на карте тропам, чтобы закончить исследование Мустанга; из семи районов страны мы посетили лишь три и довольно долго прожили в столице.

Издали Царанг выглядит очень поэтично — словно флотилия белых парусников, причаленных к темным буям. «Буи» — это чортены, а «парусники» — большой монастырь, четырехэтажная крепость и окружающие дома. Название города происходит от «Чаптрун цетранг», что значит «петушиный гребень», — имеется в виду узкий выступ, на котором построена крепость. К югу расстилается ровная ледниковая равнина, но когда заходишь с севера, как мы, то видно, что крепость и монастырь стоят на краю пропасти глубиной 120 метров.

Есть в Царанге и печальная нота, которую придают два призрака — разрушенный форт и заброшенный монастырь. Когда-то эта крупнейшая обитель страны насчитывала тысячу монахов (теперь осталось не больше десятка). И там же живет в уединении средний сын короля — святой царангский лама.

Я сказал «святой», хотя мнения на сей счет расходятся. Для одних это в самом деле человек святой души и светлого ума; для других — демон; для третьих — просто несчастный. Судьба действительно была жестока к когда-то веселому юноше. Порвав смолоду с монашеством, он женился; никто не видел его молящимся или одетым в тогу. Но вскоре жена заболела и умерла, оставив ему четырехлетнего сына. Царангский лама понял, что настал час искупления грехов. Он публично дал обет предаться в одиночестве медитации и познанию путей к озарению. Так длится уже три года. По обету, он не принимает пищи в течение дня, не покидает королевских апартаментов над заброшенным монастырем и не общается ни с кем, кроме прислуживавшего ему монаха. Большую часть времени он проводит за чтением священных текстов, где изложены советы «святого образа жизни», ведущего к спасению.

Но видимо, обет соблюдается не строго. Доказательством служит хотя бы то, что он согласился принять нас с Таши.

Не требуется исповедовать тибетский буддизм или быть по натуре слишком впечатлительным, чтобы поверить в то, что царангский монастырь посещают призраки. Все здесь настраивает на «потусторонний» лад: темные коридоры с узкими оконцами, три громадных гулких зала, пещерные своды кухни с «адскими» котлами, где некогда варился суп для тысячи монахов, и кувшинами, куда спокойно могли бы спрятаться пять человек, наконец, сотни брошенных келий. Когда раздавался удар барабана, эхо долго гуляло по необъятному зданию, где из келий вылезали оставшиеся обитатели. Удалившиеся от мира монахи молились за своего настоятеля. И сам он, несчастная душа, нечестивый монах,

вдовец и грешник, жил вне времени, одинокий, как старый орел.

Встреча с ним запомнится мне надолго. Под монотонное бормотание монахов мы вошли в часовню, где на широком троне сидел королевский сын.

Волосы ламы были столь длинные, что падали почти до поясницы: он дал обет не стричься, пока не искупит свой грех. Голос его прерывал нервный тик. Продолжая вместе со всеми читать нараспев молитвы, он время от времени бросал нам: «Г-а-а... вы можете остаться на ночь в монастыре... г-а-а... Если хотите, можете сфотографировать меня... г-а-а-а... Сколько вы пробудете в Царанге?»

Королевские апартаменты, где я поселился, состояли из семи больших комнат, выходивших на монастырскую крышу. Стены нашей с Таши комнаты были покрыты восхитительными фресками, на полу был паркет, по которому в отличие от нашего ло-мантангского жилища очень приятно ступать босиком. Сказанное, естественно, относится к летнему периоду, но сейчас в Царанге ночью было так холодно, что нам пришлось завесить оба окна палаткой. Мустанг — земля крайностей: днем воздух прогревается до 32°, а ночью температура падает до нуля. Но дворянство обязывает, и нам пришлось делать вид, что мы весьма удовлетворены комфортом, хотя втайне завидовали Калаю, устроившемуся на кухне. Санитарные удобства были в монастыре выше всяческих похвал, особенно если вспомнить, что в Версале нет ни ванн, ни туалетов.

Я получил редчайшую возможность наблюдать за бытом монастырских обитателей.

Монастыри составляют важный аспект жизни в Мустанге точно так же, как, говоря о средневековой Европе, нельзя обойти молчанием роль церкви и монахов. Однако здесь следует провести четкую грань между буддийским вероучением и церковными учреждениями. Буддизм учит, что жизнь — цепь страданий, иллюзия чувств и незаконченное состояние; человек поэтому должен стараться избавиться от причин своих страданий, которые заключены в разнообразных желаниях и неукротимых потребностях. Он должен подчиниться восьми правилам (еще говорят — «пройти восемь путей»): верно верить, верно желать, верно говорить, верно вести себя, верно жить, верно работать, верно думать и верно наставлять. Лишь после этого человек достигнет состояния, называемого нирваной.

Принципы, изложенные Буддой при жизни, не являются религией. Учитель не упоминал ни о боге, ни о душе. Но с течением времени учение расширилось, вобрав в себя верования, существовавшие в Индии ранее. Ламаизм, или тантристский буддизм, в том виде, как он сформировался в Гималаях, превратился в невероятно сложную религию, приверженцы которой раскололись на бесчисленное множество сект. Но фундаментальное верование осталось. Жизнь, таким образом, лишь иллюзия греховных чувств, и человек, следуя восьмью путями, должен стремиться к совершенству.

Монахи, принадлежащие к тибетскому буддизму, в отличие от служителей других культов не распространяют свою религию. Они просто посвящают собственную жизнь поискам нирваны. Остальная часть смертных вынуждена сочетать мирскую жизнь с попытками обрести совершенство. Монахи идут к свету как бы коротким путем, пользуясь методами, которым учат в монастырях. Это методы как физического свойства (например, практика йоги), так и мистического.

Учителями выступают ламы или гуру (учителя), владеющие тайнами этих методов. Бесконечное повторение священных текстов, скажем, развивает сосредоточенность. Сидя перед статуей Будды, следует представлять в воображении, как он выходит из цветка лотоса. Медитация имеет психологическую цель — отделить человека от его нынешнего существования, желаний и иллюзий, подвести сознание к, так сказать, «преднирванному» состоянию. На это уходят годы практики, и подчас для этого требуется полное одиночество. Недаром монахи так охотно уходят жить в пещеры, подобно христианским отшельникам, искавшим бога в пустыне.

Подходить к тибетским монастырям с привычной для Запада точки зрения было бы неверно. Здесь монахом делается не по призванию, а по необходимости. Я говорил уже, что, как правило, им становится средний сын в семье. В девять лет ему надевают красную чубу,

спускающуюся чуть ли не до пят, и записывают в монастырь, решая таким образом, к какой секте он будет принадлежать. Но мальчик пока остается дома, где родители заставляют его усердно читать и писать. Иногда в дом приходит монах, чтобы «образовывать» ребенка.

Юношей он еще остается какое-то время в родительском доме или у старшего брата, но может переселиться в местный монастырь. Он волен также выбирать себе обет: безбрачия, воздержания от определенной пищи и т. д.

Монахи не связаны вечными узами с определенным монастырем. Каждый платит за свое пребывание и за пищу. Кроме того, он вносит деньги за проведение больших церемоний, когда раздают еду всем собравшимся. По очереди послушники обязаны покидать монастырь и отправляться на поиски денег, уговаривая богатых и знатных людей делать пожертвования. Одиннадцатый месяц в году они проводят в сосредоточении на духовных делах. В остальное время твердого распорядка не существует.

Монастыри владеют землей; в богатых монастырях скапливаются немалые запасы пищи и даже денег; туда охотно приходят грамотные люди, чтобы поделиться своей ученостью и поразмышлять над тем или иным предметом.

В общем и целом монастыри в Мустанге вполне можно сравнить с нашими средневековыми университетами. Травя — простой монах — это тот же школяр времен Франсуа Вийона. Предмет его изучения — поиски путей к нирване. Он учит то, что ему нравится, и там, где захочет. Он живет в монастыре по своим средствам. Если он беден, то ищет монастырь побогаче, где вспомоществование пищей и деньгами можно рассматривать как «стипендию». Разочаровавшись в одном, он переходит в другой монастырь. Как правило, он уверен, что для него найдется место. «Экзамены» открыты для всех. Они представляют собой дискуссию по поводу религиозных текстов, вопросов логики, проблем вероучения. Испытания обычно проходят публично. Студент сидит на скамеечке перед монахами, которые стараются запутать его каверзными вопросами. Если он успевает толково и быстро ответить на все, ему выдают «диплом»: он считается перешедшим в более высокий класс, а этих классов, или степеней, существует великое множество — от самых низких орденов до докторских, которых насчитывается пять степеней.

Экзамены не обязательны. Монах может устраивать свою жизнь в зависимости от обстоятельств. Скажем, в молодости наняться слугой к другому монаху, подрядиться переписывать книги, ходить по деревням, отправляя службу на мелких церемониях, в том числе домашних, читать молитвы на похоронах, изгонять демонов из жилища и т. д. Таким образом он набирает деньги на учение, ибо смысл его жизни именно в учении. Ценят монаха по личным качествам, а не по занимаемому рангу или возрасту. Все же ранг — известная гарантия благополучия для выходцев из бедных семей.

В Мустанге почти в каждой семье хотя бы один человек записан в монастыри Ло-Манганга, Намгьяла, Царанга или Джеми. Иногда средние сыновья живут дома, отправляясь в монастырь на обязательный одиннадцатый месяц, а также по случаю больших молебствий и религиозных празднеств.

В стране крайне слабо поставлено общее образование, и, помимо монастыря, знания приобрести негде. Да и там уровень преподавания снижается, за исключением разве монастыря Гарпху, где я купил «Моллу». Он принадлежит секте нингампа, которая забирает четвертого и пятого ребенка в многодетных семьях.

Атмосфера в обители полностью зависит от ламы. Если тот добродетелен и умен, монахи стараются походить на него. Если же он предается излишествам, а то и грехам, простые монахи-травя ему подражают.

Каждое утро меня будило позвякивание колокольчика в соседней молельне; чуть позже удар гонга выкидывал гостей из постели, и мы собирались на кухне у Калаа. Вскоре туда спускался секретарь ламы. Иногда он умудрялся до того, как я встану, проскользнуть в комнату и усесться на мой матрац. Здесь он умильно закатывал глаза и начинал бормотать: «О, какой вы великий человек! Как бы я хотел стать вашим другом!» Через день к меду добавилась ложка дегтя: «Почему бы вам не взять меня с собой? Я бы смог стать вашим

секретарем. Я ведь так люблю путешествовать!»

Пухлый льстец выдавал себя за ученого человека, но каждый раз, как я задавал ему конкретный вопрос, он пускался в пространные рассуждения, из коих явствовало, что он ничего не знает. Зато с каким самодовольством разгуливал он по монастырскому двору, крутя на запястье кольцо с ключами!

Царангский лама души не чаял в своем осиротевшем сыне. Как все дети, тот проказничал, повсюду лазил, таскал за хвост здоровенных псов. Конечно, ему хотелось бы играть с другими детьми, а еще больше ему нужна была материнская ласка. Отец с сыном составляли странную пару.

В королевских апартаментах на крыше пахло можжевельным дымом, слышались удары гонга, повизгивание щенков и топот ножек маленького принца. Время от времени мелькала тень верховного ламы и женоподобного монаха, который ему прислуживал. Я спрашивал, где же мое место в этом причудливом мире?..

Семь дней провел я в царангском монастыре, лишь на короткое время спускаясь в деревню. Это был исключительный опыт: раньше европейцам не разрешалось жить в святой обители и наблюдать за ее жизнью. Я был в курсе намечавшихся свадеб, знал об удачном походе купца с грузом соли — тот прислал в монастырь серебряный кубок; знал, у кого режут скотину, потому что монастырь получал свою долю мяса. Лама, правда, не ел мяса в силу данного обета, зато его секретарь уплетал за двоих. Здесь я впервые за долгое время отведал яиц: только очень богатые люди могут позволить себе иметь кур-несушек.

Расспросы о жизни далекой Франции сильно занимали среднего сына короля Ангуна. Не без труда мне удалось объяснить ему, почему люди у нас проводят все свое время в тяжелом труде ради того, чтобы купить такие вещи, как самодвижущая телега, музыкальный ящик или стиральная машина. Последнее наиболее трудно поддавалось объяснению, ибо лоба почти никогда не стирают своих одежд. Я не стал ему рассказывать о войнах, которые дважды в этом столетии заливали кровью мою землю. Не упомянул и о трущобах, позорящих наши красивые города.

Вечером после этого разговора я, быть может, впервые с такой пронзительной силой ощутил собственное одиночество. Страшно не хватало спутника, с которым можно было бы поделиться такой массой впечатлений, услышать его мнение. Я страдал от страшной формы раздвоения личности. Мой новый лик заслонил предыдущий.

Помню, однажды я решил показать Таши наши современные танцы и стал отплясывать в чубе шейк и твист. Но уже через секунду понял всю вздорность этого занятия. Таши недоверчиво качал головой...

Я свято соблюдал обычаи и правила жизни лоба. Никогда не курил в доме, а тем паче в монастыре. Не свистел в четырех стенах — это привлекает злых духов. Уверен, что я строго следовал бы правилам уличного движения, если бы оно было в Мустанге. Ни за что на свете не хотелось бы мне «развязывать шелковый узел» или «разрезать яйцо пополам».

«Развязывают шелковый узел» перед церковным судом, занимающимся вопросами морали. Решение по таким делам выносит местный лама. «Разрезать яйцо пополам» означает предстать перед деревенским судом, где судья выборный; он занимается тяжбами, касающимися раздела земель, потрав, увода чужого скота и т. п. Но нет ничего хуже, чем взывать к справедливости короля, ибо в этом случае обеим сторонам надлежит выплатить в казну солидный штраф, носящий название «золотое ярмо». Правосудие — серьезная вещь в Мустанге, и нарушитель должен считаться с тяжелыми последствиями. Я видел множество примеров тому, и один из них — как раз в крепости Царанг.

Мы с Таши облазили все четыре этажа этого величественного строения, воздвигнутого на «Петушином гребне». Бесконечные коридоры, залы, тупики представляли подлинный лабиринт. Сейчас большинство окон в нижних этажах было замуровано — там устроили склады. В третьем этаже находился арсенал, где по стенам стояли длинные мечи, боевые секиры, луки и арбалеты, старые кольчуги и щиты из выдубленных ячьих шкур.

Среди всего этого оружия Таши обнаружил вдруг странный темно-коричневый

предмет. Рассмотрев его, я чуть не отпрянул: то была высушенная человеческая рука, мрачное предостережение возможным вора. За повторную кражу в стране Ло отрубили правую руку, и я видел уже подобные «экспонаты» в Джелинге и Ло-Мантанге.

Кстати, в 1959 году, когда я был у подножия Эвереста, в монастыре Пангбоче, мне такую же вещь выдавали за руку «снежного человека»! Явная ложь была приготовлена для белых «исследователей», которые, не жалея денег и 'Сил, лазили по горам в поисках мифического существа, рожденного воображением журналистов. Слух о нем еще не дошел до Мустанга, и лоба еще не научились извлекать выгоду из доверчивости любителей сенсаций.

Замечу, чтобы покончить с темой наказания, что преступления здесь редки именно из-за страха тяжелых последствий.

В наших странах уголовный кодекс, как правило, отделен от кодекса морального; в стране Ло они составляют единое целое. Здесь человек является либо высоконравственной личностью, чтящей законы, либо бандитом вне закона (по-нашему, «гангстером»). Кстати, о таковых я слышал мало.

Время в Царанге летело быстро, я был готов задержаться в Мустанге еще, но на нас начали сказываться последствия тягот пути. Высота, скудная пища, холод, колоссальное физическое напряжение давали себя знать. Калай занемог. Что касается Таши, то он превратился в заправского этнографа. Ему случалось в одиночку отправиться в какое-нибудь селение с записной книжкой, куда он вносил каллиграфическим почерком свои наблюдения. Но в последнее время он заскучал. Я тоже чувствовал, что силы мои на исходе; разрешение на пребывание в Мустанге, кстати, тоже подходило к концу, а нам надо было еще обследовать ряд мест.

Пора было покидать Царанг. Температура воздуха повышалась, днем солнце уже сильно нагревало крышу. На окрестных горах началось таяние снегов, а это означало скорый разлив рек.

Стало ясно, что, если мы хотим попасть на восточный берег Кали-Гандака и обследовать юго-восточный район страны, надо выступать сегодня: в Мустанге не было мостов через Кали-Гандак.

Хозяин всеми силами пытался меня удержать: ему явно не хотелось возвращаться к обету одиночества. Он сказал, что хочет дать мне новое имя, с тем чтобы, согласно тибетскому обычаю, «наша дружба стала вечной».

Но мы очень торопились. Накануне отъезда лама взял с нас обещание вернуться и подарил мне дивного щенка. Это был тибетский терьер серо-белой масти — чистопородный апсо, похожий на мохнатый шарик. Его специально привезли из монастыря Ло-Гекар, за 60 километров от Царанга. Подарок необычайно обрадовал меня, тем более что щенки апсо — большая редкость. Те, что выводятся в Великобритании, стоят очень дорого и крупнее чистокровных тибетских. Я поблагодарил ламу и попросил его оставить щенка (которому я дал имя Том) до нашего возвращения у себя. Настоятель отрядил с нами одного носильщика.

Путешествие по районам Дри и Тангя прошло не так просто, как я надеялся. Эрозия избородила эти места глубокими каньонами, приходилось карабкаться по кручам, а кое-где просто ползти на четвереньках. Когда мы спрашивали дорогу, встречные путники качали головой: неужели мы не боимся разливов?

Я и в самом деле их боялся. На крайний случай был разработан запасной вариант возвращения в Катманду через западный хребет и необитаемое плоскогорье к Муктинатху и далее в обход Аннапурны. Но этот путь крайне опасен, и, случись что, помощи ждать неоткуда...

Шесть суток продлилось путешествие. Калай почти не мог идти, Таши не ворочал языком. И не мудрено: нам пришлось преодолевать разлившиеся реки и пройти три перевала на высоте 4500 метров каждый.

Мы спустились в ущелье Кали-Гандака под стенами Царанга и прошли вдоль его русла до самого узкого места. Там нас начала преследовать адская жара. Стены ущелья полыхали,

словно печь, напиться из реки было нельзя, до того грязная шла вода. Полдня мы брели, умирая от жажды, сняв с себя всю одежду. Наконец начали карабкаться вверх. Тут я чуть не погиб, вызвав камнепад.

Тяготы первого дня пути были компенсированы, правда, удивительной панорамой Тангья — самой южной деревни Мустанга. Расположенные на высоте 3300 метров крохотные поля были покрыты зелено-золотым ковром созревшего овса. Чистенькие домики, слепившиеся боками, составляли вкуче крепость. А над ними высилась обрывистая стена, в которой ветер вырезал высоченные колонны, напоминавшие трубы органа.

Здесь я увидел самый большой чортен страны Ло: в нем было не меньше 15 метров в высоту, а вокруг располагались 30 чортонов поменьше. Все были выкрашены глиной и охрой в ярчайшие цвета: красный, белый, серый. Жители явно гордились своими чортенами, и мне раз двадцать пришлось подтверждать, что я не видел более высоких и красивых сооружений во всем Мустанге.

После обеда я составил план деревни, поговорил с некоторыми жителями, главным образом со стариками, пытаясь выяснить, чем занимаются крестьяне и какие повинности исполняют.

Наутро мы отправились на поиски деревни Те. Нам показали тропу, которая вскоре стала неразличимой среди камней. Солнце внизу жгло так же немилосердно. Весь день пришлось карабкаться в гору, потом идти по гребню черной, как уголь, горы с вкраплениями белых кристаллов. Мы теряли из виду друг друга, а один раз заблудились. По счастью, встреченный отряд кхампа вывел нас в нужную сторону.

В этом месте был оползень. За год до нашего прибытия огромный склон сполз в ущелье. Земля была похожа здесь на ледник: изрыта глубокими трещинами, повсюду торчали обломки скал. Опустившийся слой земли был не менее 15 метров толщиной. Мы мучительно прокладывали путь через этот кошмар.

Деревня Те, расположенная вдали от воды, лепилась вокруг развалин монастыря. Поля представляли собой террасы довольно правильной формы. Сил осматривать достопримечательности не было. Мы разбили лагерь и свалились как подкошенные в палатке.

Утром я как следует обошел деревню. Поля упирались в глубокую пропасть, на дне которой лежало бирюзовое озеро; оно явно образовалось в результате оползня, когда обломки засыпали часть ущелья, перегородив плотиной хилый ручеек.

На противоположной стороне в отвесном склоне пропасти я заметил множество черных отверстий. Что бы это могло быть? Оказалось, пещеры, отрытые человеком. Но как попадали туда люди? Загадка.

Уже в массиве Аннапурны, возле Тукучи, я видел эти жилища, которые лоба называют «домами в склонах». Кое-где удалось в них заглянуть: внутренняя часть явно носила следы пребывания человека. Кто мог жить там? И когда? Загадка сильно бередила воображение, но никто не смог ответить на мои вопросы. Одни говорили, что это жилища орлов; другие — что в стародавние времена там жили монахи.

К сожалению, на пещеры Кали-Гандака можно было только облизываться — без сложного альпинистского снаряжения и солидной группы нечего и думать добраться туда. Добавлю, что эта загадка не дает мне покоя и по сей день.

Мы двинулись назад в обход оползня. С превеликими трудностями спустились по диагонали на дно ущелья, и тут я едва не заплакал от отчаяния: за ночь ручей успел растечься, залив тропу! О том, чтобы подниматься вновь, было страшно подумать. Ничего не оставалось, как пытаться шагать прямо по руслу потока.

Ежась от холодной воды, мы осторожно ступили на осклизлые камни. Временами вода поднималась до пояса. Достаточно одного неверного шага — и бешеный поток понесет нас вниз на верную гибель.

Подняв голову, я с тоской посмотрел на головокружительный обрыв. Ущелье сузилось настолько, что почти смыкалось в вышине... Обессиленные, мы добрались наконец до

Кали-Гандака и здесь обнаружили, что его невозможно ни пересечь, ни идти по руслу до селения Дри. Наш носильщик, уроженец Царанга, оказавшись на знакомой территории, сказал, что можно попробовать вылезти наверх и двигаться по северному краю горы.

Деревню Те мы оставили около шести утра, а сейчас уже было три часа дня. Девять часов уже мы брели по адскому хаосу! И только два часа спустя ступили на гладкую площадку, выровненную ледником. Она была настолько ровной, что на ней вполне мог приземлиться самолет. В конце ее лежало крохотное селение Яра.

Оно состояло всего из четырех побеленных домиков, повисших на карнизе возле высохшего ручья. Когда я выискивал место для палатки, царангский носильщик заявил, что он нас покидает. С минуты на минуту всякий мост возле Дри снесет разливом, и Кали-Гандак окончательно отрежет его от дома. Нужно быть «совсем не в своем уме», чтобы путешествовать в это время года, сказал он. Порядочные люди никуда не ходят во время таяния снегов. Это была чистая правда, но, уж коль скоро я оказался в Мустанге, нельзя же покинуть страну, не осмотрев ее целиком. Пришлось отпустить носильщика, что привело в ярость Калай. Ярость его возросла еще больше, когда выяснилось, что весь груз придется теперь тащить самим.

Утром, пока спутники собирали вещи, я посетил развалины крепости Яра; ее башни до сих пор грозно возвышаются над пропастью. Поднявшись на башню, я убедился, что Кали-Гандак оттуда просматривается на многие километры. На юго-востоке поднималась ледяная вершина восьмимысячника Дхаулагири.

Как я проклинал вечную торопливость, вечную нехватку времени! Только пришли в Яру, и вот уже надо торопиться дальше, дальше... Мы спустились в ручей, впадавший в Кали-Гандак, и двинулись по нему на восток. В полдень устроили привал возле развалин громадного форта. Я узнал, что он называется Кангра.

Дальше путь привел к одному из самых интересных мустангских монастырей — Лори. Он принадлежит секте, весьма многочисленной в Бутане. Наличие этого монастыря в стране Ло объясняется тем, что некогда один из королей женился на бутанской принцессе и в ее честь был заложен Лори.

Часовни были отрыты в земле, и туда надо было спускаться по крутым лестницам. В громадной круглой пещере возвышался чортен, дивно украшенный миниатюрными фресками. Чортен был отделан имитацией под мрамор, стены гладко отшлифованы. Я не видел нигде ничего подобного. Он занимал почти все пространство пещеры, оставались лишь узкие проходы вдоль стен. Своды пещеры тоже были оштукатурены и разрисованы.

Когда я поднялся наверх, у меня мелькнула мысль, что, должно быть, так выглядела пещера Али-Бабы.

Дри считается главным торговым центром Мустанга. По приглашению местного «герцога», с почтением отнесшегося к королевскому рескрипту, пришлось с риском для жизни карабкаться на гору, чтобы полюбоваться оросительным каналом. Мне сказали, что недавно один человек свалился здесь и разбился насмерть — ничего удивительного при такой крутизне.

Канал в самом деле был удивительно искусным сооружением и являлся продолжением акведука, возведенного на берегу Кали-Гандака.

Мы провели ночь в приятнейшем месте — «в саду с деревьями». Дак восторженно отметил Таши. Но к сожалению, когда наутро мы попытались нанять носильщика, ни один человек не согласился разделить с нами поклажу. Все качали головой и повторяли: «Порядочные люди в это время не путешествуют...»

За обедом я по неосторожности добавил в овсяную цзампу слишком большой кусок местного масла. Результат не заставил себя ждать, и два часа спустя я корчился от болей в животе. Калай выбрал именно этот момент для того, чтобы объявить о своем недомогании. У него уже несколько дней был жар. Он жаловался на боли в груди. Глаза воспалились. С присущим ему фатализмом он заявил, что «наверняка умрет», а раз так, пусть это случится не на дороге, а в селении. Должно быть, у него «все сгорело внутри за время многих

экспедиций», сердце и легкие не выдержали столь частой смены климата и перепадов высоты. Калай сказал, что желает умереть в Дри.

Я успокаивал его как мог, дал ему аспирин и таблетки от боли. Оставалось ждать и надеяться, что крепкий организм моего повара справится с хворью.

Нас спас другой больной — кхампа, которого я вылечил за несколько дней до этого. Он согласился дотащить наш багаж через холмы до прямой дороги на Царанг. Должен сказать, что в эту минуту я с особой завистью думал о людях, проводящих свою жизнь в размышлении о бренности бытия. Как мне хотелось оказаться среди них!

По прибытии в Царанг я был изнурен настолько, что предложенное крещение оказалось как нельзя более кстати.

«Крещение» представляет собой церемонию, которая длится целый день и, по словам царангского ламы, «лучшую часть ночи». Ритуал произвел на меня большое впечатление танцами, бесчисленными светильниками, зажженными перед статуей Нгорчена Кунга Зампо и других святых.

Наутро лама вручил мне четвертушку бумаги, на которой было написано мое новое имя. В стране Ло, как я говорил, ребенок получает имя на третий день жизни от ламы. Позже отец дает ему другое имя, которое обычно употребляют в семье. Когда ребенок вырастает, он может взять третье имя — скажем, своего отца. Святой монах дает ему четвертое имя. Именно его сейчас получил я. Это имя принято хранить в тайне: бумажку упрятывают в кожаную ладанку, которую носят на шее. Таким образом, оно известно только ламе и мне. А когда настанет час смерти, прежде чем мое тело сгорит на погребальном костре, лама, присутствующий на этой церемонии, откроет кожаный мешочек и громко объявит мое имя, чтобы оно стало ведомо божествам, после чего бросит бумажку в костер. Таким образом, при жизни ни один демон не узнает, как меня зовут на самом деле, и я могу надеяться на счастливую судьбу в будущем перевоплощении. Но мне не хотелось скрывать своей новой личины, и я во всеуслышание объявил, что отныне меня зовут Шелкакангри, что означает «Хрустальная гора». Согласитесь, звучит куда поэтичнее, нежели клички Длинноносый и Желтоглазый, которыми изводили меня озорные мустангские мальчишки.

Шелкакангри... Сколько мне надо было увидеть, почувствовать и понять, прежде чем заслужить это имя! Мое прежнее «я» уходило от меня все дальше и дальше по мере того, как я вживался в облик лоба.

Но близился момент, когда мне надо было покидать доброго царангского ламу, оставив его выполнять отшельнический обет. Как и с Пембой, прощание вышло грустным, на сердце у меня скребли кошки. Подаренный мне чудесный щенок куда-то запропастился. Быть может, он почувствовал, что мы навсегда покидаем его родину. Обыскали весь монастырь, заглянули за все статуи, подняли все занавески. Безуспешно!

Я непременно хотел найти его и все бродил по лестницам и коридорам. Неожиданно я оказался перед массивной деревянной дверью. Она вела в темное помещение, где я еще ни разу не был. Прямо против входа угадывалась морда снежного барса — обтянутое шкурой чучело с оскаленной страшной пастью. Я двинулся дальше и разглядел в полутьме алтарь, покрытый густой пылью. На нем стояли дивные статуэтки святых. Из любопытства я взял с заброшенного алтаря одну фигурку и начал разглядывать надпись на цоколе.

Не знаю, то ли оскаленная пасть барса, то ли какое-то чувство вины рождали во мне подспудную тревогу. И вдруг рядом с ухом раздался громовой удар гонга! Кровь застыла в жилах; я обернулся — и чуть не умер от ужаса: всего в нескольких шагах в глубине заброшенной часовни сидел живой призрак с лицом Мефистофеля — длинные, давно нечесанные волосы рассыпались по плечам, на бледном, без кровинки лице огнем горели глаза. Никогда в жизни я не испытывал такого страха. Властным жестом он указал мне на дверь, и я пулей вылетел в коридор.

Оказалось, я нарушил уединение «живого мертвеца», «святого» отшельника. Уже 12 лет он ни с кем не разговаривал и не видел человеческого лица. Семь лет он просидел в темноте... И вправду, в Царанге есть призраки. Этот монах без имени, без возраста стал для

меня символом заброшенного монастыря.

А во дворе меня ждала радость — отыскался щенок! Тюки, палатку, записные книжки, фотоаппараты, одежду погрузили на двух лошадей, и мы вновь — в который раз уже! — выступили в путь.

Страна Ло на карте занимает крохотное пятнышко, но если вы окажетесь внутри его, то поймете, что расстояния измеряются не, по прямой. Подъемы и спуски, одышка и боль в ногах, жгучее солнце и мучительные переправы через гималайские потоки множат здешние километры до бесконечности. Особенно сейчас, когда исхожено столько троп.

Прошлый опыт оборачивался теперь добром и удобствами. Почти в каждой деревне встречались люди, которым я давал лекарства, и они останавливали наш караван, чтобы поблагодарить меня. Некоторые добирались до Ло-Мантанга, чтобы взять у меня чудодейственные таблетки. Нам дарили чанг — великолепное пиво, сильно скрашивавшее скромные ужины, нас усаживали у огня на почетном месте. Особенно хорошо принимали в деревне Маранг, недалеко от Царанга, — там жил человек, которому я «оперировал» ноги.

К сожалению, запас лекарств кончился, а они были бы сейчас весьма кстати. Все члены группы, включая меня самого, чувствовали себя плохо. Калай температурил, Канса едва таскал ноги, Таши стих, умолкли его шуточки. Что до меня, то я превратился в подлинную «Хрустальную гору» — исхудал настолько, что чуть не просвечивал насквозь. Два месяца, прожитые на высоте 4 тысяч метров, 600 километров пути по горам изнурили организм. А до Покхары было еще добрых 10 дней.

Кроме того, сказывалось постоянное напряжение. Это ведь был не туристский поход. Я почти круглосуточно выискивал, выпрашивал, высматривал, записывал, разговаривал на чужом мне языке. Четыре толстенных блокнота были заполнены убогим почерком. Конечно, я лишь слегка смог коснуться сокровищ культуры лоба, лишь прочертил контуры многих важных событий. Но я мог честно сказать, что сделал все, что было в моих силах.

Теперь на собственном опыте я мог утверждать, что в наше время организованных экскурсий и путеводителей есть на Земле места, где возможны собственные открытия, где человек может стать первопроходцем. И я листал засаленные страницы «Грамматики» Белла с удовлетворением от того, что сумел нарушить статус-кво...

Да, мне посчастливилось. Я побывал там, где до меня никто из европейцев не был. Я познал красоту неведомой земли и подружился с настоящими людьми.

...Мы вновь взошли на перевал, откуда два месяца назад я впервые смотрел на Мустанг. Как и раньше, нам открылась иссушенная ветрами равнина с глубокими оврагами, а дальше, на запад, уходили снежные вершины. Страна «бесплодная, как дохлая лань»... Но теперь при взгляде на нее я видел мощные стены Ло-Мантанга, величественные монастыри и крепости, сокровища библиотек. Я видел усталое лицо старого короля и красивую фигуру его сына-наследника. Я видел здешний народ: улыбчивого Пембу, умного Тсевана Ринцинга, царангского ламу, герцогов и баронов, крестьян и монахов, водоносов и дровосеков, герольдов и танцоров, кузнецов и мясников, ученых и купцов, знахарей и бедных пастухов. Я видел старую женщину с внуком, которые пожелали мне доброго пути с порога своего дома. Я видел облако, которое обещало пролиться влагой на сухие поля. Я видел рождение маленького яка. Ничто не изменилось... Кроме того, что один человек теперь будет иным, не таким, как прежде. Это хорошо понимал я, Шелкакангри...

Бутан

Десять лет на пути к бутану

Был час ночи.

Ночной отъезд всегда окружен покровом тайны. Я дошел до лифта и, будто еще во сне, нажал зеленую светящуюся кнопку. Металлические створки сомкнулись за спиной, и я медленно стал проваливаться вниз.

В широченной люстре холла мерцал слабый огонек дежурной лампочки. Вестибюль калькутского «Гранд-отеля» был пуст. Я завернул направо и подошел к стойке; ночной портье суетливо улыбается, смущенный тем, что ему приходится натягивать форменную куртку в моем присутствии.

— Триста тридцать пятый, — бормочет он, залезая в ящичек для писем.

Потом, сверившись с бумажкой, добавляет:

— Самолет компании «Джем», вылет в два часа.

В полусумраке коридора вдруг возникают фигуры белых призраков в широких полотняных одеждах — редкие живые души в уснувшем городе. Калькутта... Вокруг меня 8 миллионов человек забылись в тревожном сне, какой бывает только у людей, редко наедающихся досыта. Напряжение витает в сыром воздухе близкого муссона. А я... я счастлив, что наконец-то еду дальше.

Бесшумно появляются носильщики, согнувшиеся под моими ящиками и чемоданами.

Никогда еще я не чувствовал себя столь одиноко в восьмимиллионном городе. Стенные часы отсчитывали минуты. Тишина становилась невыносимой, а влажная жара перехватывала дыхание. Бывают мгновения растерянности, когда человек вдруг теряет почву под ногами. Вот и мне казалось, что я участвую в нелепой комедии. И это чувство имело свою подоплеку: уже десять лет я выходил на сцену в полном облачении, а занавес так и не открывался.

До чего же смешным выглядишь тогда! Вот и сейчас я нарядился в бежевый тропический костюм, купленный в Риме для роли персонажа, которого мне предстоит играть. Нет, я не оригинален, хотя втайне надеялся быть им...

Когда часы пробили два, в «Гранд-отеле», кроме меня, не было зрителей. Я сидел в окружении нелепого багажа, где выбор вещей был продиктован смелым воображением, лихорадочной спешкой и обычными «организационными трудностями».

В два часа ночи ничего не случилось. Никто не приехал. Интересно, какой это авиакомпания взбрело на ум назваться «Джем»? Да и существует ли она в природе? Ни в одном справочнике мне не удалось ее обнаружить. Тем не менее дважды в неделю самолет летает в Хассимару. Я тоже отправлялся в Хассимару, а оттуда в королевство Бутан — последнюю неисследованную страну на нашей планете...

Старенький автобус подкатил в три часа. Я еще раз пересчитал чемоданы, потом протянутые ладони. Шофер поудобнее устроился на сиденье и тихонько тронул с места. На каждом ухабе фары испуганно мигали. Один, в окружении пустых мест, я ехал по главной улице Калькутты к аэродрому Дум-Дум, воздушным воротам громадного города.

Все 20 километров дороги фары выхватывали из тьмы фантасмагорическое видение: тысячи и тысячи неподвижных тел, закутанных в грязные покрывала. Так проводят каждую ночь в Калькутте те, кто не имеют крова, — на обочине дороги, между ящиками и ручными тележками, прижавшись к коровам и козам, уместившись среди автомашин и конных повозок, склеившись в группы, гроздь. Еще несколько часов мертвого сна перед тем, как прозвучит властный призыв к жизни.

Шесть раз я «уезжал» в Бутан. Шесть фальстартов. Шесть раз, прилетая в Калькутту, я смотрел на стюардессу так, будто покидал нашу планету. Каждый раз, заполняя регистрационную карточку в самолете, я писал в клеточке «пункт назначения»: «Бутан». Это заняло 10 лет.

Последние годы меня по ночам охватывали кошмары в предчувствии очередной неудачи. Не было нужды консультироваться у астролога или толкователя снов, чтобы расшифровать страшные видения. Все было предельно ясно. Вот я смотрю на географическую карту: Африка, Азия, медленно доползаю до темного пятна Гималаев. Здесь я легко перебегаю от Эвереста до Мустанга, по местам, где уже побывал. Потом все

заволакивает туман. Очертания Бутана величиной со Швейцарию приковывают взор. Еще бы! Последняя страна без точной карты на всем огромном пространстве Азии. Страна, которая в 1968 году была менее известна, чем оборотная сторона Луны. И именно туда я не мог попасть!

Просыпался, как от толчка, весь разбитый.

Судьба, похоже, восстала против меня. Впервые я отправился в Бутан в 1959 году; старший брат далай-ламы, живший тогда в Америке, дал мне рекомендательное письмо к брату премьер-министра Бутана.

Сочтя это достаточным, я вылетел из Бостона в Дели, из Дели в Калькутту, а оттуда на маленький аэродром Бадогра. Там я сговорился с нужными людьми, они взяли меня в свой «джип» и отвезли в бутанское консульство в Калимпонге. Через консула я вручил письмо королеве-матери Бутана Рани Чуни.

Очень хорошо помню этот мой первый контакт с Бутаном. Рани Чуни, небольшого роста величественная женщина со строгим лицом, глядела так, что визитеру становилось не по себе.

Она вошла в зал, изобразила ледяную улыбку, предложила стакан с апельсиновым соком и молвила, показывая на распечатанное письмо:

— Полагаю, вы не получите никакого ответа. Если же вам все-таки доведется попасть в Бутан, вы окажетесь первым французом в нашей стране.

После чего на все просьбы она коротко ответила: «Нет» — и проводила меня до дверей.

Мчаться за 15 тысяч километров на самолете, поезде и в «джипе» по горным дорогам ради трех минут аудиенции... На письмо действительно не пришло никакого ответа. В утешение добрые люди говорили, что другие наивные путешественники ждали по полгода, а иногда и по 10 лет в надежде получить разрешение.

Решив не впадать в отчаяние, я в тот же день сумел познакомиться с женой бутанского премьер-министра, тибетской княжной по рождению. Я был покори́н очарованием Теслы и всей ее семьи настолько, что уже на следующее утро занимался тибетским языком с ее сестрой Бетти-ла.

Месяц я прожил в Калимпонге. Тесла сама написала своему мужу, премьер-министру Джигме Дорджи. Увы, в ответе про меня не было ни слова.

Прошло три года. Бутан по-прежнему не выходил у меня из головы. В 1963 году я отправился в Индию. Тесла и ее супруг премьер-министр приняли меня в Калькутте. На следующее утро мне в гостиницу доставили объемистый пакет. Там был тибетский шелковый халат — подарок жены бутанского премьера моей жене. И наконец конверт с официальным приглашением посетить Бутан!

Со счастливой душой я поехал в Катманду, где стал ждать точной даты. Три недели спустя по радио в сводке последних известий я услышал коротенькое сообщение: «Премьер-министр Бутана Джигме Дорджи был убит сегодня утром».

Я не мог поверить своим ушам. Увы, вторая попытка окончилась трагедией...

Надо было возвращаться: меня ждала экспедиция в Мексику; на обратном пути я прилетел в Индию, встретился с Теслой и буквально на коленях умолял ее о помощи. Но она была не в силах ничего сделать. Ее положение было довольно щекотливым: после убийства мужа все его родственники были отстранены от власти.

Я написал королеве. Шесть месяцев, что я ожидал ответа, всё еще теплилась надежда. Но ответ так и не пришел... Кто-то говорил, что письма не доходят потому, что Бутан не член Всемирного почтового союза.

Больше ждать я не мог. За это время я освоился с гималайскими дорогами, тибетским языком и вынашивал план проникнуть в Бутан, загримировавшись под монаха. Но из зеркала на меня смотрел субъект со слишком длинным носом, светлыми глазами и бледной кожей. Конечно, можно было бы покрыть лицо смесью сажи и шафрановой краски, как это делают индуистские мудрецы, отправляясь на поиски святой истины... Но осторожность возобладала, и я возвратился во Францию. Тем временем вышла моя книга о Мустанге.

Минуло еще два года. В 1967 году я снова оказался в Дели. На сей раз я был преисполнен готовности победить. Я побывал также у министра иностранных дел, у генерального секретаря индийского МИДа, его заместителей и заведующих отделами. Необходимо было заручиться максимальной поддержкой, чтобы получить пропуск для проезда через штаты Западный Бенгал и Ассам, а затем для пересечения «внутренней границы» между Индией и Бутаном.

К сожалению, события в стране и за рубежом отнимали у этих занятых людей все время, и им было не до меня... Пришлось снова взять курс на Запад. Новый провал.

Особенно горько было сознавать, что 10 лет спустя после моей попытки другие люди получили приглашение побывать в Бутане. Среди них были и французы... Когда же дойдет очередь до меня?

Сведения о гималайских государствах быстро распространялись по свету. О Непале выходили книги, показывались фильмы. Катманду стал конечным пунктом паломничества на Восток европейских и американских «хиппи». Когда я впервые попал в Гималаи, о Сиккиме почти ничего не было известно. Сейчас это название стало привычным: королева Сиккима, американка по происхождению, обеспечила стране невиданную рекламу.

Исключение по-прежнему составлял Бутан. Ни одна экспедиция еще не произвела картографической съемки его территории. Учебники давали лишь приблизительную численность населения страны — от 500 тысяч до миллиона. Самые подробные статистические справочники были не в состоянии отвести Бутану ни строчки. Редким счастливым довелось увидеть столицу страны — если ему удавалось завоевать симпатию короля и королев Друк.

Друк означает «дракон», и именно таково подлинное наименование королевства. Англичане называли его Бутаном — страной бхотов, то есть тибетцев, с которыми бутанцы состоят в близком родстве.

Я ночевал в монастырях у подножия Эвереста, ел овсяную кашу из деревянных мисок в долинах Мустанга. По сути я стал иностранцем в собственной стране, ибо, стоило закрыть глаза, передо мной открывалась несравненная панорама «Крыши мира». Я мог забыть Париж, Лондон, Нью-Йорк и все остальные гигантские метрополии нашего антиромантического мира с их грохочущими и чадящими машинами, где люди превращаются в таких же призраков, как и те, что спят на обочине в бидонвилях Калькутты.

Чего я не мог забыть, так это Бутан: во всех других экспедициях, когда выдавалась передышка, я вновь и вновь возвращался мысленно к нему. В 21 год я рисовал себе первопроходцем — Кортесом или Христофором Колумбом с детских цветных рисунков. Но Страна дракона не давалась в руки.

И вот я здесь. Восторг прошел. Переговоры в Дели и долгое ожидание в Калькутте погасили нетерпеливое честолюбие. В Калькутте надежда уже еле-еле теплилась далеким огоньком. Быть может, я слишком долго стремился к цели?..

Автобусные фары перестали выхватывать из ночи лежащие тела: мы пересекли решетку Дум-Дума и теперь катили по бетону к одиноко стоящему ангару.

От бетонной полосы шел жар, внутри ангара слабо горел свет. Послышался лай — ко мне во всю прыть помчался сторожевой пес. Вышел человек и стал деловито взвешивать мой багаж. Это и была авиакомпания «Джем»: пилот, диспетчер и стюард в одном лице. Я уселся на ящик под голоногой красавицей, вырезанной из какого-то старого журнала, и... стал ждать.

Десять лет я ждал этого момента и, казалось, больше был не в силах выдержать ни минуты. Но прошел еще час. Неожиданно в конце полосы показался «джип». Сердце у меня екнуло... Нет, из кабины вылезли двое молодых людей с монголоидными лицами и выбритыми головами. Мои попутчики. Типичные бутанцы.

Кабина ДС-3 наполнилась газетами. Я переводил глаза с кип бумаги на громадные ватные тампоны, которыми оба пассажира заткнули себе уши, а оттуда на дверь в кабину пилота: он забыл закрыть ее, и теперь она со стуком била о помятый фюзеляж.

Под неровный гул моторов самолет оторвался от земли, оставив внизу цепочки огней и спящую Калькутту. Я успокоился окончательно лишь тогда, когда мы набрали высоту и взяли курс на север, обходя толстое муссонное облако.

— В Бутан можно попасть только по воздуху, — сказал мне заместитель генерального секретаря индийского МИДа. Сейчас я летел в Хассимару, пограничный город Индии на стыке Западного Бенгала и Ассама. Там меня мог взять бутанский «джип». Ну а остальное зависело от случая.

Я вдруг понял, что продвинулся не дальше, чем 10 лет назад, когда приехал сюда впервые с письмом от брата далай-ламы. А сейчас у меня вообще не было рекомендаций. Смутным предлогом могло бы стать давнишнее приглашение покойного премьер-министра, но его семья была в немилости.

В 1950 году Бутан не имел ни дорог, ни контактов с внешним миром. В 1968 году он все еще не входил ни в одну международную организацию. Территория в 47 тысяч квадратных километров изобиловала «белыми пятнами». Флора и фауна оставались неизученными, равно как и обычаи, традиции, этнические особенности и диалекты языка. Но теперь уже была дорога к новой столице королевства — Тхимпху.

Вопреки ожиданиям самолет бодро набрал высоту и на заре вознесся над плотной массой облаков, закрывших от края до края все видимое пространство. Под нами была темнота, лишь изредка в разрывах брезжил желтоватый свет. Дверца продолжала хлопать, и каждый раз в салон тянуло холодным ветром. Первый живительный глоток воздуха за столько недель!

Самолет наполнился гулом, его тень скользила по дождевым облакам. Внизу вставала заря над вспухшей от влаги землей. Здесь воды Ганга и Брахмапутры образуют великую дельту, сливаясь после долгого пути от истоков, лежащих рядом, по обе стороны горы Кали в Тибете.

Иногда пускали блики зеркальные осколки залитых водой полей. Мои бутанские спутники держались за руки. Приходилось ли им летать до этого? О чем они думали? Наверное, о родной деревне, куда возвращаются после долгого отсутствия. Сейчас они мчатся с головокружительной скоростью, но вскоре им придется шагать пять-шесть дней до семейного очага.

Мне они понравились с первого взгляда уже потому, что принадлежали к миру, в который я так стремился попасть. То были настоящие бутанцы. Выглядели они странновато с клоками ваты, торчащими из ушей; безукоризненно белые рубашки и оливкового цвета брюки делали их похожими на выпускников миссионерской школы.

Самолет пошел на снижение. Уже Хассимара? Компания «Джем» не дает информации о полете для любопытных пассажиров. Правда, людей ей доводится перевозить нечасто: для них даже приходится специально привинчивать к полу сиденья.

Рассвет застал нас в Джалпаигуру — так значится на карте этот пункт. Вокруг бесчисленные каналы и затопленные поля, среди которых оставлена узкая травянистая полоса, на которую мы сели.

Все вылезают. Я выгляжу совсем по-дурацки в своем бежевом костюмчике. Подхожу к бутанцам, которые наконец-то извлекли из ушей вату. Улыбаюсь и адресую им несколько слов по-тибетски. Они, похоже, не понимают. Повторяю фразу. Вид у них становится смущенный, а взгляд чуть-чуть подозрительный. Один мне отвечает по-тибетски. Скованность, однако, не проходит. Выясняется, что они телохранители Паро Пенлопа.

— Вот как! — говорю я. — А мне выпала честь беседовать с Паро Пенлопом два дня назад в Калькутте.

На сей раз их лица озаряют широкие улыбки; они успокаиваются. Вспоминаю нелегкий разговор в Калькутте со сводным братом бутанского короля.

— Ему всего двадцать четыре года, — предупредила сестра Теслы Бетти-ла, — но это очень серьезный человек.

Встреча едва не кончилась полным провалом. Брат короля сидел неподвижно, и его

лицо, лишенное выражения, не выдавало никаких чувств. Я стал лепетать о своем страстном интересе к Бутану, о желании прожить там дольше срока, указанного в моем разрешении.

Он ничего не ответил. Не помню, когда я еще чувствовал себя так потерянно. Наверное, когда Рани Чуни отвечала «нет» на все вопросы, которые я задавал ей с обычной самоуверенностью двадцатидвухлетнего выпускника университета.

После трех повисших в воздухе вопросов мы одновременно поднялись, и я извинился. За что? Ни за что, просто, чтобы скрасить прощание...

Газетные пачки вылетели из самолета прямо на траву. Пилот скрылся в ангаре. Когда он вернулся, мы гуськом потянулись к трапу. Я обронил смешное замечание. Один из бутанцев усмехнулся, а второй поглядел на меня в точности как Паро Пенлоп: он успел заткнуть уши. На сей раз дверь была закрыта, когда мы оторвались от земли. Услышав вой мотора, любой посторонний наверняка решил бы, что компания «Джем» совершает свой последний полет.

Мы вновь набрали высоту, и сердце у меня затрепетало: слева показались Гималаи. Такое чувство, будто я завернул за угол и увидел родной дом или вдруг заметил в толпе идущую навстречу жену. Только теперь я понял, что значили для меня эти горы и как мне не доставало их все годы в Европе и Америке.

Мы летели почти на бреющем полете над холмами, покрытыми влажной зеленью. Гористые волны прокатывались под крылом, прорезанные более темными долинами; мелькали белые ленты горных потоков, низвергавшихся по каменистым руслам, и изредка голубые пятна озер, куда собиралась вода, отдыхая после стремительного бега по ущельям.

Кое-где джунгли уступали место чайным плантациям и реденьким рощицам. Мы летели над Дуаром; этот знаменитый чайный край протянулся от Дарджилинга до Шиллонга, вдоль южной границы с Бутаном, между Страной дракона и Брахмапутрой. Там произрастает чай, который пьют во всем мире — от Буэнос-Айреса до Баальбека. Когда-то здешний край принадлежал бутанским властителям, но был отнят у них англичанами. Однако каждую зиму, когда жара немного спадала, высокие воины-горцы спускались из Страны дракона, собирали с местных жителей дань и уводили женщин.

Самолет медленно снижался. На сей раз это была уже широкая бетонная полоса Хассимары.

Все страхи вновь ожили. Пустят ли меня? Даже боязно в это поверить. Десятилетний опыт приучил меня быть готовым к дурной развязке. В конечном счете я ведь еще не имел дела с бутанскими дипломатами.

Хассимара... Сорняки вели наступление на бетон, которым была залита часть поля. Удивительная особенность у аэродромных сорняков — они повсюду одинаковы: и на аэродроме имени Кеннеди, и в Рейкьявике, и в Хассимаре. Когда я вылез из самолета и с наслаждением распрямил спину, онемевшую от твердого металла сидений, меня чуть не свалила с ног жара. А было всего лишь половина восьмого утра. Группа индийцев хмуро следила за моими маневрами. Я прилепился к бутанцам.

Невдалеке громоздились ящики с чаем. Кипы газет погрузили в тележку; после ожидания, растянувшегося, казалось мне, на века, появился и мой багаж. Чемоданы были в сохранности. По лбу у меня стекал пот. Кроме сорняков и редких деревьев, поодаль ничего не было — ни ангара, ни малейшего помещения. Я перешел в иллюзорную тень самолетного крыла.

— Мужчина, куда вы направляетесь? — спросил меня один из хмурых людей. — У вас есть разрешение на переезд внутренней границы?

Сердце застучало. Не успев совершить ни одного преступления, я все равно теряюсь, когда у меня спрашивают документы. Вот оно, разрешение, священный папирус, позволяющий находиться вблизи бутанской границы... Затем мне пришлось повторить наизусть все, что там было написано, стараясь не допустить ни одной ошибки.

— Цель вашего пребывания в Бутане?

— Учеба и туризм.

— Что вы нас путаете! — вскинулся человек. — Вы турист или студент?
— И то, и другое.
— Чему же вы собираетесь научиться за месяц?
— Языку, — преисполнился я надежды.
— Вы родились в Париже?
— Да.
— Одиннадцатого февраля?
— Да.
— Куда направляетесь сейчас?
— В Пунчолинг, — на одном дыхании выговорил я трудное название.
— Это ваш багаж? — так же строго продолжал чиновник. — Сколько стоила эта камера? Очень дорого?

— Да, сэр, — сказал я и тут же торопливо добавил: — Нет, не очень, она уже очень старая.

Солнце пекло невыносимо, мои спутники-бутанцы стали потихоньку отходить, а мне становилось все больше не по себе.

— Что вы, у них еще не было ни одной аварии!

Человек, произнесший эту фразу, был высок ростом, с веснушками на бледных руках, с розовыми волосатыми коленками и чуточку надменным выражением лица, призванным скрыть красноту локтей и коленей. Двое англичан и одна англичанка — их можно было угадать безошибочно — приближались по бетонной полосе. Это были чайные фермеры, удивительная порода, сохранившаяся здесь и поныне. Один из них, по имени Джон, отлетал. Он-то и уверял, что у компании «Джем» не было еще ни одной катастрофы. Вполне могло статься, что я открыл бы счет, мелькнуло у меня.

— Значит, вы француз? — продолжал индийский чиновник, обращаясь к моим чемоданам.

— Подержанный, недорогой француз, — добавил я, полагая, что допрос подходит к концу. Уже было ясно, что я не попаду в Бутан.

— Попросите Джоан написать мне, — сказали розовые коленки.

Мои бутанцы скрылись из виду. Бежевый щегольской костюмчик покрылся затеками пота, волосы слиплись.

С превеликим неудовольствием чиновник возвратил мне документы и дал возможность привести себя немного в порядок. Трое носильщиков в тюрбанах подхватили мои чемоданы и отправились напрямик через сорняки; полумертвый от жары, я побрел за ними. Пятьюдесятью метрами дальше все встало на свои места. Хассимара показалась вдруг довольно приятным местом.

На краю аэродрома была решетка, за ней ангар, а за ангаром четыре оранжевых «джипа» с буквами «БТН». Бутанские машины! Я увидел двух своих спутников, за которых так судорожно цеплялся. Неужели правительство прислало за мной «джип»? Нет. Не могли бы в таком случае мои друзья довести меня до Пунчолинга? Да. Чемоданы побросали «в джип». На прощание я адресовал чиновнику ироническую улыбку. «Да, я француз, турист, изучающий страну. Да, я знаю, что до меня таких людей в Бутане не было, но у меня есть разрешение пересечь «внутреннюю границу»... Вот так-то!»

«Внутренняя граница»... Дивное слово! Мне казалось, что я попал в рай для избранных. Вот только жара заставляла этот рай смахивать на ад, и я с завистью вспоминал шорты англичанина, полоскавшиеся вокруг его волосатых колен. Может, я немного спятил? Не мудрено после стольких передраг.

Самочувствие в самом деле было странное, глаза вылезали из орбит. Бутанцы теперь легко понимали мой тибетский язык. Все сейчас было исполнено глубокого смысла. Наступил великий день, о котором я столько мечтал и который уже казался безнадежным! Я въезжал в Бутан.

Контрольно-пропускной пункт. Прокатили совсем немного, как все повторилось.

— Ваше имя, мужчина? Бамбуковое ограждение отодвинуто.

Дорога бежала мимо чайных плантаций, которые вполне справедливо называют здесь садами. Ухоженные рощицы напоминали парковые аллеи.

Я вдруг подумал о своей няне. Не знаю, по какой таинственной связи чайные плантации вызвали в памяти воспоминания о няне. Наверное, потому, что она приносила мне чай с молоком в постель, когда я был болен.

Все было чистенькое и ухоженное. Черные столбики поддерживали маленькие красные треугольники — дорожная сигнализация времен моего детства. Повсюду был чай, пахучий чай, а за поворотом дороги аккуратный коттедж под соломенной крышей, в котором мог бы родиться Киплинг.

Любопытное соседство: подметенные тропинки, рощицы, сигнализация вдоль гудронированной дороги... и в нескольких километрах Бутан, «самая закрытая страна в мире», «последняя страна в Азии без точной карты», «край, исследованный меньше, чем Новая Гвинея, или Амазония». Все это — в версте от коттеджа со всеми благами цивилизации.

Еще один контрольный пункт. Новый подскок сердца и вздох облегчения, когда «джип» трогается дальше. Чайные плантации кончились. Передо мной в утреннем солнце лениво перекачивались зеленые холмы. Я вытянул шею. Да, это уже Бутан. Я принялся считать последние метры.

Индийская граница.

— Студент-турист.

Проехали без затруднений. Даже обидно.

— Мы уже в Бутане? — спросил я по-тибетски.

— Нет. Скоро будем.

Друзья указывают на небольшое белое строение, увенчанное красной черепицей, — монастырь королевы-матери. Еще 20 метров. Решетка. Да, самая настоящая решетка, припертая бамбуковым шестом. Это въезд в Бутан. На той стороне виден указатель: «Бутан — Пунчолинг». Вспоминаю, что я произнес вполголоса: «Пятнадцатое августа».

Прямо не верится. Неужели десять лет я был таким идиотом, что не смог совершить этого ранее? Честное слово, даже обидно.

Когда я впервые разговаривал с Рани Чуни в 1959 году, в Бутан вела караванная тропа. Джавахарлалу Неру пришлось целых шесть дней ехать на пони и яках до летней столицы Тхимпху. С тех пор с помощью современных средств была построена новая дорога через Пунчолинг.

— Где дом для приезжих? — спросил я шофера.

Тот довез меня до зеленой ограды, увитой цветами, за которой поднималось небольшое бунгало, похожее на скромное альпийское шале. Крытый вход покоился на резных красных столбах, как это принято в тибетских монастырях.

Никто не вышел навстречу. Сомнения вновь начали одолевать меня.

Стоя на пороге пустого бунгало, я смотрел на Пунчолинг. Щебетали птицы. Желтые и ярко-оранжевые ирисы цвели на клумбах среди подстриженного газона. Гудронированная дорога исчезала за поворотом и терялась среди крутобоких холмов, нависавших над селением.

Сам Пунчолинг состоял из построек казарменного типа, посреди выделялся ангар — типичный индийский крытый рынок. Жара была не такой тягостной, как на аэродроме.

Невысокий непалец в европейском костюме вышел из кухни при бунгало. Он показал мне комнату, после чего спросил, чей я гость — короля или королевы. Я ответил туманно, поскольку мне самому это было неизвестно. Пока я распорядился поднять мой багаж в комнату. Она была чисто прибрана, над кроватью висела москитная сетка.

Никаких сомнений, в этой самой комнате четыре года назад был убит премьер-министр Джигме Дорджи; его застрелили, когда он сидел за столом и играл в карты со своим братом и его женой. С трудом верилось, что в такой мирной атмосфере было совершено

преступление...

В тишине зазвенело эхо, когда я поздравил себя с благополучным прибытием в Бутан.

Впереди, возможно, будет всякое, но я слишком устал, чтобы думать о грядущих трудностях. Нет, сейчас спать, только спать.

Снаружи донесся стрекот цикад: это непалец отворил дверь и принес мне чай. Солнце, чувствовалось, жгло невыносимо. Птицы умолкли. В дремотной полуденной тиши какое-то время раздавалось урчание «джипа», потом смолкло и оно. Прошло полдня, а я еще не видел ни одного бутанца. Наверное, надо напрямик ехать в Тхимпху, где проживает король, «друк гьялпо»*. Но прежде, по этикету, мне полагалось получить аудиенцию у пун-чолингского тримпона (властителя закона).

Тримпона повидать не удалось. Меня принял его помощник, бенгалец по фамилии Дата. Единственное, что его интересовало, — это чей я гость: гьялпо, гьялмо (королевы) или гьялру (королевы-матери). Не зная, что ответить, я отрицательно мотал головой при каждом имени. Может, в таком случае меня пригласили Аши Диджи или Аши Чоки? Я выпятил глаза. Это королевские сестры, пояснил чиновник. Пришлось объяснить, что я друг покойного премьер-министра Джигме Дорджи.

Ледяное молчание.

— В таком случае вам не полагается «джип», — раздалось наконец.

Было самое время упомянуть, что я встречался с Паро Пенлопом. Действительно, лица присутствующих впервые озаарились улыбкой. Но Паро Пенлоп всего лишь сводный брат короля и вряд ли замолвит за меня словечко.

Мне самому страшно хотелось бы знать, чей я гость! Ума не приложу. У меня ведь не было на руках приглашения, а только разрешение на въезд в Бутан. Я получил его от индийского правительства год спустя после встречи с госпожой Индирой Ганди и десять лет спустя после аудиенции у Рани Чуни. Кого считать моим покровителем?

— Чей вы гость — короля, королевы, королевы-матери или королевских сестер? — осведомился слуга бунгало. И добавил: — Кто будет оплачивать ваш счет?

— Я сам.

Казалось, причина всех дотошных вопросов ясна. Но слуга тотчас нахмурился, вышел в вестибюль и стал крутить ручку полевого телефона.

— Дашо Дунчо, пожалуйста...

Он звонил в королевский дворец, Благословенную Крепость Веры, и просил к аппарату личного секретаря короля. Кроме него, похоже, никто не мог решить, получу я сегодня обед или нет...

Дашо Дунчо во дворце не оказалось. Я был голоден, но попросить еды было не у кого.

Неожиданно в дверях показался бутанец в короткополом халате «кхо», как называется национальная одежда. В мгновение ока слуга согнулся пополам, сложив руки перед собой в знак полнейшего почтения. Поначалу я не узнал своего спутника по воздушному путешествию: он вытащил из ушей вату, а его теперешнее одеяние было куда импозантнее прежнего! Поскольку мы вдвоем храбро презрели смертельную угрозу со стороны компании «Джем», он считал меня своим другом. Именно в этом качестве — друга телохранителя Паро Пенлопа — я получил право на пищу.

Мне вспомнилось напутствие одного знакомого перед отъездом: «Пока вас не примет король, считайте, что вас не существует». Надо было как можно скорее убедить окружающих в благоволении ко мне кого-либо из королевских особ, иначе передо мной открывалась блестящая перспектива умереть с голоду. В качестве друга телохранителя Паро Пенлопа мне полагалась крайне скудная снедь: вареный рис и специи. Все.

Во второй половине дня в бунгало прибыли три важные персоны. Это были элегантно одетые господа с открытыми дружественными лицами. Они говорили по-тибетски, но мое знание языка ничуть не прибавило мне авторитета. У них была твердая цель — выяснить, чей я гость. Я не мог дать им внятных разъяснений, и они отбыли, удивленные и даже шокированные тем, что я оказался в бунгало и, более того, успел получить еду. Я чувствовал

себя провинившимся учеником.

Съеденный рис комом встал в горле. Да кто я же такой, в самом деле! Один из визитеров помог мне осознать мое положение.

— Королева вас не приглашала, — внятно отчеканил он.

Наконец было решено, что я должен повидать Дашо Дунчо в Крепости Веры: он один мог выявить мой статус. Что касается способа транспортировки до крепости, тут было сложнее. Все «джипы» принадлежали королю и могли возить только его гостей.

— Возможно, в Тхимпху пойдет грузовик, — сказал один из пришедших. — Но вам придется заплатить за дорогу.

В тот день грузовик за мной не приехал. На следующий день также.

За это время никто не соизволил обмолвиться со мной хоть словом, исключая телохранителя. Старинное выражение «персона нон грата» (нежелательная особа) вертелось у меня на уме. Вот что это означает на практике!

Вечером я поглядел в зеркало. Похож я на дашо, господина? Могу ли сойти за королевского гостя? Кто я? Вот в чем вопрос. Может, никто? Во всяком случае у меня нет громкого имени, за мной не числится славных деяний, ничего похожего. Самое время вспомнить, как бутанцы оплевали сэра Эшли Идена, предложившего им сто лет назад «покровительство» Англии.

На второй день в бунгало явился дядя Паро Пенлопа, высокий человек с изысканными манерами. Мне немедленно сообщили его ранг. Он прибыл в сопровождении группы юношей, без сомнения принадлежащих к аристократической элите Страны дракона. На них были оливковые кхо, ниспадавшие пышными волнами, туфли из лучших лондонских магазинов и длинные серые чулки, доходившие до колен. Смеясь, они разбрелись по всему бунгало, курили и любезничали стремя очаровательнейшими бутанками, державшимися очень свободно и тоже курившими сигареты. Осведомившись вначале, чей я гость, они затем полностью потеряли ко мне интерес и перешли в соседнее более элегантно бунгало — владение королевы — и там до глубокой ночи пели. Никто не подумал меня пригласить.

Я чувствовал себя униженным. Опыт предыдущих странствий по Востоку приучил меня к тому, что заезжий европеец чуть ли не имеет право на особое внимание. А тут я оказался в положении негра среди белых снобов в шикарном закрытом клубе где-нибудь на юге Соединенных Штатов. Ко мне отнеслись с полнейшим безразличием. Я умирал от желания завязать дружбу, но на мои авансы никто не реагировал. Никому не было интересно узнать, что целых 10 лет я рвался в Бутан, что я выучил тибетский язык, дабы общаться с ними, что я сделал все это по доброй воле, на свои деньги, что у меня не было никаких других мыслей или побочных мотивов, что я не только рисковал жизнью в колыхаге с анекдотическим названием «Джем», но и прошел пешком 2 тысячи километров по самым крутым тропинкам Гималаев... и все это из-за того, что влюблен в их страну!

— Вам будет трудно завоевать их расположение, — сказала мне Бетти-ла.

И все же... Но разве мне давным-давно не случалось пренебрежительно относиться к людям, чье положение оказывалось ниже моего? Разве я не был когда-то снобом у себя на родине?

Так я исповедовался москитной сетке, подводя итог собственным прегрешениям. Мой бежевый костюмчик отдавал дешевкой. Общий вид был довольно жалкий, манеры — неловкими. Кинокамера делала меня похожим на дураков-туристов, которыми кишит белый свет. Я не был гостем королевы, а это уже тяжкий проступок.

На третий день в семь утра перед гостевым бунгало остановился грузовик. Это был новенький громадный «мерседес» с надписью «Правительство Бутана» на брезентовом верхе. Номерной знак, выкрашенный в оранжево-красное — национальные цвета Бутана, был написан тибетскими буквами.

Дорога — 141 километр немислимых виражей — отняла десять часов. Водитель не говорил ни по-английски, ни по-тибетски, поэтому оставалось только смотреть по сторонам. Теперь стало ясно, почему Бутан был доныне «терра инкогнита»: нигде Гималаи не

поднимаются так внезапно, как между Дуаром и внутренней частью Бутана. Отъехав едва 100 метров от бунгало, грузовик уже начал взбираться вверх, и шофер включил первую передачу.

Через полтора километра температура упала, долины Западного Бенгала и Ассама превратились в пуховой облачный ковер где-то под нами. Первые клочья тумана начали цепляться за кабину, когда мы взбирались по первым ступеням гигантской лестницы. Здесь на расстоянии 100 километров по прямой горы поднимаются от липкой жары долин до вечных снегов, вознесшихся на 8 тысяч метров у северной границы Бутана.

Джунгли подступали вплотную к дороге, становясь все гуще по мере того, как мы сворачивали в южную часть Бутана, более низкую, изрезанную глубокими долинами. Это край тяжелого, застойного воздуха, царство тигров, слонов, змей и обезьян. Публика наслышана о бенгальских и ассамских джунглях, но мало кто знает; что они по сути продолжение бутанских джунглей, тянущихся до долины Брахмапутры. И в сердце Бутана эта чащоба выглядит куда впечатляюще. Зоологи справедливо считают, что в Бутане наиболее высокая «плотность» диких слонов на единицу площади. Почти вся южная часть страны представляет собой огромный естественный заповедник, превосходящий любой африканский национальный парк; там звери чувствуют себя в безопасности под защитой буддийских верований, полагающих уничтожение любого живого существа смертным грехом.

В Бутане сталкиваются два мира. Тибетские обычаи, рожденные в краю вечных снегов, встречаются с укладом обитателей тропиков. Первый пояс джунглей, покрывающий южную треть Бутана, населяют непальские поселенцы и рабочие чайных плантаций Дуара. Практически здесь не встретишь коренных бутанцев, привыкших к более умеренному климату.

Покрытая росой тумана и затененная кронами высоких деревьев в бороде лиан дорога упрямо змеилась выше и выше, к снегам. Когда мы поднялись на первый перевал, долины словно сомкнулись за спиной — вокруг расстилались лишь круглые спины лесистых холмов.

Изуродованное молнией дерево выглядело будто отсохшая рука циклопа. Ни души, ни одного селения вблизи, никого, кто бы жил здесь на приволье. Животные, как и люди, предпочитают тень. Только водопады становились все веселее, выбивая звонкую дробь о скалы. Некоторые рокотали в невидимой выси, на мгновение выныривали из джунглей и исчезали тридцатью метрами ниже, поглощенные зеленым океаном.

Сейчас, в разгар муссона, даже дороги превращаются в реки, затопленные влагой, которую, словно пот, источала богатейшая растительность. Это самые сырые джунгли в мире. Ведь Черапунджи находится в нескольких милях отсюда, в Ассаме. А там в иные годы в период муссонов выпадает больше 18 метров осадков! В окрестных джунглях рядом с Бутаном наблюдается примерно такая картина. Восемнадцать метров! А среднегодовое количество — 12. Подумать только, что в остальной части земного шара осадки измеряют сантиметрами и даже миллиметрами! В Черапунджи за три месяца на квадратный метр площади обрушивается 18 тонн воды: достаточно, чтобы затопить с крышей четырехэтажный дом. Вода собирается в ручьи, потом в реки, превращается в разрушительные пенные потоки, вырывающие глубокие овраги в почве, и в конце концов затопляет долины. Это случается каждый год в период водяной лавины...

Нельзя не восхищаться мастерством индийских инженеров, которые, преодолев все трудности, пробили через этот ад дорогу. Ей постоянно угрожали оползни, пока тысячи непальских рабочих вели стройку. Они и сейчас продолжают поддерживать ее в пригодном состоянии. Каждые 30 километров мы встречали бригады, вручную перетаскивавшие громадные обломки скал. Иногда те рушились с откоса в треске переломанных, как спички, деревьев. Монахи считали грехом строительство этой дороги. Да и мы на Западе разве не зовем «рубцами» трассы, пролегшие через гармоничные ландшафты?

Я повидал много горных дорог, но ни одна не может сравниться с этой. Нигде в Гималаях нет столь крутых и обрывистых склонов на таком протяжении, и постройка здесь

дороги поистине чудо. Она обошлась в миллионы рупий и стоила почти нечеловеческих усилий. Дорога была необходима прежде всего по стратегическим соображениям, и премьер-министр Джигме Дорджи отчетливо понимал это.

Мы одолели три перевала на высоте два с половиной километра, обогнули наскладенные, необитаемые горы, покрытые удивительным девственным лесом из высоких дубов и орешника, и въехали, собственно, на Бутанское плато.

Ландшафт изменился. Жару сменили туман и студеной изморось. В одном месте дорога бежала вдоль потока, вытекавшего из-под ледника. Я был сейчас на полпути между Индией и Тибетом.

Вскоре встретились первые молитвенные флаги и чортены — памятники, воздвигнутые во славу Будды. Навстречу грузовику брел караван мулов. Один погонщик, в широком кху из коричневой домотканой шерсти, испуганно отпрянул на обочину. Ему явно не случалось раньше видеть такие огромные машины.

На соседних склонах открылись пастбища с редкими соснами. Какое-то время мы следовали за причудливыми изгибами ледяной реки, сердито пенившейся вокруг валунов, когда внезапно впереди показался первый дзонг. Как описать свои чувства в этот момент? До этого, несмотря на пересечение границы, я не ощущал реально, что нахожусь в Бутане.

На пригорке отчетливо вырисовывались контуры крепости. Голые стены, слегка отклонявшиеся назад, поднимались как естественное продолжение скалы, на которой они возвышались. Крепость гордо царила над затянутой туманом долиной, словно молчаливый и грозный часовой Страны дракона.

Да, крепость появилась неожиданно-негаданно. До этого я видел только деревни. Тибетская архитектура этого укрепления, строгая и благородная, напомнила мне, что я въезжаю в страну воинов, людей решительных, презирающих изнеженных жарой жителей долин. Людей совершенно иной закалки и славного прошлого. Интересно, живет ли кто-нибудь в этой крепости сейчас?

Все чаще появлялись теперь лошади, нагруженные поклажей; их вели под уздцы коренастые бутанцы, закутанные в шерстяные кху. Кони вели себя спокойно, зато мулы в испуге бросались в разные стороны при виде рычащего грузовика, так что приходилось ползти черепашим шагом среди окриков погонщиков и позвякивания бубенцов. В такт им стучало и мое сердце. Сколько дней предстоит мне идти под звон металлических колокольцев? Он всегда отзывался во мне воспоминаниями о Гималаях. Сейчас я уже жалел, что проделал весь маршрут на грузовике.

Под вечер водитель дал понять жестами, что мы вот-вот увидим Тхимпху.

«Обгоняя, ты приближаешь конец», «Жизнь и так коротка, не укорачивай ее скоростью» — две надписи на хинди украшали придорожный столб. Кому они адресованы — погонщикам мулов? Или их поставили заранее в ожидании интенсивного движения автомобилей? Во всяком случае сейчас они должны казаться бутанцам священными заклинаниями, которые декламируют, не понимая смысла. Безобразие! Дорога безжалостно вторглась в страну моей мечты.

Так незаметно я въехал в Тхимпху. В королевстве дракона не существует городов и даже больших селений. Столица была еще лишь в планах короля. Пока стояла Благословенная Крепость Веры, в которую упиралась дорога. Но уже заканчивалось строительство четырех больших домов, которым предстояло стать краеугольными камнями города — первого города в Бутане.

Население Тхимпху, отнюдь не самое многочисленное в королевстве, составляло 4 тысячи человек, из которых 3 тысячи жили внутри громадной крепости, одиноко возвышавшейся среди расположенных террасами полей.

Дзонг, цитадель Тхимпху, поистине необъятен. Волнистые крыши в форме пагод блещут в лучах угасающего солнца. В цитадели 2 тысячи комнат, 300 часовен и 3 храма. Вечером они освещаются масляными лампами. Все население могло укрыться там, как это было на Западе в далекие времена крестоносцев, о которых мы читаем в учебниках и детских

книжках по истории.

Не без робости я приблизился к крепости. Вокруг ухоженными рядами стояли сосны. Высоко над головой плавился солнечный шар, освещая белые формы монастырей.

Ну, вот и прибыл. Но прежде чем принять первую дозу впечатлений, надо обеспечить тылы, позаботиться о хлебе насущном и крыше над головой.

Отелей в Бутане нет по той простой причине, что не бывает заезжих туристов, а есть только гости. Дом для гостей в Тхимпху насчитывает всего три спальни. Надо было заново объяснять, отвечая на вопросы, что я не гость королевы или короля, что меня не приглашали ни Аши Диджи, ни Аши Чоки, ни королева-мать.

Чиновник по имени Пасанг выслушал меня со снисходительным интересом. Его чистенький «джип» тихонько урчал у порога.

Позолоченные молнии украшали стены в гостевом домике. Пол был покрыт ковром из красного сизаля. Удобная кровать, стулья и бюро вызывающе поглядывали на меня. Недавно прибывшие, они чувствовали собственное превосходство в краю, где принято сидеть в позе лотоса, а ковры, расшитые драконами, служат общей постелью. Три комнаты на всю столицу... и одна из них моя! Таково было решение чиновника, занимающегося гостями.

— Дальше будет видно, — сказал он, когда я закончил свое жизнеописание.

Я остался один, получив право лишь на рис с пряностями. Была пятница, и меня уведомили, что я смогу увидеть господина начальника личной королевской канцелярии Дашо Дунчо только в понедельник. Это время мне надлежит оставаться с поваром. Так по крайней мере я получу хоть какую-то еду.

А мне отчаянно хотелось компании, дабы поднять совсем упавшее настроение. Нет! Дом для гостей был пуст.

Мне подали чай, затем, чтобы как-то занять время, я решил разобрать свои тюки. Вот тибетская грамматика; грубая и неточная карта Бутана, пара сапог для верховой езды производства фирмы «Моррисон и Таттл» из Калькутты — когда-то поставщиков вице-королей, вынужденных продавать теперь свою продукцию на лотках в двух шагах от «Гранд-отеля»; две чашки тончайшего севрского фарфора — не особо оригинальный подарок, который я нашел достойным его величества короля Страны дракона (возможно, мне в ответ удастся получить чайную тибетскую пиалу!). Я привез также духи для королевы, Аши Диджи, Аши Чоки и королевы-матери, два ручной выделки шелковых шарфа и серебряный кубок. Все это, я надеялся, поможет мне на аудиенции.

Палатка из зеленой парусины выглядела странновато в гостевом домике, где новехонькая ванна сверкала чистотой, поскольку ее не к чему было подсоединить, ибо водопровод и канализация отсутствовали. Кстати, слова «ванна» по-тибетски я не знаю. Бутан опережал сведения, занесенные в тибетскую грамматику.

Я решил отправиться на кухню. Нельзя же в самом деле приехать за тридевять земель и торчать одному в комнате среди вещей. А кроме того, по собственному опыту я знал, что обслуживающий персонал — кладезь бесценных сведений о хозяевах. В том числе и о хозяевах страны.

Поваром был милый непалец. Его помощник Норбу, непальский шерпа, долго рассказывал мне о горестях, выпавших на его долю, и без зазрения совести врал, уверяя, что поднимался на Эверест. На кухне был еще один помощник, бутанец, который непрерывно кашлял. Ничего интересного мне узнать не удалось.

На стене, чуть ниже портрета деда царствующего монарха, висело волеизъявление его величества, запрещающее подачу спиртного во всех крепостях и домах для гостей его страны. Как хорошо, что я привез чайные чашки!

Вспомнилось, как я преподнес королю Мустанга бутылку виски, выдав его за «лекарство от душевных невзгод». Но там никто не предупреждал, что «жизнь коротка». Что же касается превышения скорости, то вряд ли я смогу гнать по краю пропасти своих яков быстрее, чем они согласятся.

Рис со специями недвусмысленно означал, что я не являюсь королевским гостем.

Христофор Колумб с лубочной картинки растворялся в суровой действительности. Представится ли случай натянуть мш новехонькие сапоги? Черт бы подрал эти «джипы» и ванны, засорившие мое «частное» королевство! Вот попади я в Бутан десять лет назад, как бы было славно...

Первые сведения о Бутане принесли два португальских миссионера, отправившиеся из Калькутты в Тибет в 1626 году, — Иштиван Кашелла и Жуан Кабрал. Двигались они, естественно, пешком.

Минуло почти полтора столетия, прежде чем другим иностранцам удалось проникнуть в Бутан. Загадочный шотландец по фамилии Богл в 1774 году пересек Страну дракона, направляясь к панчен-ламе.

Мне этот Богл был очень симпатичен. Он не только говорил по-тибетски, но из профессиональной добросовестности даже женился на тибетке, прижив с ней несколько детей. Разумеется, его наследники в Шотландии сделали все возможное, чтобы признать этот брак недействительным.

После Богла был Тэрнер, который проделал тот же путь, что и я. Он достиг Благословенной Крепости Веры в 1783 году и оставил краткое описание своего путешествия: кроме Тхимпху он побывал лишь в Пунакхе и Паро.

За ним в 1838 году шел мой старый друг капитан Роберт Буало Пембертон. Говорю «старый друг», хотя, доведись нам встретиться, сомневаюсь, чтобы мы подружились. Бутан не понравился этому офицеру. За исключением замечательного стиля, в котором выдержаны его заметки, и того факта, что он был первым европейцем, изучившим значительную часть страны, за ним нельзя числить никаких заслуг. Он путешествовал с ботаником Вильямом Гриффитом и прапорщиком Мьюрсоном Блейком в сопровождении 25 сипаев. Всего, он пишет, экспедиция насчитывала с носильщиками и посыльными 120 человек. Тот факт, что он потерял в походе лишь одного человека, подтверждает, по его красноречивому замечанию, «удивительные способности человеческой природы приспосабливаться к самым неблагоприятным атмосферным воздействиям». В огромной экспедиции не нашлось никого, кто говорил бы на здешнем языке. Местных жителей Пембертон нашел крайне неприятными.

Сидя в одиночестве в своем бунгало, я думал, что ждет меня. Примут ли меня за человека доброжелательного? В голове замелькали важные персоны, пренебрегшие моим энтузиазмом: Рани Чуни, Паро Пенлоп, юные аристократы из Пунчолинга, Пасанг... А ведь я только успел приехать!

Как хотелось поговорить с кем-нибудь, посоветоваться. Но я был один. Иллюзии рассеялись. Было такое чувство, будто я проснулся и все оказалось глупым сном, в котором я играл роль дурачка. Я был романтиком-переростком, которого вывели из себя надписи на придорожном столбе. По стране, оказывается, можно разъезжать на «джипе». Поездка до Тхимпху после десятилетнего карантина выглядела предельно неинтересной. Сбудутся ли другие надежды, которые я лелеял?

Среди разбросанных вещей мне попался на глаза номер «Журнала Американского географического общества» за 1914 год. Его почти целиком занимал текст Джон-Клода Уайта «Опыт путешествия в неведомый Бутан и исследования, произведенные в этой малоизученной, но преинтереснейшей стране».

После Буало Уайт был первым человеком, основательно познакомившимся с горным краем. Путешествовал он в 1905–1907 годах в качестве офицера политической службы махараджи Сиккима.

За Уайтом не было никого вплоть до открытия дороги, исключая горстку королевских гостей. Но они оставались в окрестностях Тхимпху и Паро. Я посмотрел пунктирные черточки, обозначающие маршрут Уайта: они доходили только до центра страны. Значит, целиком он ее не обошел.

Все, решено. Я попытаюсь пройти весь Бутан. Заберусь в уголки, которые никто из европейцев не видел. Сверну с горных дорог, буду идти милою за милей, пока хватит сил. Начинать надо отсюда, из Тхимпху. Я здесь, и меня не удастся выставить!

В центре Бутана не побывало еще ни одной экспедиции, судя по уайтовской карте. Если поторопиться, я еще успею оказаться первым. Потешив гордыню, я углубился в изучение карт Пембертона и Уайта. Бутан на них имел форму рыбы. Его пересекали шесть глубоких долин, разделенных хребтами, причем самый высокий перевал находился на высоте 4350 метров. Реки питали ледники на горных пиках.

Северный Бутан представляет сплошной горный массив с непокоренными вершинами. Ни один шерпа не водил туда белого «сахиба» в альпинистских доспехах.

На западе долина Вонг в свою очередь делилась на три отдельных ущелья — Ха, Паро и Тхимпху. Там, я знал, проходила дорога. Их я смогу осмотреть быстро, так поступали все королевские гости и будут поступать остальные туристы, когда к трем комнатам в Бутане прибавятся новые гостиничные помещения. Потом двинусь в долину Пунакха, где стоит бывшая столица, — туда дорога еще не добралась; пересеку Черные горы, громадный хребет, разделяющий Западный и Восточный Бутан.

В этих местах еще не довелось путешествовать никому из чужеземцев. Более того, названия населенных пунктов на разных картах и их местоположение различались. Добрый знак!

Позади Черных гор стояла крепость Тонгса, за ней лежали долина Бумтанг и прочие таинственные места, которые прошел в 1838 году Пембертон. На севере я заберусь на плато по соседству с Тибетом.

Хотелось выступить сейчас же, нетерпение снесало меня. Да, но пустят ли туда? Тхимпху был конечным пунктом дороги и началом караванной тропы в неисследованные горы, бегло описанные Пембертоном как недоступнейшие места Гималаев. Надеюсь, мне удастся «приспособиться к самым неблагоприятным атмосферным воздействиям». В конце концов не для того я рвался сюда, чтобы удовольствоваться неработающей ванной... Убаюканный монотонным пением повара на кухне, я задремал. Молнии слабо серебрились над головой, а туман медленно заволакивал Тхимпху, столицу Страны дракона.

Падение со слона

Утром в понедельник я отправился к дзонгу. Солнце мягко разгоняло клочья белого тумана, кое-где еще скрывавшего белые ячейки монастыря. Тхимпху был оживлен: двигались караваны, сновали в разные стороны монахи, солдаты, крестьяне. Все были одеты в доходившие до колен и перехваченные широким поясом. Только цвета короткополых халатов были разные: у кого черные, у кого оливковые; у большинства они были в красную, желтую и ярко-зеленую полосу с белым рисунком.

Халаты придавали солдатам средневековый облик, контрастировавший с современными автоматами, которые они носили, небрежно закинув на плечо и несколько не беспокоясь, в какую сторону направлен ствол.

За два дня, проведенные в одиночестве, я, по зрелому размышлению, примирился с Бутаном. Меня уже не раздражали «джипы», особенно после того, как я узнал, что они принадлежат королю, а водители вместе с машинами выписаны из-за границы: в Бутане еще не освоили таинственную триаду из сцепления, акселератора и тормозов. Куда больше было горных лошадок, а автомобилей в общей сложности насчитывалось не более сотни.

Весь субботний день долину оглашали радостные крики и пение лучников: обитатели Тхимпху состязались талантами в этом национальном виде спорта.

Дорога не сумела изменить образа жизни бутанцев. По сути ничего еще не изменилось. Характер этих горцев создавался веками в изоляции, вдалеке от остального мира, по ту сторону величайших на планете гор. А люди вообще меняются очень медленно.

Возле дзонга прогуливались монахи в красных или каштановых тогах местной выделки поверх рубашек без рукавов, отороченных золотисто-красной парчой. Они вышагивали по двое или группой; увидев меня, монахи улыбались, не прерывая разговора. Вопреки

замечаниям. Было мне сразу бросились в глаза крайняя опрятность, чистота и цветущий вид бутанцев. Нигде в мире мне не доводилось видеть таких здоровых и физически сильных людей.

Лица бутанцев как бы вобрали лучшие тибетские черты: носы их длиннее и тоньше, а кожа светлее, миндалевидные глаза лишены кожной складки, покрывающей внутренний угол. Конечно, еще рано делать обобщения; я видел только крохотный кусочек страны, и неизвестно, кто населяет ее в остальной части. Но при всех обстоятельствах скептикам надо отказаться от мысли представлять Бутан опереточным королевством: люди, живущие там, крепкой закваски и умеют за себя постоять.

Дзонг Тхимпху был поистине необъятным комплексом. По размерам и внешнему рисунку его можно сравнить в Европе только с Эскориалом* в Испании. По фасаду гигантского прямоугольника строгой тибетской архитектуры идут бесконечные ряды окон в три этажа, причем первый ряд поднят на девять метров над землей. Стены упираются в мощные квадратные башни, чьи три дополнительных этажа увенчаны крышами в форме пагод. Крыши эти опровергали описание Буало («традиционные бутанские крыши из дранки легко протекают в дождь») — они сделаны из волнистого шифера. В годы, предшествовавшие моему приезду, дзонг был расширен в соответствии с традиционной техникой и архитектурой. Весь гигантский комплекс выстроен без единого гвоздя — только дерево, камень и тибетский цемент. Если не считать дворца Потала в Лхасе, то дзонг Тхимпху и еще одна бутанская крепость, Тонгса, без сомнения, крупнейшие постройки Центральной Азии.

Почти теряешься в громадном массиве, его невозможно охватить целиком с одной точки. Сотни рабочих с лопатами и корзинами, словно муравьи, копошатся на платформе цитадели. Двое вооруженных караульных с белыми шарфами на шее стерегут главный вход, представляющий собой перистиль из толстых колонн красного дерева, инкрустированных позолоченными фигурами драконов вперемежку с другими буддистскими символами.

В дзонге проживают король, весь его двор, чиновники, служители, глава бутанской церкви и более тысячи монахов. Женщинам не дозволяется оставаться на ночь в пределах гигантского святилища. Это одновременно монастырь, главная крепость и столица — гьялса, резиденция повелителя страны, живущей во многом по монастырскому уставу.

Бутан по-прежнему является религиозным государством. До 1933 года король делил власть с верховным ламой, главой бутанской церкви. Эти ламы, известные под именем дхарма-лам, с незапамятных времен правили Бутаном, бывшим вначале федерацией монастырских государств. Постепенно религиозные правители выдвигали на первый план членов своих семей, так что параллельно с монахами появилась и светская руководящая элита.

До 1907 года гражданская аристократия выбирала на три года для исполнения законов главу Бутана — дебу, который правил страной. Каждая крепость, естественно, старалась посадить на это место своего представителя, а затем сохранить власть. Подобная система не могла не вызывать многочисленные войны. Так, повторяю, продолжалось до 1907 года, когда гражданский правитель крепости Тонгса сумел провозгласить себя наследственным дебой и стал править совместно с ламой дхарма-раджей. У Бутана появился король.

А в 1933 году отец нынешнего монарха устранил главу церкви; правители монастырей и главных крепостей сохранили за собой только совещательный голос*.

Каждый входящий в Тхимпху или любую из тридцати двух крепостей страны обязан накинуть на плечи символическую белую шаль (ламы и монахи — красную). К сожалению, я не мог выполнить этот указ, но никто, похоже, не удивился моему виду. Совсем недавно король придал силу закона прежнему эдикту, запрещающему «обитателям страны носить одежду или прическу европейцев». Бутанцы — гордый народ, как я уже говорил, и мне не оставалось ничего иного, как тоже принять гордый вид в моем костюме.

Я ступил на двор, аккуратно вымощенный большими светло-серыми плитами. Молодые монахи сидели у подножия учи — религиозного центра крепости, подымающегося

на 24 метра посреди двора. Белый, ничем не украшенный фасад смотрел на долину рядами окон с бледно-голубыми, оранжевыми и красными наличниками.

Я засмотрелся на этот храм в форме башни, как внезапно звон колокольчика заставил монашков вскочить и тут же исчезнуть. Одновременно из угловой двери появился освещенный солнцем пожилой монах, за которым шествовал видный церковнослужитель. Монах тряс колокольчиком в левой руке, а правой грозно замахивался кнутом. Перед ним сразу образовалось пустое пространство. Через секунду во дворе вообще не осталось ни души: послушникам не положено смотреть на своего главного наставника.

Я не отрываясь смотрел на кнут, ожидая, что вот-вот меня постигнет участь Эшли Идена. Но нет, вышедший камергер в белой шали с мечом на боку проводил меня по лестнице до красивого входа во дворец. Он отодвинул занавес, скрывавший дверь, украшенную медной чеканкой с изображением бутанского дракона, и ввел в приемную Дашо Дунчо, личного секретаря его величества.

Пренебрежение, с которым относились ко мне все эти четыре дня, особенно бросалось в глаза при виде знаков почтения, оказываемого знатым лицам, и паники, вызванной появлением настоятеля. Я нервничал: от предстоящего свидания зависело очень многое. Человек, который сейчас меня примет, мог не только решить судьбу моего пребывания в Бутане, но и вообще распорядиться не кормить меня. Более того, планы, которые я строил на будущее, особенно поход по неисследованным областям страны, могли осуществиться только в случае полного успеха аудиенции. Уже было заявлено, что я не гость королевы. Теперь выяснится наконец, кто меня пригласил. Или окажется что мое присутствие нежелательно.

Щекотливая ситуация. И она не становилась легче от того, что именно в этот ответственный момент на меня напала хворь, которую позже я отнес за счет воздействия высоты: правый глаз вдруг ни с того ни с сего перестал видеть!

Непалец-секретарь Дашо, говоривший слегка по-английски, попросил меня подождать. Окно приемной готической формы, столь характерной для Бутана, в богатой резной раме, но без стекла выходило на реку.

— Прошу вас, — пригласил секретарь.

Я поднялся еще по трем ступенькам, отодвинул занавеску и оказался в комнате побольше, где стоял неказистый стол и два европейских стула.

У стола я увидел невысокого пухлого человека с круглым лицом и живыми смеющимися глазами. Он двинулся навстречу с протянутой рукой в тот самый момент, когда я согнулся в традиционном приветствии, сложив ладони перед носом.

Пытаясь быстро переменить позу, я заметил меч метровой длины в серебряных ножнах с золотой насечкой, грозно болтавшийся на поясе Дашо. На его плечи был наброшен красный шарф. Красный — цвет высших придворных, остальные гражданские лица в дзонге были в белом.

Я робко произнес по-тибетски несколько приличествующих случаю пышных фраз, но в результате лишь сконфузился. Личный секретарь улыбнулся и приветствовал меня на языке Шекспира без малейшего намека на акцент.

— Присаживайтесь, — любезно добавил он.

Он освободился от громоздкой амуниции, приподнял полы кхо, обнажив гладкие колени и мощные, как у всех горцев, икры, после чего опустился на стул рядом со мной.

Правый глаз тут же ослеп, но я перестал обращать на это внимание, после того как хозяин, сделав комплимент моему тибетскому выговору, принялся тереть себе спину, заметив походя:

— Неважно чувствую себя последнее время. С тех пор, как упал со слона.

Я поначалу не обратил на это внимания и высказал свое восхищение Бутаном. Потом вдруг до меня дошло.

— Вы упали со слона? Как же это могло случиться?

— О, глупый случай, — ответил Дашо, как будто он подвернул ногу, не больше.

Я живо представил себе, каков должен был быть удар, и проникся симпатией к этому человеку. Мне много раз приходилось падать с лошади, и уверяю, это очень больно. Но со слона!

— Слон оказался молодой и плохо дрессированный, — добавил Дашо, видимо, для того, чтобы я не подумал, будто он плохой наездник.

Я невольно перевел глаза на его спину, ожидая увидеть там здоровенную дыру. Нет, все на месте. Потом украдкой глянул на лицо — не осталось ли там рубцов или иных следов столь необычного происшествия?

Когда тема падения была исчерпана, я осторожно принялся выяснять проблему приглашения — чей я гость. Очень быстро и со всей очевидностью стало ясно, что меня никто не приглашал. Я приехал в Бутан по собственной инициативе, а также по недосмотру индийского МИДа...

Но мне были рады! Единственное неудобство, добавил личный секретарь, в том, что Бутан еще мало подготовлен для приема иностранных визитеров: дом приезжих весьма мал. В этом месяце ожидается некоторое число гостей королевы, в общей сложности пять, а комнат в Тхимпху только три. Гости королевы уже выехали, поэтому будет неплохо, если я проведу несколько дней в Тхимпху до их прибытия, а затем переберусь в Паро. Этот танец со стульями будет мне наказанием за то, что я не дождался приглашения, а прибыл самовольно.

— Когда вы осмотрите Тхимпху и Паро... — сказал Дашо, и ему не надо было даже заканчивать фразы, — ...вам практически нечего будет делать.

Другими словами, примерно через неделю, дал мне понять воспитанный дипломат, надо убраться восвояси.

Но я вовсе не был намерен понимать дипломатические намеки. После десяти лет ожидания и шести поездок к бутанской границе, мне отнюдь не улыбалось удовольствоваться туристской поездкой от Тхимпху до Паро! Тем более что всех королевских гостей возят по этой дороге.

— А Бумтанг? — выпалил я после краткой паузы.

— Бумтанг, — протянул Дашо, массируя спину, — это мои родные края. Там все по-другому, очень красиво. Высокие горы, свежий воздух...

— А Джакар? — добавил я, озаряясь надеждой.

— М-м, Джакар (Белая птица)... — повторил Дашо с улыбкой.

— Тонгса? — продолжал я.

Молчание.

— Возможно будет попасть в Бумтанг?

Дашо посмотрел на меня также как Паро Пенлоп.

— Давайте начнем с Тхимпху, потом съездите в Паро, а дальше посмотрим...

Я начинал ненавидеть этого проклятого слона, потому что Дашо нравился мне все больше и больше.

Прежде чем откланяться, я рассказал ему о своих путешествиях в Непал и Мустанг; напомнил, что там тоже не было гостевых бунгало, что я ел овсяную цзампу и она мне понравилась, а в заключение добавил, что я прекрасно себя чувствую в самых некомфортабельных условиях. Более того, я не люблю жить в домах для приезжих. Дашо улыбнулся и пригласил зайти по возвращении из Паро.

Я осведомился, можно ли надеяться повидать короля, но он ответил, что король нездоров. У гьялпо была какая-то сердечная болезнь. «А как же подарки? — подумал я. — Не могли бы в таком случае меня принять Аши Диджи и Аши Чоки?» Дашо выяснит это. Заключив, что больше ничего не добьюсь, я встал и откланялся.

Ну что ж, теперь у меня был друг при дворе, и я был обеспокоен его здоровьем. Падение со слона — вещь серьезная!

От личного королевского секретаря я был препровожден к тсидпону (верховному счетоводу), иными словами, министру финансов. Он один во всем королевстве мог

разрешить серьезнейшую проблему, как разменять несколько дорожных чеков.

По всему было видно, что я первым ввозил иностранную валюту в Бутан. Да и то верно: мне, «неприглашенному», первому и понадобились деньги в стране, где гостеприимство и презрение были не пустыми словами. Именно тут проходил водораздел между гостями и наглыми пришельцами.

В кабинете у министра под изображением «колеса жизни» стоял маленький сейф, а на рабочем столе рядом с мечом лежала кучка марок — последняя эмиссия, выпущенная иностранной фирмой, которая спекулировала на западной мании филателии. Кому какое дело, что Бутан не входил во Всемирный почтовый союз и что практически во всей стране никто не посылал писем по почте?

С некоторым удивлением я рассмотрел последние серии «шедевров мирового искусства» — цветные репродукции картин Ван-Гога и других западных художников; они были отпечатаны на дивной бумаге и столь рельефно, что видны были мазки. Эти картинки с названием «Бутан» по праву числились среди самых современных и оригинальных марок в мире. К сожалению, мне было сказано, что в Бутане они не продаются...

Сейф был пуст, если не считать маленькой пачки индийских рупий, которую мне дали взамен дорожных чеков. Я узнал от министра, что для Бутана должны в скором времени отпечатать бумажные деньги, но пока местной валютой являлись маленькие никелевые монеты с портретом деда короля на одной стороне и восемью эмблемами буддизма на другой. Хождение имеют также индийские рупии, которые принимают во всех гималайских странах Азии.

Проведя три дня в Тхимпху, я отправился в Паро. Должен признаться, я без сожаления оставил столицу. Во-первых, я рисковал не понравиться кому-нибудь из влиятельных лиц, а это означало участь «персоны нон грата». Лучше уж было поскорее убраться с глаз долой. Во-вторых, меня коробили автомобили, ванны и бензиновые бочки у самого подножия Благословенной Крепости Веры.

По неизвестной для меня причине королева жила отдельно от короля. Своей резиденцией она избрала дворец Паро, расположенный в 50 километрах от Тхимпху.

Итак, я катил в Паро, на сей раз в персональном «джипе». Там в доме для приезжих освободилась комната, а мою спальню в Тхимпху, как намекнул Пасанг, следовало срочно освободить. Поначалу «джип» ехал по дну долины Тхимпху вдоль реки, затем свернул в узкое ущелье, заросшее альпийскими травами, среди которых торчали обломки скал. Через 20 километров ущелье расширилось и вывело нас в долину Паро.

Это, бесспорно, одно из самых романтических мест на свете. С первого взгляда мне показалось, будто я перенесся в идеализированный мир какого-нибудь романиста англосаксонской школы, живописующего Альпы или средневековое прошлое Британии.

Паро действительно походил на детские иллюстрации к «Кен-терберийским рассказам». Высоко над долиной, на неприступной горе, парила цитадель; вход туда лежал через подъемный мост, по которому цокали копыта лошадей. Красиво подбоченившиеся всадники неспешно уступали нам дорогу. Все как в сказке: ручеек, затененный плакучими ивами, журчал у подножия крепости; через него был переброшен мостик с караульными черно-белыми будками. Перила и столбики были выкрашены в веселенькие розовые, голубые и желтые цвета.

Над крепостью был еще один замок грозного вида, с круглыми башенками, напоминавший по стилю донжон эпохи рыцарских войн. А ниже, как бы пристроившись под сенью крепости, стоял маленький дворец королевы. Это четырехэтажное строение походило слегка на пагоду, но без малейшего «экзотического» налета; оно даже не выглядело азиатским. Дворец уместился в излучине реки и был окружен двухрядной оградой. За первой стеной виднелись мощеный двор и тщательно подстриженные апельсиновые деревья.

К дворцу примыкала зеленая лужайка с тенистыми ивами, на ней с двух сторон были возведены маленькие трибуны. Все вместе было копией ристалища для средневековых турниров. На трибуну поднималась «королева сердца», чтобы взглянуть на состязание

придворных лучников, и победитель мог рассчитывать на ее милостивую улыбку.

Дворец окружал священный ивовый лес, по которому бежали ручьи, поросшие дикими ирисами. А за лесом виднелась площадка для стрельбы из лука, где мерились искусством деревенские жители. По обе стороны травяного поля были сделаны земляные насыпи, куда втыкались неудачно посланные стрелы. А вон и мишени — деревянные щиты с нарисованными голубыми кругами.

По склонам долины спускались террасы бледно-зеленых посадок, сверкали на солнце рисовые поля. Там и сям группками по четыре-пять домов были рассеяны жилища, словно перенесенные из времен Тюдоров. На фоне потемневших досок белели войлочные прокладки. Все постройки, в том числе и дворец, и мост, были крыты дранкой, прижатой к кровлям крупными камнями.

Кроме них, словно бы для оживления пейзажа, который, право слово, не нуждался в приукрашивании, в долине были воздвигнуты квадратные памятники всеблагому Будде. От крыш домов струился дымок. Лошади под широкими седлами легкой иноходью бежали по тропинкам между ивами.

По другую сторону долины, на заросших соснами склонах, проглядывали белые монастыри, но они тонули в тени высоких гор, увенчанных сверкающими снежными шапками. Там уже была граница с Тибетом. Единственную «Экзотическую» ноту вносили молитвенные флаги, поставленные повсюду букетами или рядами, словно большущие белые перья, трепетавшие на ветру.

Лучники в ярких халатах, монахи в красных пеплумах и детишки в разрисованных одежонках сновали в разных направлениях: по висячему мосту, из крепости и в крепость, вокруг чортонов, по берегу реки, по тропинкам и по лужайке, где паслись лошади и скот.

Я медленно шел по зачарованной долине к гостевому домику.

— Королева вас не приглашала, — этой уже слышанной не однажды фразой меня встретил служитель, когда я назвал свое имя; в глазах у него читалось неодобрение.

Убедившись, что я не могу предъявить никаких верительных грамот, он отвел мне неприбранную комнату в ветхом бунгало. Позже я увидел, что он тоже живет там. Таким образом, я был низведен в ранг слуг.

Размышляя в тот вечер над странным приемом, который оказали мне бутанцы всех слоев общества, я, кажется, начал понимать механизм, регулирующий их отношение к иностранцам.

Все и вся в Бутане зависят от короля. Подданные принадлежат ему в буквальном смысле слова. Их существование и место в жизни подчинены степени близости к королю. Природа этих отношений четко обусловлена рангом каждого бутанца. Этот — секретарь короля или королевы. Тот — служитель королевского бунгало, или исполнитель его законов, или пастух его коней, или работник на его полях. Социальное положение и взаимоотношения людей регулируются тем, на какой ступени официальной лестницы находится человек.

Ранг обеспечивает права и привилегии. Все жизненные проявления, начиная от манеры одеваться, местожительства и способа передвижения по стране, знания того, что можно и чего нельзя, кончая рационом питания, находятся в прямой зависимости от ранга. Поскольку Бутан не знает еще денежной экономики, деньги там не играют никакой роли. Привилегии причитаются не человеку, а его рангу в отличие от нашего, западного мира, где все зависит от денег.

Общественная система в Бутане не особенно отличается от той, какая существовала в Европе несколько веков назад. В нашем словаре сохранились все слова для описания ее.

Ранг, санкционированный титулом, в средневековых обществах, подобных бутанскому, — категория весьма нестойкая и колеблется от настроения короля. Самый высокородный герцог — ничто в глазах короля, и уважение, которым он пользуется, связано с личным к нему отношением монарха. Блага и милости на самом верху раздает король. Точно так же в нижнем звене положение человека обусловлено отношением к нему лиц вышестоящих рангов. Так, чиновнику, который отобедал у короля и заслужил его

благосклонность, все окружающие, начиная с самого бедного крестьянина, оказывают больше уважения, нежели человеку более высокого ранга, но находящемуся в немилости. Это заставляет людей часто появляться при дворе, поскольку двор является биржей социальных ценностей и положений.

Совершенно естественно, что я, человек без ранга, иностранец, был сразу включен в систему. Если в иных краях белокожий европеец получает привилегированный (или непривилегированный!) статус единственно потому, что он белый, вне зависимости от его личных качеств, в Бутане, не знавшем колонизации и вообще не имевшем контактов с миром европейцев, подобная вещь неведома. Здесь хотели узнать главное — характер моих взаимоотношений с королем или королевой.

Именно это пытались мне внушить бутанцы, осведомляясь, чей я гость. Когда же я отвечал «ничей» — и это совершенно нормально выглядело бы на Западе, — здешние собеседники решали, что я как бы вне закона. В Бутане все являются «кем-то» по отношению к королю. Заявляя, что я не королевский гость, я признавал тем самым, что являюсь подпольным иммигрантом, которому нечего делать в Бутане, а посему мне незачем оказывать какие-либо услуги.

Я понял наконец, что на вопрос, кто меня пригласил — король или королева, мне следует отвечать, что я гость личного королевского секретаря. В самом деле, ведь он взял на себя ответственность, позволив мне пожить в Бутане и осмотреть страну. Так можно было надеяться получить статус в местной иерархии.

С того момента, как я это уразумел, жизнь стала много легче.

В первый вечер я погулял по долине Паро, а затем вернулся в домик для приезжих, где в полном одиночестве съел свой скромный ужин. Я был на грани нервной депрессии из-за равнодушия и изоляции, навалившихся на меня с той самой минуты, как я расстался в Пунчолинге с телохранителем Паро Пенлопа, у которого в самолете торчала из ушей вата. Мне, правда, удалось сблизиться с двумя слугами и даже подружиться с ними; мы быстро сумели сломать социальные барьеры и наладить дружеское общение. До чего же хорошо, что вне пределов официальных рамок бутанцы оказались людьми веселыми, смешливыми и лишенными комплексов! Тем не менее я с облегчением и удовольствием встретился с коллегой-европейцем. Замечу, что в предшествующих поездках и экспедициях такой настоящей потребности я не испытывал.

Мы сразу стали друзьями. И не потому, что в чужих краях так тянет друг к другу людей одной расы или национальности. Майкл Эйрис, молодой учитель королевских детей, был одержим той же страстью к тибетской культуре, что и я.

Благодаря Майклу, а также письму, в котором я упомянул о встречах с братом королевы, покойным премьер-министром, два дня спустя после прибытия в Паро я получил приглашение прибыть в 19 часов во дворец на обед к королеве. Где-нибудь в другой части света я не был бы столь взволнован и заинтригован, но, зная, сколь далеко здесь простирается королевская власть — от одной улыбки его величества человек возносится наверх или низвергается в бездну, — я был обрадован и обеспокоен.

В гостевом домике вдруг обратили внимание на мое существование, как будто до того меня просто не было. Тут же принесли таз горячей воды и — невероятно! — предоставили в мое распоряжение «джип». Для такого случая у меня был припасен смокинг, но Майкл Эйрис сказал, что это не обязательно.

Королева, насколько я был наслышан, не имела ничего общего с восточными властительницами, которых мне доводилось видеть или о которых я читал. Мне рассказывали о ней Тесла, вдова премьер-министра, и другие аристократы. Женщины в Бутане занимают совершенно иное положение. Они никогда не сидели взаперти дома, а вели активную жизнь. Более того, тибетцы, возможно, первыми в Азии позволили женщинам играть первостепенную роль в делах общества, политике и так далее. И здесь, как правило, они справляются с ними более умело, чем мужчины. В тибетских Гималаях нередко можно видеть деревни, которыми управляют женщины.

Нет ничего опаснее могущественной и умной женщины, особенно если она еще и красива...

Я вспомнил Рани Чуни, королеву-мать, ее леденящий взор и безукоризненную выдержку; потом Бетти-ла, с ее грацией и обаянием; элегантность и дивные манеры Теслы. Они затмили бы любую свою современницу на Западе. Можно понять причину моего беспокойства: я вхожу в святая святых бутанского мира и, если повезет, смогу увидеть намного больше, чем положено обитателям гостевых домиков. Я приехал не для того, чтобы околачиваться при дворе или интервьюировать королеву. Я приехал путешествовать.

«Джип» доставил меня в резиденцию гьялмо, километрах в трех от дома приезжих.

Вечер был теплый. Костры караванщиков помаргивали в долине, а жертвенные огоньки перед алтарями светились в окнах монастырей, молелен и частных домов. Бледная луна делила на части черноту изрытых ущельями гор — давящую массу Гималаев, стиснувших со всех сторон долину.

В голове у меня отпечатались сотни других «планет», на которых мне довелось жить. Одни омывало пронзительно голубое море, там торчали коралловые рифы и трепетали на ветру растрепанные шевелюры пальм. Другие едва выступали из снега, являя на свет чахлые сосенки, мимо которых уходило в бесконечность обледенелое шоссе Канады. Были еще «планеты», подобные Нью-Йорку, сделанные из бетона и кирпича, с головокружительными скалами-домами и реками, по которым густо, словно машины по автостраде, шли суда. И вот вопрос: переходя из одного мира в другой, был ли я одним и тем же человеком? А если нет, что оставалось, а что уходило от меня?

Я чувствовал, что прожить столько жизней, в скольких местах мне пришлось побывать. Но сегодня вечером здесь, в долине, мои прошлые жизни ровным счетом ничего не значили. Я выбился из контекста, мое прошлое ничего не говорило здешним людям; было такое ощущение, будто я стартую в совершенно новом качестве, без друзей, без заслуг, без возраста, без ранга... ибо вряд ли стоило говорить королеве, что я не являюсь ее гостем.

«Джип» нырнул под арку внешней ограды, проехал по мощеной аллее, окаймленной ивами, и остановился у внутренней ограды. Из тьмы вынырнули босоногие слуги с факелами. Внутренний дворик я пересек в танцующем свете смоляных огней. Поблескивали тесанные плиты, ветви апельсиновых деревьев склонялись к лицу. Дворец показался мне поначалу пустым.

Меня ввели в комнату, в глубине которой виднелась темная лестница. Я огляделся. Оказалось, в помещении находилось человек двадцать; их силуэты сливались с тенями у стен. То были слуги ее величества. Их повелительница находилась на втором этаже.

Я поправил «кадду», свою «аши кадду» («аши» означает «принцесса», а «аши кадда» — это элегантного вида церемониальный шелковый шарф, который носит аристократия).

Личный секретарь королевы, круглоголовый тибетец в широком кхо из тончайшего шелка, спустился с лестницы, чтобы проводить меня к ее величеству. Я последний раз оглянулся на слуг: один из людей держал большую бронзовую чашу, в которой курились благовонные веточки можжевельника. Личный секретарь повел меня по длинному слабо освещенному коридору. Пол был устлан коврами, а на стенах виднелись красно-золотые рисунки.

Зала встретила меня запахом, напоминавшим ладан, и дымком американских сигарет. Это были парадные покои дворца. Теплый свет свечей и керосиновых ламп слегка подрагивал на лицах ассамблеи из двадцати человек; все сидели на подушках, покрытых великолепным ковром и леопардовыми шкурами, перед низкими позолоченными столиками. Гостями королевы были три ламы в алых тогах, похожие горделивой осанкой на кардиналов со старинной картины; четверо европейцев, личных друзей ее величества; секретарь-англичанин в таком же костюме, как Майкл Эйрис; два молодых знатных бутанца.

Расписанный и украшенный позолотой потолок поддерживали четыре красных столба. Стены тоже были расписаны и придавали покоям атмосферу комфорта и очарования роскоши, далекую от мраморной холодности, которая царит обычно в королевских

приемных.

Когда глаза привыкли к полумраку, я наконец увидел королеву. Она сидела чуть в стороне от гостей, перед столиком с двумя большими бокалами. Рядом с ней был монах с таким тонким лицом, что казался воплощением святости. Женщина сделала мне знак подойти.

Я поклонился и подал ей свой шарф, а один из слуг принял мои подарки. Королева улыбкой поблагодарила меня и пригласила сесть рядом. Ее величество возвратила мне «кадду» в знак расположения.

Мое смущение возрастало с каждой секундой, ибо передо мной была не просто королева Бутана, страны моих грез, не женщина изумительной красоты.

На королеве было длинное узкое тибетское платье из переливчатого шелка, без рукавов, с большим вырезом, и блузка с пышными буфами. В отличие от бутанок, которые коротко стригутся «под мальчишку», королева была причесана на тибетский манер: длинные косы собраны в корону, еще более подчеркивавшую прекрасные восточные черты лица. Эта дань тибетской моде в одежде и причёске напоминала, что королева — сиккимка по происхождению. Ее мать, Рани Чуни, приходилась сестрой покойному махарадже Сиккима, где в среде аристократии преобладали тибетские обычаи и одежда. Родство через узы брака очень распространено в правящем классе гималайских государств, который ориентируется в утонченности нравов на Лхасу.

Нежное лицо — я бы даже сказал «лик» — королевы напоминало тончайший фарфор; на Западе обычно такими представляют себе японок. Однако обезоруживающая улыбка и живая искренняя реакция никак не напоминали сдержанные манеры японских женщин из высших слоев.

Обаяние королевы, я знал это, сочеталось с твердостью характера, и в случае неудовольствия она могла быть столь же непреклонной и неприступной, как ее мать. Обменявшись несколькими банальными любезностями с повелительницей, я быстро понял, что она с интересом отнеслась к моей страсти к Бутану. Я поведал ее величеству, сколь долг и тернист был мой путь к ее королевству, как из-за Бутана я познакомился и полюбил прилегающие к Тибету гималайские края.

Королева, как и ее невестка Тесла и покойный брат Джигме Дорджи, прекрасно говорила по-английски. Она знала даже несколько слов по-французски и добавила, что часто ездит во Францию. Я, однако, знал, что из европейских стран она предпочитает Швейцарию.

Королева была прекрасно осведомлена обо всем, что происходило в Бутане, в том числе о деталях технологической революции, которая началась в стране под руководством ее супруга. Не так давно в Тхимпху разбили виноградники — опыт оказался удачным. Тхимпху и Паро привыкали к мельканию «джипов» и грузовиков, а что означает переход на автомобильный транспорт в ее стране, ясно каждому.

Наш разговор перешел на историю Бутана. Королева и монах, сидевший с ней рядом, поведали мне о нескольких сражениях, выигранных у тибетцев в XVII веке.

Монах говорил по-тибетски, королева временами дополняла его по-английски, и передо мной разворачивалась картина прошлого, теснейшим образом связанного с современностью; рассказ как бы придал новый облик крепости Паро, чей силуэт, облитый серебром лунного света, вырисовывался за окнами королевского дворца. Во время разговора несколько раз возникало название «Пунакха» — там до недавнего времени помещалась столица государства. Упоминались также Тонгса, Джакар и Ташиганг — крепости Восточного Бутана. Для меня в этих именах крылась тайна недоступных районов, лежащих по ту сторону Черных гор. Я сказав, что мечтаю попасть туда, но эта завуалированная просьба повисла в воздухе.

Какое-то время спустя я покинул столик королевы. Она спросила, что я буду пить. Я попросил апельсиновый сок, хотя тут же стояла бутылка отличного виски. Но апельсиновый сок все же больше приличествовал случаю. За это десятилетие я познал цену терпению и

понял, что иногда имеет смысл повременить...

Королева поднялась, давая знак, что пора переходить за большой стол. Отсутствие протокола, очарование королевы и некоторая доза виски быстро создали уютную, я бы даже сказал, интимную атмосферу. Ничего экзотического в нынешнем вечере не было хотя все было невероятно — начиная от убранства комнаты и кончая составом гостей. Была пожилая чета датчан и один франко-американский джентльмен — близкие друзья королевы. Их присутствие показалось бы стороннему глазу столь же удивительным, как и тога монаха. Ужинали при свечах — на сей раз не из снобизма, а по необходимости. Присутствующие сидели на стульях; пока это была единственная уступка западному этикету, не считая виски, ножей и вилок.

Мне выпало место рядом с милейшим ботаником-японцем. Он уже два года провел в Паро под покровительством королевы, изучая местную флору и возможности сельского хозяйства. Оказалось, что он единственный иностранец, побывавший во всем Бутане. Ботаник дал мне множество сведений о центральной и восточной частях страны, куда я надеялся попасть. Да, сейчас больше, чем когда-либо, мне хотелось очутиться в этих отъединенных долинах, где, судя по описаниям Пембертона, было множество интереснейших крепостей и монастырей. Японец подробно рассказывал о том, как опасен и труднодоступен путь туда, упомянул, что жители этих долин говорят на другом диалекте, а архитектура крепостей иная, чем в Тхимпху и Паро.

Я покидал дворец, горя желанием немедленно в одиночку двинуться на восток. Но разрешения я все еще не имел. Королева, правда, была весьма любезна, но она не предложила мне своего покровительства. Ее величество лишь пригласила меня посетить с остальными друзьями монастырь в Тактсанге.

— Будут хорошие лошади и много слуг, — заметил Майкл Эйрис.

Чуть погодя он описал мне поразительный кортеж, сопровождающий королеву во время каждой ее поездки. За неделю до моего прибытия он ездил с ней в долину Ха, недалеко от Паро, на западной границе Бутана. Процессия потратила два дня на то, чтобы одолеть 40 километров. Королеву и ее гостей окружала свита более чем из 100 чиновников и слуг. В каждой долине к кортежу присоединялись группы крестьян. Для ночных привалов разбивали роскошнейшие шатры, причем предварительно место аккуратно разравнивали и сажали цветы. Днем королевскую дорогу затеняли срубленными в соседнем лесу деревьями, которые втыкали на обочине. Монахи выходили из монастырей в молитвенной одежде и приветствовали проезжавшую королеву. Повсюду, едва она появлялась, начинался праздник.

Я не был поэтому удивлен, когда утром за мной прибыли 10 слуг и столько же лошадей и мулов во главе с камергером. Поначалу меня еще с несколькими гостями королевы довели до узкой горловины, где начиналась долина Паро. Оттуда вверх поднималась скала, на вершине которой стоял монастырь «Логово тигра».

Джон Клод Уайт побывал там в 1906 году, и мне нечего добавить к его описанию: «Главный храм помещается в расселине вертикальной скалы высотой 600 метров. Более причудливо расположенного строения мне не доводилось видеть... Единственный путь ведет по узенькой тропке, а затем по цепи лестниц, причем один неверный шаг грозит низринуть вас в глубочайшую пропасть».

В моем случае все произошло в точности как у Уайта, разве что королева строго-настроено наказала слугам беречь нас. Каждые полчаса подъема делали привал и подавали свежий апельсиновый сок. Когда мы добрались наконец до монастыря, там ждал накрытый стол и четыре перемены блюд: рис по-китайски с яйцами, несколько сортов мяса, цыпленок под соусом карри и крупные персики. На мой вкус, поездка слишком напоминала воскресную экскурсию у меня на родине, а разговоры спутников не позволили в полной мере насладиться атмосферой покоя. Храм как бы парил в воздухе, облегчая человеку размышления о бренности жизни.

Теперь каждое утро в Паро я уходил осматривать новый монастырь или крепость. По большей части отправлялся один, иногда за мной вел под уздцы горную лошадку

насупленный паренек. Так я побывал в большой цитадели Дукье. Двадцать лет назад эта твердыня, запиравшая вход в долину Паро из тибетской долины Чумби, полностью выгорела. Остались лишь зубчатые башни и толстые стены, сложенные из обломков скал. Пять башен уступами спускались вниз и стерегли крытый проход к источнику. Раньше это была единственная дорога из Тибета в эту часть Бутана. Высокие кипарисы росли вокруг бастионов, скрывая несколько домиков, в которых жили слуги.

Естественно, я не оставил без внимания дзонг Паро — титаническое неприступное сооружение прямоугольной формы, внутри которого теснятся бесчисленные молельни. Построенная в конце XVI века, эта крепость имеет зал для торжественных собраний, «превышающий разменами тот, что я видел в лхасской Потале», как замечает Уайт. Это и впрямь необыкновенно величественное сооружение.

На шестой день я вернулся в Тхимпху, оставив в памяти феерическую картину долины Паро, шарм королевы, подъемный мост, цитадель, круглые башни Дукье и сказочный силуэт «Логова тигра». Как и в первый день, лучники состязались возле крепостных стен.

И вновь встреча с личным секретарем его величества. Спина у Дашо все еще болела после памятного падения со слона. Он сказал, что готовится к поездке во внутренние районы страны. Я тут же возобновил разговор о путешествии на восток и для придания веса сообщил, что был на приеме у королевы и говорил с ней об этом.

Сердце у меня ушло в пятки, когда Дашо Дунчо начал терпеливо втолковывать, что, видимо, я не очень хорошо себе представляю все и должен извинить хозяев за то, что в стране еще мало гостевых домиков, отелей и прочих удобств, а посему поездка во внутренние районы абсолютно невозможна. Я со своей стороны вновь попытался прояснить недоразумение: я терпеть не могу гостевых домиков, отелей и туристов. Я не только готов, я просто умираю от желания выступить пешком, один, ну, может, с помощником. Я обожаю спать где придется.

— У меня с собой походная койка, — добавил я.

Дашо улыбнулся.

— Есть палатка, медикаменты, примус и все остальное...

Мне показалось, что чаша весов уже склоняется в мою сторону, но тут с упрямством человека, вышедшего невредимым из такой передряги, как падение со слона, придворный чиновник повторил, что о походе в глубь страны не может быть и речи. Сердце опять упало, но я храбро пустился в описание моей эпопеи в Мустанге. Когда я закончил, Дашо встал и, ни слова не говоря, начал прицеплять к поясу меч.

— Ну, пожалуйста, только до Бумтанга, — умолял я. — В Тонгса, Бумтанг, и все. Мне так хочется взглянуть на вашу родную деревню!

Слабая реакция.

— Я еду к теплым источникам, — сказал раздумчиво Дашо. — Это в четырех днях пути от деревни...

Теплые источники! Я подумал о Виши — минеральные воды, это чудесно. Курс теплых ванн после падения со слона...

— Вам понадобится повар, — продолжал Дашо. — Но это не просто. Видите ли, в Бутане не знают европейской кухни. У нас здесь нет шерпов, как в Непале.

— Мне все равно! — откликнулся я, добавив, что любой шерпа, даже годами сопровождающий экспедиции англичан, осваивает кулинарное искусство в пределах умения открывать консервные банки. А в Тхимпху как раз есть шерпа, который служит поваром в доме приезжих.

— Он может пойти со мной?

Вопреки ожиданиям лицо Дашо осветилось. Очень хорошо, он постарается уладить это.

— Вам еще потребуется кашаг.

— Кашаг?

В Тибете это слово означает «правитель». Дашо объяснил:

— Так мы называем дорожную грамоту, которую вы должны будете предъявлять главам всех крепостей по пути. Без нее вас никуда не пустят.

Я покидал дворец на крыльях. Итак, я получу разрешение, может, даже через несколько дней, обещал Дашо! Но, вернувшись в бунгало, я вдруг вспомнил, что ведь Дашо говорил о своем отъезде. А вдруг он забудет про меня?!

Он не забыл. Ровно через двое суток меня пригласили к нему в кабинет. Я бросился в дзонг, ставший для меня, как и для всех бутанцев, олицетворением власти.

Внутри крепости смешались все ранги, титулы и звания. Я прошел кордегардию, поднялся по лестнице и отодвинул занавес. Из окна приемной видны были монахи, спешившие по своим богоугодным делам, посыльные из королевской свиты с мечами на боку и министры в красных шалях. Дзонг кипел жизнью.

Дашо повернулся ко мне с улыбкой.

— Ваш кашаг, — сказал он, протягивая конверт. — Вот также телеграфные уведомления, которые я послал в дзонги Вангдупротранг, Пунакха, Тонгса и Джакар.

Телеграммы гласили:

«Господин Пессель, французский гражданин, приехавший в Бутан самостоятельно, посетит ваш дзонг. Просьба оказать ему всяческое содействие».

Невозможно было поверить собственным глазам! Дашо сказал, указывал на конверт с кашагом:

— Это вы будете предъявлять всем тримпонам (властителям закона).

Письмо, написанное по-тибетски и скрепленное королевской печатью с изображением двух драконов вокруг молнии, гласило:

«Господин Пессель является французским гражданином, путешествующим по Бутану самостоятельно. Надлежит обеспечить его транспортом. Разрешается реквизировать оседланную лошадь для себя, а также выючных животных и носильщиков по потребности. Предлагаю споспешествовать его миссии и поставить ему необходимое продовольствие и фураж по правительственным расценкам».

— Без этого письма в глубинке вы не получите ни провианта, ни лошадей, — пояснил еще раз секретарь. — Продукты питания находятся только на складах в дзонгах, а крестьяне не меняют продукты на деньги.

У меня в руках было волшебное слово: «Сезам, откройся!» Подобную дорожную грамоту тибетцы называют «лам йиг», и без нее поход по Гималаям невыносим. Не получив «лам йига», Свен Гедин девять лет бродил по Тибетскому плоскогорью, покрыв несколько тысяч километров и осторожно обходя заставы, но так и не достиг заветной цели — не попал в Лхасу. Без «лам йига» в Гималаях вы мертвый человек. Такой порядок завели в королевстве суровые администраторы, сидящие в высоких замках и карающие за невыполнение указов.

Этим, строго говоря, объясняется тот факт, что тибетцам и бутанцам так долго удавалось оставаться в изоляции, отгоняя от своих рубежей иностранных визитеров. В запретное королевство пускали только редчайших счастливицов, заручившихся дорожной грамотой; еще реже туда проникали через границу смельчаки под чужой личиной, если их не ловили.

Я уже знал, что невысказано избежать бдительной проверки и мне придется предъявлять кашаг во всех дзонгах. Вместо европейского приветствия «как поживаете?» в Гималаях спрашивают: «Кто вы такой?» Кашаг, врученный мне Дашо, отныне был моим паспортом, его могли потребовать во всякое время дня и ночи. Без него я не получу даже горсти риса.

Я уже готов был прыгать от радости, когда вдруг вспомнил, что в мои планы входил поход по всему Бутану. Право слово, после десяти лет томления я просто обязан осмотреть здесь каждый дзонг. Вовремя сообразив, что репутация хороших дипломатов числится за бутанцами не зря, я с невинным видом обратился к Дашо.

— Когда я доберусь до Бумтанга, за спиной окажется добрая половина страны. Может,

мне имеет смысл возвратиться иным путем — скажем, через Ташиганг и восточную провинцию?

Дашо потер спину. Он, похоже, не следил за ходом моей мысли.

— От Бумтанга до Ташиганга я доберусь довольно быстро, после этого поверну к границе и вернусь в Индию через Ассам.

Повисла долгая тишина.

— Это будет долгий и утомительный поход, — сказал наконец секретарь. И улыбнулся.

Я тут же согласился.

— Не знаю, хватит ли сил дойти до Ташиганга, но попробовать стоит, — добавил я застенчиво.

В самом деле, маршрут пролегает на протяжении 650 километров по самым труднодоступным и неисследованным частям Гималайских гор.

— Вам следует помнить, что сейчас период муссона, дороги размыты, реки вздулись...

Черт, я совсем забыл про муссон! Можно себе представить, во что превратились караванные тропы, узкие тропинки и сумасшедшие ручьи — они низвергаются с гор, снося целые поля, деревни, мосты, затопляя броды. Восточный Бутан, как мне говорили, самая влажная часть Гималайского района, ведь Черапунджи лежит всего в ста километрах. В иные годы здесь выпадают за три месяца дождливого сезона тонны воды. Муссон только начинался.

К счастью, я не знал тогда, что муссон 1968 года будет самым обильным с начала века. Тонны воды, а у меня нет с собой даже зонтика...

— Вы не могли бы на всякий случай вписать Ташиганг в мой кашаг? — закинул я удочку.

Против обыкновения Дашо Дунчо покорно добавил Лхунци и Ташиганг в дорожную грамоту. Думаю, он не сомневался, что я не рискну забираться в такую даль.

Я почти обезумел от счастья. Пусть не удастся обойти всю страну, но я получил на это разрешение!

— В крепости Ташиганг есть рация, — сказал Дашо. — Если вы туда доберетесь, я передам, чтобы вас пропустили в Индию через восточную границу.

Верно, ведь разрешение на пересечение «внутренней границы» истекало через две недели, когда я никак не смогу оказаться в Бумтанге. С дрожью в голосе я признался в этом Дашо Дунчо, но мне уже удалось обрести верного друга в его лице. Бюрократизм не успел еще свить гнездо в дзонгах короля-дракона.

— Вы можете оставаться здесь сколько пожелаете, — сказал Дашо, протягивая мне руку, — у нас ведь свободная страна.

Муссон, о котором я позабыл, дал себя знать при выходе из дзонга: дождь лил как из ведра. Но я не чувствовал ни струй, сбегавших по моему лицу, ни насквозь промокших костюма и ботинок. Главной заботой было сохранить в целости кашаг. Я запрятал его поглубже во внутренний карман и на всякий случай зашпилил булавкой. Неужели все политические и дипломатические препоны позади? Будем надеяться. Пора переходить к действиям.

Вернувшись в гостевое бунгало, я разделся и вытянулся на постели. Мозг лихорадочно перебирал варианты. Все изменилось. Я поглядел на багаж. Действительно ли все готово для хождений по лабиринту внутреннего Бутана? Теперь это предстояло совершить наяву, а не в ночных мечтаниях.

Дождь неотвязно барабанил по крыше домика. Скоро, очень скоро у меня будет над головой лишь тонкий нейлон палатки... Пожалуй, это можно было сравнить с выходом в бурное море на утлой ладье, только здесь вместо рифов торчали скалы, а джунгли скрывали предательские пропасти и бешеные ручьи. Предстоит мобилизовать всю выдержку и упорство, чтобы методически карабкаться по кручам, спускаться в ущелья, мокнуть под дождем, и так изо дня в день.

Закралось сомнение: а по плечу ли мне все это? Сумею ли я «приспособиться к самым

неблагоприятным атмосферным воздействиям»? Буало, напомним, командовал хорошо снаряженной экспедицией из 120 человек. Он был достаточно опытен, чтобы выбрать сухой сезон, и все-таки путь от Ташиганга до Тхимпху занял у него два месяца. К тому же он жил 130 лет назад, когда «джипы», самолеты и кондиционеры еще не успели ослабить человеческую конституцию. И тем не менее он собственной рукой записал, что «Бутан в целом представляет собой череду самых высоких и труднодоступных гор на всем свете».

Эти горы не изменились за прошедшие века, здесь не добавилось удобств. Капитан Пембертон уточнял, что тяготы дороги вынуждали его отдыхать по два дня после каждого дневного перехода. Всю злободневность его записок я понял только теперь, перестав удивляться, казалось бы, странному факту, что единственным «путеводителем» по стране является рукопись стотридцатилетней давности.

У Джона Клода Уайта, как и у Пембертона, был мощный эскорт из тренированных индийских солдат; он даже взял военный оркестр в оба своих похода по Бутану! У меня таких возможностей не было. Придется даже отказаться от скромного минимума, который я считал необходимым во время прошлых путешествий по Гималаям. Не было даже подходящей обуви, настолько несбыточной мне казалась мечта о длительном пребывании в Бутане.

Несколько иностранцев, которые после Уайта осмеливались отклоняться от проезжей дороги, были все без исключения королевскими гостями. В Бутане это означает, что перед ними расстилали красный ковер, предоставляли королевских лошадей и поваров, специально выписанных из Индии, европейскую пищу, апельсиновый сок и дружную помощь местных властей. За эти две недели у меня было время убедиться, что я — самостоятельный путник, а посему не могу рассчитывать не только на помощь, но даже на сочувствие. Хотя, с другой стороны, именно это положение меня и привлекало.

Как выяснилось, почти все бутанцы говорят по-тибетски. Без переводчика мне удастся узнать бутанцев лучше, чем путешествовавшим до меня. Нечасто в наш век выпадает такая роскошь — шагать по чужой стране куда глаза глядят дни, недели, месяцы. Здесь, кроме всего прочего, у людей нет предвзятого мнения по отношению к европейцам — неизбежного следствия колониализма.

Да, все это так, но предстоящий дальний путь никак не назовешь прогулкой. Вспоминая перипетии прошлых походов по Гималаям, нельзя было сбрасывать со счетов опасности, которым подвергается одинокий путник в горах. Малейшая болезнь или неудачное падение могут означать гибель. Малярия и прочие хворобы, начиная с ветряной оспы и кончая чумой, — заурядная вещь в Бутане. Здесь еще свирепствуют проказа и болотная лихорадка, а о прививках во многих местах никогда не слышали. В 1968 году в Бутане жили два врача на почти миллионное население: один молодой индеец, только закончивший курс, и немец-миссионер, открывший лепрозорий. Причем оба они находились далеко от тех мест, куда я направлялся...

Попытался отогнать эти мысли и не думать о физическом истощении, которое способно вызвать будущее предприятие.

Ночевать буду в крепостях, возможно, вместе со слугами, и в поте лица тянуть груз наравне с носильщиками. Я всегда желал повернуть стрелки часов вспять и пожить в мире детских книг с картинками. Ребяческая фантастическая мечта, похоже, должна была осуществиться именно сейчас — с запозданием, но зато в полной мере. Где еще на земле сыщутся обитаемые крепости и гостеприимные монастыри!

Я с трудом представлял себе жизнь в сердце гималайского королевства, где даже не было газет, чтобы сообщить придворным лучникам о том, что где-то во внешнем мире люди запустили стальную стрелу на Луну.

Не с кем было разделить сомнений. Все решения приходилось принимать самому и самому же терпеть их последствия. Каждый шаг мог стать необратимым... Чтобы подбодрить себя, решил пересчитать болезни, которые не могу подхватить в пути: против них я получил прививки. Потом проверил список лекарств (замечу сразу, крайне скудный в

сравнении с тем, что должен был бы иметь). Но багаж и так перегружен якобы необходимыми вещами.

Ладно, нет в мире непригодных для жизни мест. Человек может существовать практически в любых условиях. В конце концов живёт же в Бутане миллион людей, авось сыщется место и еще для одного.

Я вспомнил о камнепадах. Если обломки не застревают в густой растительности, то непременно скатываются на тропу, где, вполне вероятно, могут прийти в соприкосновение с моей головой. Но от этого нельзя застраховаться. В предыдущих походах мне удавалось избежать классических опасностей, поджидающих путников в горах. Быть может, судьба 10 лет удерживала меня от подобной участи? Теперь жребий брошен, и возможная гибель будет исключительно делом собственных рук. Жаль только, не смогу рассказать обо всем увиденном...

Черные мысли быстро рассеиваются, когда идешь с хорошим напарником, но в одиночестве они неотвязно буравят голову. Спустя какое-то время я рискнул поведать помощнику повара, что опасности пути не дают мне покоя; он принял это очень сочувственно и просто ответил: «Ты, наверное, сошел с ума». Подобное замечание было исполнено глубокого смысла. Рыбаки с берегов Средиземноморья тоже выходят из гавани, только когда море спокойно. При плохой погоде положено сидеть дома.

Все. Надо перестать хандрить и заняться подготовкой к нелегкому походу: предстоит питаться, готовить пищу и иметь подходящее обмундирование. Необходим был помощник, он же повар и мастер на все руки. Немыслимо двигаться одному в такую даль, где рельеф превращает любое перемещение в тяжелое и опасное предприятие.

Дашо Дунчо упомянул о бутанском шерпе; этот человек должен быть в курсе привычек европейских восходителей и знать особенности Гималаев.

Его звали Норбу, он служил помощником повара в доме для приезжих в Тхимпху. Я познакомился с ним в первый день приезда. Нельзя сказать, чтобы он понравился мне сразу, но выбора не было. К тому же его отрядил Дашо Дунчо, так что вообще не могло быть никаких разговоров.

Я начал с детального обследования прилавков на столичном рынке (там торговали в основном тибетцы). Были тибетские чубы и бутанские кхо, сапоги из ячьих шкур, разукрашенные тибетские пояса, упряжь для пони, деревянные седла, церемониальные белые шарфы, луки со стрелами, молитвенные флаги всех размеров, плитки тибетского чая, бычьи пузыри с прогорклым маслом, медные колокольцы, жировые лампы из серебра и парчовые позументы.

Лавчонки, сколоченные из досок, окаймляли улицу, являвшуюся главной артерией бутанской столицы. И хотя каждая вещь в отдельности была достойна занять место в наших музеях, я не нашел для себя ничего нужного. Единственной полезной вещью оказался фонарь «летучая мышь» и немного керосина. Их я обнаружил в торговой точке, гордо именовавшейся магазином.

Это деревянное строение, побольше соседних, было помечено вывеской «Бутанская торговая корпорация». Государственную компанию основал брат покойного премьер-министра; в свое время он был ламой, но потом сложил с себя духовное звание и женился. Звали его Рим Дордже. В магазине я обнаружил еще несколько бесценных сокровищ: шоколад в порошке, пару теннисных туфель для себя и вторую для Норбу. Кстати, повар уже начал отравлять мне существование, требуя без конца «бакшиш» и поминая то одну, то другую гималайскую экспедицию, где шерпов снабжали спальными мешками на пуху, горными австрийскими ботинками и анораками с капюшонами по последней моде. К счастью, ничего из этой прелести на прилавках не было. Я купил некоторое количество свечей, кастрюли и таганки, а также несколько мотков веревки. Вместе с вещами, привезенными из Европы, это составило практически все снаряжение моей экспедиции.

Не терпелось выступить, и я назначил дату отправления через два дня. Оставшееся

время лихорадочно паковали тюки, укладывали одежду, спальные мешки, палатку, походную кухню; ко всему прочему надо было взять два мешка альпинистского снаряжения и три мешка картошки. Наконец, все было готово. Норбу щеголял в новых теннисных тапочках и моем свитере.

— Завтра выступаем, — сказал я.

Норбу ослепительно улыбнулся и ответил, что «завтра никак невозможно», потому что он женится. Я расхохотался. Но оказалось, это серьезно! Все было готово к свадьбе, и жених просил меня присутствовать на банкете, который будет дан в доме для приезжих.

Когда до меня дошло, что это не шутка, я был вне себя от гнева. Выходит, Норбу с самого начала знал, что он не пойдет со мной, и лгал до последней минуты!

Пришлось доложить о происшествии Пасангу, хитрому царедворцу, в чьем ведении находился гостевой дом. Он носил титул «управителя королевских зданий».

Как всегда, безукоризненно одетый в элегантного покроя кхо, Пасанг подкатил к бунгало на «джипе». Он перекинулся парой слов с Норбу, после чего сообщил, что Норбу хочет со мной идти, но все дело в свадьбе. Вот на следующий день после свадьбы можно выступать.

Разумеется, я не поверил ни одному слову и тут же начал хлопотать о приеме у Дашо Дунчо. В конце концов ведь это он приказал Норбу меня сопровождать. По телефону мне ответили, что Дашо Дунчо уехал в Бумтанг и его не будет два месяца...

Все рушилось на корню. На следующее утро я застал Норбу в гостиной, где он хлопотливо развешивал украшения. Потом жених раскладывал сласти и конфеты по маленьким подносам и давал указания поварам, готовившим банкетный стол.

К полудню у бунгало остановились три «джипа», откуда вылезли пять благородного вида, изысканно одетых тибетцев. Это был представитель далай-ламы со свитой. Потом появился тонкий, с очень умным лицом коммерсант-тибетец в сопровождении очень красивой девушки — невесты. Она выглядела совсем юной, почти ребенком. С ними пришел молодой тибетец, очень длинный, с какой-то развинченной «техасской» походкой, одетый в поразительно засаленный халат. Это был брат невесты Тенсинг.

Несмотря на мой насупленный вид, Норбу пришел пригласить меня на свадьбу. Вся ситуация показалась мне вдруг настолько комичной, что я уже почти простил его за явный обман.

В гостиной мне отвели место рядом с представителем далай-ламы, и у меня вышел с ним и с остальными тибетцами приятнейший разговор. Норбу разносил по кругу миндаль и сигареты. Вел он себя скорее как метрдотель, чем как жених на собственной свадьбе. Невеста сидела по левую руку от меня и застенчиво прятала лицо в широких буфах зеленого платья. По сигналу Норбу сел рядом с ней.

Представитель далай-ламы обратился к молодым с краткой речью, одновременно ласковой и значительной. После него по нескольким словам произнесли другие высокие гости.

Наконец с речами было покончено. Представитель далай-ламы поднялся и вручил жениху и невесте церемониальные шарфы и конверт (в котором, как мне сказали, были деньги). После чего все по очереди преподнесли свои шарфы и конверты. Норбу встал, поблагодарил каждого и передал по шелковому шарфу всем почетным гостям, включая меня. Затем он исчез, чтобы дать последние наставления перед банкетом. Я остался сидеть с невестой.

Пасанг, присоединившийся к нам чуть позже, неожиданно повернулся ко мне:

— Если хотите, можете выступить завтра с Тенсингом, братом невесты.

Я попытался было что-то сказать, но рот у меня был набит печеньем, а впереди я предвкушал дивное тибетское угощение. Поэтому я лишь скорчил угрожающую гримасу в сторону Норбу, после чего преподнес с медовой улыбкой невесте один из привезенных платков ручной выделки.

Короткое время спустя я осведомился у представителя далай-ламы, что он думает о молодом Тенсинге. Тот ответил, что отец его — прекраснейший человек. Затем он подозвал

Тенсинга и обратился к нему с напутствием.

Так я получил в помощники Тенсинга. Ему исполнился двадцать один год, и он утверждал, что умеет готовить рис. Договорились встретиться завтра в шесть утра.

Я плохо спал в ту ночь. Меня грызло беспокойство. Этот Тенсинг еще никогда не ходил на восток; он говорил только по-тибетски и не знал диалектов жителей глубинки. К тому же он впервые встретился с европейцем в моем лице... С другой стороны, он был куда симпатичнее нагловатого Норбу.

Мы идем в святая святых высочайших гор планеты. Их вид устрашает даже из кабины самолета. Каково будет почувствовать их всей кожей на склонах, где каждая верста дается изнурительным потом?

Ровно в шесть Тенсинг постучался в дверь. В пять минут тюки были затянуты (Тенсинг добавил к багажу свой маленький вещевого мешок и пару туфель).

— Готово? — спросил я.

Тенсинг поднял на меня глаза:

— Надеюсь...

Я тоже на это надеялся.

Рамджам Пунакхи

Будем откровенны: никогда еще я не был менее подготовлен.

Маршрут был обозначен самым приблизительным образом на малодостоверной карте. Первым пунктом значился дзонг со странным названием «Вангдупотранг» в тридцати километрах от Тхимпху. Туда до отметки «1500 метров над уровнем моря» вела разбитая дорога. Кстати, это был первый отрезок трассы, которой по смелому замыслу предстояло соединить западную и восточные части Бутана. В сезон дождей дорога официально была закрыта для машин, но за день до начала экспедиции пронесся слух, что ее вновь открыли.

Управляющего королевскими отелями Пасанга я просил прибыть в семь утра. Несколько уязвленный высокомерным поведением этого молодого чиновника, я счел необходимым вынудить его оказать содействие в день старта. Уже при беглом осмотре количество багажа отменяло всякую мысль о доставке его в Вангдупотранг на «джипе», поэтому я заказал Пасангу грузовик. Я добавил, что мы рассчитываем на него. В семь часов он не появился; в восемь, как всегда, безукоризненно одетый Пасанг подъехал со своим шофером-непальцем на «джипе».

— Где же грузовик? — напустился я.

Пасанг небрежно ответил, что постарается найти для меня подходящую машину.

Его «джип» помчался по деревянному мосту через речку в долину Тхимпху и вскоре вновь появился у порога. Грузовика в наличии нет, объявил Пасанг, а дорога на Вангдупотранг обрушилась в десяти-пятнадцати местах. Но «джип» там пройдет, можно попытаться рискнуть.

— Прекрасно, я возьму ваш «джип», — холодно отозвался я.

Пасанг ослепительно улыбнулся и ответил, что «джип» ему нужен самому... Боже, я начинал ненавидеть эти «джипы» лютой ненавистью: они не давались в руки! Всегда лучше ехать вместо того, чтобы ходить, и лететь вместо того, чтобы ехать. Разумеется, поход в глубинку должен быть пеший, но тащить на себе воловий груз до Вангдупотранга?! Нет уж, машину я добуду во что бы то ни стало.

И вот тут на помощь пришел Тенсинг. Он знал одного торговца с рынка, у которого был «джип», но он предупредил, что это будет стоить дорого: около 50 долларов за 30 километров пробега. Цена, конечно, несусветная, но выбора не было. Я согласился.

Тенсинг помчался на рынок, а Пасанг, как обычно, ограничил свое содействие

приятнейшей улыбкой и объявил, что все устроилось как нельзя лучше. Судьба избавляла его от гостя, который, мало того что явился без приглашения, еще и отравляет существование.

У меня было твердое предчувствие, что я не уеду. Но полчаса спустя Тенсинг появился, сидя на переднем сиденье серого «джипа» рядом с шофером, красивым кхампа лет двадцати. Походная кухня, рюкзаки и мешки загромождали машину до брезентового верха. Мы с Тенсингом уместились рядом с водителем. Машина тронулась.

Тхимпху как-то разом исчез; я едва успел оглянуться, чтобы в последний раз взглянуть на дзонг.

Утро выдалось чудесное. Солнце разогнало последние полосы тумана, цеплявшегося за ели. Щебетали птицы, горные лошадки бежали вдоль обочины. Под нами лепились домики, окруженные частоколом молитвенных флагов, трепыхавшихся словно золотые листочки в утреннем свете. Деревенки состояли из бело-коричневых домиков с голубятнями. Выделялись трехэтажные вместительные дома именитых граждан с обширными подворьями и пастбищами, на которых гуляли коровы, овцы и козы.

Ветер обдувал лицо. Никогда еще я не чувствовал себя более счастливым. Подлинное счастье, подумалось мне, — это движение. Я ощущал свободу ипил ее полными глотками. Все неприятности позади — во всяком случае хотелось надеяться. Все связи с определенным местом, домом, людьми, правительствами и предметами порваны. Я был один, сам по себе. Мог остановиться где вздумается — так я считал в тот момент...

Мы оживленно беседовали с Тенсингом и шофером. В кабине звучала быстрая тибетская речь. Подумать только, еще месяц назад я загорал в Испании, гонял по морю на моторной лодке и обменивался с друзьями впечатлениями о подводной охоте и красивых девушках на пляже. В Европе, когда мне случалось упомянуть, что я говорю по-тибетски, это вызывало смех. А теперь я посмеивался над тем миром, казавшимся совершенно нереальным.

— Мотор ди ла шита япо ду (И вправду хороша машина)! — сказал молодой шофер-кхампа, добавив, что его «джип» легко идет со скоростью 75 километров в час. Для него это было почти чудо.

И он, и Тенсинг, да и все молодые бутанцы вступали в новую эпоху. Для них машины, дороги и кусочки западной технологии открывали мир приключений — тот самый, который для меня заключался в ночевках в горах или житье в монастыре.

Примерно через полчаса мы свернули на грунтовую дорогу. На крутом холме высилась массивная феодальная крепость Симтока, стерегущая место впадения притока в реку Тхимпху.

Я побывал уже там несколько дней назад. В крепости жило 200 человек — монахи и ученики. Сейчас там разместилась религиозная школа, где мальчики в красных тогах и черных кхо учились выводить на еловых табличках тибетские священные тексты. Четырехэтажный форт состоял из центральной башни и нескольких часовен, расположенных на трех уровнях. Бронзовые украшения и златотканые ковры изображали буддистских святых в окружении менее важных божеств. Старинные фигуры были по размерам больше человеческого роста.

Мы ехали на восток. Узкая грунтовая полоска вскоре превратилась в ручей грязевой жижи. Шофер с трудом ехал на первой передаче. Громадные деревья окаймляли дорогу, поднимавшуюся к горловине ущелья. Вскоре уже нас окружал сплошной ельник; долина внизу едва проглядывала. Странно, насколько перемена декораций разом изменила облик Бутана, сделав его похожим на рекламные афиши Бюро путешествий, — дороги унифицируют страны. Если не смотреть ни моих спутников, можно подумать, что едешь по лесу на охоту...

Раскисшая дорога вилась вокруг поваленных деревьев, выходила на мосты, переброшенные через бешеные потоки. Мелькание света и тени становилось нестерпимым.

На полянах, словно по мановению, появлялись в ярко-зеленой траве цветы. В другом

месте за деревянной изгородью паслись крупные черно-белые быки. Эта часть Бутана, пожалуй, наиболее «цивилизована». Подобную картину можно было бы наблюдать в любом районе континентальной Европы. Неожиданно среди деревьев показалось крытое дранкой шале с большими камнями на крыше, и мне, честное слово, показалось, что я попал на зимний швейцарский курорт. Но тут же молитвенные флаги указали на ошибку; мы подъезжали к монастырю.

Хотелось остановиться, но шофер категорически потребовал ехать дальше. Машина двигалась черепашью шагом, и, учитывая, что дальше дорога станет еще хуже, неизвестно было, когда доберемся до места.

В нескольких километрах за монастырем наткнулись на первый оползень. Кренясь из стороны в сторону и отчаянно визжа всеми четырьмя колесами, «джип» взобрался на кручу. Деревья стали еще выше. Это были большие ели Дугласа, густо поросшие влажным мхом. Высота 3 тысячи метров; мы вступали в край вечных туманов. Часто дорогу преграждали обломки скал, но нам втроем удавалось сталкивать их с обрыва. Безусловно, наша машина шла первой по этой дороге с начала дождей.

В густой листве выделялся зеленый каскад лиан, напоминавший луизианский мох. Дорогу успели изрыть ручьи, нанеся на нее кучи мелких камешков и грязи. Бесконечные виражи начали высасывать внутренности, когда наконец мы забрались на перевал. Его увенчивали пучки молитвенных флагов и две довольно длинных стены, на которых была написана тибетская ритуальная молитва: «Ом мани падме ум». Волшебное заклинание, исполненное глубокого смысла, переводится приблизительно так: «Благословенно будь, о ты, сокровище лотоса!» Молитва обращена к цветку лотоса — Будде.

На перевале мы остановились. Тенсинг с шофером пошли выпить чашку горького чая в крохотной хижине, а я остался полюбоваться туманными облаками, проплывавшими над белыми, голубыми и красными изорванными ветром молитвенными флагами; их оставили многие и многие паломники в те времена, когда еще не было «джипов», а подъем на такой перевал был сопряжен с немалыми усилиями и опасностями.

Пространство внизу было закрыто пеленой. Вот она, первая загадочная страница внутреннего Бутана — долина Мачу.

Въезжали мы по северному склону хребта, а спускаться начали по его южному склону, подставленному солнцу и дождям. Здесь деревья разрослись до гигантских размеров. Орешник, дубы, рододендроны и сосны терялись где-то высоко-высоко над головой. Бутанский лес порастил в свое время и Буало, и Уайта, да и всех, кому доводилось бывать в этой стране. Лес здесь действительно один из самых прекрасных в мире — нетронутый букет громадных деревьев, раскинувших во все стороны тонущие в молочном тумане ветви и цеплявшихся узловатыми корнями за скалистый обрыв.

Дорога вилась по карнизу, выбитому в стене над невидимым ущельем. Дважды нам встречались караваны, совершавшие трудный подъем.

Два часа спустя показали первые поля, засеянные злаками. Теперь спуск пошел много быстрее. А еще через несколько часов растительность приобрела совсем тропический характер. На деревьях появились ярко-оранжевые цветы. Банановые рощицы попеременно с бамбуком и папоротником выше человеческого роста подступали к самой дороге. Мы проехали несколько брошенных домов; их стены, обращенные к востоку, были изъедены эрозией. Потом пошли террасы рисовых полей.

Как раз возле первых террас пришлось резко затормозить; на протяжении более трехсот метров дорога была погребена под тоннами желтой глины: целый склон горы сполз в пропасть. Человек тридцать рабочих расчищали путь. Караваны лошадей топтались в скользкой грязи, а вездеход старого образца загородил уже очищенную часть.

Два часа мы наблюдали за тем, как прораб-индеец организовывал рабочих, пытаясь вытащить вездеход, по ступицы завязший в глине. Мы с удивлением наблюдали за беспомощной суматохой. Наконец, не выдержав, решили вмешаться и, расставив людей, вытолкнули машину на несколько метров. Из нее тотчас выскочил шофер-индеец с криком,

что машина сейчас свалится с откоса. «Немедленно отойдите!» Начались долгие переговоры. Караванщики тем временем обвели лошадей вокруг оползня и двинулись дальше. Лишь через час мы уговорили шофера сесть на место и освободить нам проезд.

Как только дорога очистилась, молодой тибетец показал класс вождения, умудрившись проскочить на скорости несколько больших луж; при этом колеса «джипа» заносило за край обрыва. Рабочие радостными криками приветствовали его.

Удивительно, с каким хладнокровием и легкостью этот парень, родившийся в юрте среди голых степей Кхама и выросший в седле, управлял теперь машиной.

Вангдупотранг лежит на высоте всего 1500 метров над уровнем моря. С перевала мы спустились во влажную жару, а теперь катили по пустынной долине Мачу. Эта долина представляет собой странное природное явление. Она закрыта с юга густыми джунглями и окаймлена со всех сторон высоким, переполненным влагой лесом. Тем не менее выглядит она словно пустынный, иссушенный зноем остров посреди океана воды и дождей. На красной земле видна пожухшая от солнца трава. Сухой жгучий ветер прокатывается по дну этой сковороды, вздымая тучи пыли позади машины.

Когда мы взяли последний вираж, из-за склона вынырнула крепость Вангдупотранг. Внушительных размеров строение тянулось на 200 метров вдоль карниза, нависающего над местом слияния Мачу с другой рекой. Через поток был переброшен мост, который стерегли три красные башни.

Эта цитадель всегда играла важную роль в истории Бутана: она первой принимала удар захватчиков, которые двигались ратью на прежнюю столицу страны — Пунакху, лежащую в двадцати километрах выше по течению. Больше всего меня изумила изгородь из живых кактусов, защищавших подножие крепости; она не позволяла приблизиться к крутому холму, на котором возвышался сам форт.

Дорога, собственно, заканчивалась здесь, на берегу реки, а с ней обрывалась последняя нить, связывавшая нас с внешним миром; здесь был последний аванпост машинно-колесной цивилизации. За этим мостом любые ухищрения механиков Форда были бессмысленны. Позади каменной твердыни расстояние подчинялось только человеческому шагу.

Тенсинг напомнил мне про кашаг. В цитадель вела крутая лестница. Открыв массивную дверь, я увидел широкий мощеный двор. Возле стены сидел человек в железных ножных кандалах. Он дружески улыбнулся мне. Ленивый пес валялся на солнцепеке. Ни души.

Совершенно незамеченным ко мне подошел молодой монашек; я спросил по-тибетски, где можно видеть тримпона. Подросток вывел меня по лестнице из крепости к маленькому домику, угнездившемуся возле входа в цитадель. Оттуда вышел человек с телосложением борца и выскобленным черепом. Вокруг шеи у него был обмотан белый шарф, а с пояса свисал меч в серебряных ножнах. Не удостоив меня даже приветственной улыбкой, он спросил, есть ли у меня кашаг. Я протянул ему грамоту с печатью.

Человек внимательно прочел бумагу, сложил ее в конверт и спросил по-тибетски, что мне угодно. Я объяснил, что хотел бы переночевать в крепости, достать провизию и нанять носильщиков для путешествия внутрь страны. Здоровяк пробормотал что-то слуге, и тот повел меня назад в крепость. Тенсинг взялся было за багаж, но слуга в голубом шарфе поверх потрепанного кхо напомнил, что в цитадель нельзя входить без белого церемониального шарфа. У Тенсинга его не было. Пришлось одолжить шарф; только после этого он с солдатом начал перетаскивать багаж.

Внутренний двор огибала галерея из толстых балок. Слуга подвел меня к пожилому монаху, которому передал распоряжение заняться мной. Мы залезли по жутко крутой лестнице, отполированной голыми пятками нескольких поколений монахов, на верхнюю галерею. Сюда выходили десятки дверей. Монах ввел нас в пустую свежепобеленную комнату.

— Здесь будете спать, — сказал он и добавил: — Общая кухня на первом этаже. О провизии вам надо договориться с ньерченом.

Каждым дзонгом, я знал, заведовали тримпон (властитель закона) и его заместитель по хозяйственной части — ньерчен, Властитель закона вершил правосудие в округе дзонга. Ньерчен занимался сбором налогов (вносимых натурой), хранением и перераспределением продуктов, собранных именем короля. Он же был главным и единственным ключником, носившим при себе ключи от королевских амбаров и громадных складов внутри крепости.

Нам сказали, что ньерчен отсутствует, так что до вечера не удастся получить никакой еды. Я уселся в пустой комнате; оба окна без стекол были закрыты ставнями. Открыв одну створку, я стал смотреть на реку, шумевшую у подножия цитадели.

Теплый ветер тихонько постукивал ставней. Тенсинг молча сел рядом со мной. Я чувствовал себя ребенком, проводящим свой первый день в интернате. Вот здесь теперь будет проходить моя жизнь; странное место, населенное еще более странными людьми, и в качестве постоянного спутника молодой тибетец...

Я всмотрелся в него внимательнее. Кто он? На кого похож? Люди раскрываются куда неохотнее, чем природа. Я ничего не знал о Тенсинге, а ведь нам предстоит делить с ним все: и хорошее, и дурное. Как мы сладимся?

Более внимательный осмотр показал, что он не такой худой, а, напротив, прекрасно сложен и очень силен. После свадебного вечера своей сестры он успел выбрить голову перед походом, и это показалось мне добрым знаком: он, видимо, понимал, что мы пробудем в дороге достаточно долго. А я совершенно забыл, что несколько месяцев кряду не попаду к парикмахеру! Кроме того, Тенсинг всячески показывал, что хотел бы мне понравиться, и был очень аккуратен с багажом. О его честности свидетельствовало то, с каким жаром он утверждал, что его новый родственник Норбу должен вернуть мне деньги за туфли.

Что говорить, я безусловно предпочитал Тенсинга Норбу. Лицо у парня очень приятное, даже утонченное, хотя глаза были слегка налиты кровью, что придавало ему странноватый вид. Возможно, виной была болезнь. К сожалению, Тенсинг сменил свою чубу на черные брюки и белую потертую рубашку, что придавало ему излишне «модерный» вид. В вещевом мешке у него были пара ботинок, сменная рубашка и старая куртка военного образца, знавшая лучшие времена.

Он запихивал в него сапоги и европейские брюки с рубашкой, взятые исключительно из уважения ко мне. Несколько дней спустя он признался, что отец долго наставлял его перед путешествием, велел служить хорошо и слушаться меня во всем. Отец добавил, что это прекрасный случай поручиться и перенять европейские манеры.

Тенсинг тоже был возбужден первым днем пути. Он восторженно ахал при виде примуса, купленного в Калькутте, недоверчиво щупал мою одежду и ватную куртку. Его пальцы впервые касались нейлона и алюминия. Узрев аптечку, он тут же закатал штанину и показал мне рану на ноге, а после радовался как ребенок сделанной по всем правилам медицинской повязке.

Ньерчен все еще не появлялся, так что приходилось ждать на голодный желудок. Я попробовал было разжечь новый примус, но выяснилось, что форсунка сломана. Попытки починить ее оказались бесплодными, и мы отправились на общую кухню.

Она помещалась в глубине дзонга. Вдоль стен были очаги с решетками, на которых молодые монахи готовили себе пищу. Один, завидев нас, предложил взять его медный таз с водой и воспользоваться, когда он уйдет, его огнем. Другие ребята, лет по двенадцать, принесли, куски дерева. Весть о нашем приезде быстро разнеслась по крепости (на кухне, как известно, новости циркулируют быстрее всего). Вскоре человек тридцать собрались в задымленном помещении поглядеть на нас. Самые юные хихикали, теребя себя за нос и обсуждая при этом длину моего — он значительно превышал местные каноны. Хотя им и раньше доводилось видеть иностранцев, они украдкой щупали мою одежду, а Тенсинг терпеливо втолковывал, что я не индеец, а очень ученый человек, приехавший с далекого-далекого Запада. Слово «француз» ничего не говорило ни Тенсингу, ни монашкам. Решив оставить своего спутника при деле, я отправился на прогулку.

Один молодой монах предложил стать моим гидом по дзонгу. Пройдя несколько

молелен, расположенных вокруг главного двора, мы миновали еще одну решетку и оказались во внутреннем дворе.

Все дворы опоясывали галереи, куда выходили двери комнат обоих этажей. Галереи были сделаны из толстых плах, вырубленных топором, и выкрашены в темно-красный цвет с узорами из символических лотосов.

Подобно большинству дзонгов, цитадель разделялась на две части: религиозную, где жили монахи, стояли молельни и святилища, и мирскую, где жил властитель закона и главный интендант. Там же была их собственная молельня, склады, а в подвале — кухни, цейхгаузы и арсенал.

Настоятель дзонга — третье по значению лицо после властителя закона и ньерчена. Нас поселили в мирской части, хотя никто не возбранял гулять по всей крепости. Женщинам в дзонге жить запрещается, и, когда они приходят в крепость, скажем, чтобы сдавать зерно в королевские амбары или по другому случаю, они имеют право находиться только в мирской части.

В Вангдупотранге, как в Тхимпху и Паро, меня поразили архитектурный талант людей, сумевших построить такую мощную и в то же время такую элегантную крепость. Дзонг не с чем сравнить, ибо у нас в Европе нет аналогов ему ни по размерам, ни по значению. Дзонг — не просто монастырь и крепость. Это в буквальном смысле град (огороженное стеной место), центр цивилизации, где живут сотни, а иногда и тысячи людей. Тут и ремесленники, и мясники, и повара, и монахи, и целый сонм господ, слуг, солдат и фуражиров. Дзонги являются гостиницами, где спят заезжие путешественники, рынками и тюрьмами.

Жизнь каждого бутанца связана с дзонгом общественно, политически и религиозно. Крепости напоминали мне гигантские трансатлантические теплоходы — замкнутые автономные миры в открытом море. Только здесь вместо воды вокруг теснились горы. В дзонги приходят жить монахи из более мелких монастырей; туда же приводят закованных правонарушителей. В дзонг являются все главы деревень на заседания административных советов, крестьяне — чтобы сдать продукты, воины — чтобы получить оружие. Все они остаются ночевать в крепости, где на узком мощеном дворе на глазах у всех разыгрываются ежедневно человеческие комедии или трагедии. Каждый становится свидетелем чужих радостей и горестей, выставленных на всеобщее обозрение и суд властителя закона, властителя провианта или властителя душ.

Подобная интимность делает удивительно насыщенной социальную жизнь страны и придает особое значение политической власти. Не удивительно, что при одном упоминании о дзонге лица крестьян из маленьких селений в долинах становятся почтительными. Ничто в жизни крестьянина не ускользает от внимания дзонга. Всякий раз, поднимая взор, королевские подданные видят колоссальную массу крепости, которая царит — в прямом и переносном смысле — над их жилищем и их жизнью. Несколько часов было достаточно для того, чтобы и я оказался в колдовской власти дзонга...

Конечно, я не забывал, что основные трудности давно ожидаемого путешествия еще впереди, и решил сегодня же вечером поговорить с властителем закона.

Правитель Вангдупотранга выбрал семейную жизнь. Обычно они оставляют жен у домашнего очага, а сами живут холостяками в дзонгах. Но здесь тримпон обитал в маленьком домике возле крепостных ворот, сочетая административную деятельность с семейными радостями. Внутри крепости это было бы невозможно, так как женщинам, повторяю, нельзя оставаться там на ночь ни под каким предлогом.

Я изложил хмурому тримпону свои намерения, уточнив, что хотел бы получить двух выюнных лошадей, с тем чтобы завтра двинуться в Пунакху. Он выслушал не перебивая, а когда я кончил, что-то буркнул себе под нос и повернулся ко мне спиной. Пунакха лежит в стороне от моего маршрута; я решил, взяв только самое необходимое, провести там несколько дней, прежде чем начать переход через Черные горы к форту Тонгса, первому этапу по пути на восток. Почти Сверенный, что просьба моя останется без внимания, я вернулся в дзонг.

Тенсинг поджидал меня с большой чашкой буровой жидкости, которую он отважно назвал чаем. Он, правда, объяснил, что это «инджи ча», другими словами — «английский чай», в отличие от супового тибетского чая — дьявольской смеси животного сала, соли, молока, веточек и случайно затесавшихся туда нескольких чайных листиков.

Я объявил, что сейчас научу его заваривать чай и в дальнейшем прошу действовать именно так. Никакой импровизации! Мой рецепт начинался следующим образом: прежде всего ты моешь руки в чистой воде, потом тщательно моешь чайник и чашки...

Наконец я кончил, полагая, что сделал доброе дело. Тенсинг одобрил рецепт и сказал, что сейчас так и сделает. Он взял мою чашку, выплеснул ее содержимое за окно и вытер подолом своей рубашки. Потом тем же способом вытер кастрюлю, руки и снова чашку. Затем сказал, что пойдет набрать чистой воды в роднике у подножия дзонга. Лицо его изобразило крайнюю степень удивления, когда я заметил, что с помощью воды можно также мыть чашки. Он с укоризной посмотрел на меня: ведь он так старался... И тут я понял, что в его действиях была известная логика: чем больше грязи оставалось на рубашке, тем меньше ее, следовательно, было в чашке и кастрюле!

Я решил, что в первый день не следует так капризничать. Если и дальше придирается к мелочам, он сочтет, что я несносен.

Было пять часов пополудни, а во рту у нас еще не было ни крошки. Монастырь подрагивал от ударов барабана; на двенадцати алтарях дзонга монахи меняли воду в серебряных кубках для приношений, стоявших перед невозмутимым Буддой или страшными масками демонов. Человек в ножных кандалах почему-то оказался у дверей нашей комнаты и смотрел на нас с удивлением. Вид у него был совсем мирный, хотя мне сказали, что он совершил попытку покушения на короля. Его не упрятали в темницу: целый день он мог сидеть на солнышке и наблюдать за жизнью дзонга. Довольно мягкое наказание...

У ньерчена в крепости жил сын, плотного сложения подросток лет шестнадцати. Войдя к нам, он робко сказал, что знает несколько английских слов, потому что король послал его учиться в школу в Калимпонг, и он был бы рад поговорить по-английски. Я охотно согласился, заметив при этом, что немного пищи добавило бы прелести нашему разговору. Юноша извинился за отсутствие отца, подозвал слугу, велел проводить Тенсинга на отцовскую кухню и дать ему риса и яиц.

Я поблагодарил. Юноша опустился рядом, внимательно разглядывая камеры.

— Можете меня сфотографировать? — спросил он после долгой паузы.

Я пообещал, и он начал расспрашивать о путешествии.

— У нас здесь все старое, зачем вы приехали?

Я объяснил, что меня интересует именно старина и что я давно мечтал приехать в Бутан.

Он явно не понял.

— Вы хорошо говорите по-тибетски.

Я поблагодарил за комплимент. — А зачем вам говорить по-тибетски?

И вдруг:

— Мой брат очень хорошо играет, хотите послушать его?

Я согласился сделать это, но только после еды. Тут мой юный гость поднялся и, прежде чем переступить порог, сказал, что в школе он учился в 7-м «Б», и спросил, есть ли седьмые «Б» во Франции. Ответ его очень обрадовал: всегда приятно сознавать, что у тебя есть коллеги в других частях света.

Час спустя появился Тенсинг с дымящимся блюдом риса. Из кармана он извлек четыре яйца и попросил показать, как их жарят.

Я забеспокоился:

— Как же так, мне сказали, что ты умеешь готовить!

— Умею. Я умею варить рис.

Этим ответом он полагал исчерпать тему. Все очень просто: мой повар умел варить рис. Рис, и ничего более. Абсолютно ничего! Его это не смущало, поскольку ничего иного он

не ел.

Не без отвращения я отправился на кухню, где познакомил его с «черной штукой» — так мы стали именовать перец. Вместе с банкой карри, бутылкой кетчупа и пачкой горчицы в порошке он составлял все приправы, которые я захватил в поход. Так что, не считая пряностей, которые можно было раздобыть на месте, «черная штука» и «желтая штука» (горчица) сделались вскоре похоронным аккомпанементом гастрономическому фиаско, которое я потерпел в Бутане. Да, была еще «белая штука» — разновидность пальмового масла.

Я показал Тенсингу, как класть немного «белой штуки» на сковородку, потом разбить яйца, добавить «черной штуки», соли и жарить. Обескураженный сложностью всех этих кулинарных манипуляций, Тенсинг сказал мне — и это была чистая правда:

— Лучше уж вам самому ее делать!

Так я и поступил, а Тенсинг, передавая мне необходимые ингредиенты, заметил, что было бы хорошо запастись сушеным мясом.

По возвращении в комнату Тенсинг вытер тарелки и вилки своей рубашкой, становившейся, увы, все грязнее и грязнее. Вопреки логике Тенсинга тарелки не стали от этой операции чище! Подбирая последние кусочки яичницы, я с умилением предавался воспоминаниям о Калае, поваре-непальце, который ходил со мной в район Эвереста, а потом в Мустанг. Какие он делал пельмени, когда снаружи бушевал дождь! Какие он пек пирожки на леднике! А его пироги — хотя первый представлял собой смесь шоколада с чесноком...

Приход старшего сына ньерчена с тибетской гитарой не очень скрасил мой обед.

Я добавил еще немного «черной штуки» и, проглотив последний кусок, тотчас встал, дабы изгнать из памяти воспоминания о том, что я ел.

Следующим утром на рассвете вопреки всем ожиданиям явился крестьянин, посланный тримпоном, чтобы отвести нас в Пуна-кху. Сидя на пороге, он смотрел, как мы одеваемся, потом с удивлением стал разглядывать мой спальный мешок. Удивление его возросло еще больше, когда он узнал, что мешок набит пухом. А когда он увидел сверкающие кастрюли, то тут же заявил, что нам придется платить по особому тарифу.

Тенсинг стал энергично защищать мои интересы, продолжая складывать багаж. Несколько чемоданов и узлов мы оставляли на месте. Времени готовить завтрак не было. Я вскрыл банку консервированного супа и должен признать, что в холодном виде, да еще натошак это не деликатес. Властитель закона следил за нашим отъездом с привычным безразличием.

Владелец горных лошадок громко прикрикнул на них, ибо животные осквернили священный чортен, обойдя его против часовой стрелки, а это большой грех. Мы попятились назад, и, пока мы так маневрировали, вьючная лошадь и мой пони вдруг исчезли, словно растворившись в прозрачном воздухе.

Посмотрели направо, налево, побежали туда, обратно, взобрались на холм, оглядели окрестности, спросили проходящего монаха; набегавшись вдосталь, мы уже собирались плюнуть на всю затею, как вдруг заметили позади рощицы маленький домик. У ворот амбара лежали наши сложенные вещи, стояли расседланные лошади, а проводник спокойно завтракал. Он прошел ровно 250 метров.

Я устроил скандал. Жена нашего караванщика в ответ улыбнулась — это была очень красивая женщина... Вскоре подпруги были затянуты, седла покрыли красными ковриками, на шею животным повесили колокольцы, и через минуту мы уже трусили на север к реке. Тенсинг ехал сзади, почтительно придерживая мои камеры.

На берегу реки остановились возле монастыря с двумя деревьями фантастических размеров. Сторож позволил осмотреть изящные барельефы в нишах на внешней стене здания.

Возле лошадей нас ждал глухонемой мальчик лет семи. Дорога теперь шла по кромке берега Мачу. В разгар муссона река превратилась в ревущий поток шириной 50 метров, чьи грязно-молочные воды, переполненные илом и песком, алчно лизали берег. Солнце жарило

вовсю. Каждые 100 метров берег сбегал вниз, образуя дивной красоты песчаные пляжи, напоминавшие взморье. В довершение картины жесткая трава трепетала на песчаных дюнах, полумесяцем окаймлявших пляжи. Если не смотреть на окрестные горы, можно было вполне вообразить себя в Сахаре.

Лошади вязли в нагретом песке. В ущелье было нечем дышать, словно в печке. Пляжи созданы для отдыха и полуденной дремы, а не для марш-броска...

Я слез с лошади: дорога была ровной, а деревянное седло, несмотря на положенный сверху коврик, оказалось чертовски неудобным. В прежних походах по Гималаям я редко двигался верхом, и, поскольку в дальнейшем на эту роскошь рассчитывать не приходилось, надо было тренировать ноги. Уже скоро три года, как они служили мне декоративной принадлежностью, годной лишь на то, чтобы нажимать на педаль акселератора, а при случае — на тормоза. И сейчас это хорошо давало себя знать: ноги вдруг начинало ломить в самых неожиданных местах и, как обычно, не вовремя.

А что, если искупаться? Для Тенсинга это могло бы стать полезным крещением — он окунется впервые в жизни.

После трех часов ходьбы сделали привал на одном из уютных пляжей. Тело у Тенсинга оказалось чистым, зато на своем я обнаружил невероятное количество дорожной пыли. Вода была ледяная в буквальном смысле: поток вырывался из-под ледника километрах в пятидесяти выше. Купание прошло благополучно, хотя я лязгал зубами от холода.

Тенсинга разморило на солнце. Лошади разбрелись щипать траву, а караванщик исчез. Глухонемой ребенок, естественно, не мог мне ответить, надолго ли. Давно пора в путь. Не за тем я приехал на край света, чтобы нежиться на пляже! И тем не менее в последующие месяцы купание в Мачу оставалось сладким воспоминанием. Название «Мачу» означает «матушка-река»: южнее, в Ассаме, индийцы называют ее Санкош за ленивый бег. Я жестами пытался послать мальчонку за караванщиком. Оказалось, тот прикорнул под кустом. Да, Христофора Колумба, как видно, из меня не получится: великий капитан вряд ли допустил бы подобную расхлябанность...

Дорога поднялась на довольно широкий карниз, кое-где врезавшийся в скалу; часто встречались побеленные известью чортены и длинные молитвенные стены.

Мы двигались к Пунакхе. Сколько раз за эти десять лет я произносил это слово — первое бутанское слово в моей жизни! Во всех прежних атласах оно соседствовало с двойным кружочком, уравнивавшим Пунакху в правах с остальными столицами. Оно было выписано такими же буквами, как Париж, Лондон и Вашингтон, но мне не удалось до 1968 года раздобыть хотя бы одну фотографию этого города. Четыре года назад Пунакха перестала быть столицей, титул перешел к Тхимпху. Но в действительности Пунакха по-прежнему оставалась зимней столицей страны, а Тхимпху делалась ею лишь на лето.

Солнце висело в зените, жара стала совсем невыносимой. Теперь понятно, почему у стен Вангдупотранга могли расти кактусы и почему пунакхские монахи приводили лето в Тхимпху. Разница в температурах между двумя столицами зависит не только от перепада высот. Мачу в верхнем течении бежит по своего рода «долине смерти», природной печи, глинистые берега которой поглощают солнечные лучи и накаляют воздух настолько, что там не собираются дождевые облака даже во время муссона. Зимой же Вангдупотранг и Пунакха превращаются, как мне рассказывали, в дивный рай, окруженный со всех сторон сугробами. В этой климатической аномалии возле снежных полей растут бананы!

Долина начала расширяться. Мы по-прежнему шли по песку, пляжи манили прилечь отдохнуть на берегу пенистой Мачу. Внезапно за поворотом словно поднялся зеленый занавес — и возникла Пунакха.

Передо мной расстилалась плоская долина, покрытая нежной зеленью рисовых полей, среди которых были разбросаны редкие домики, в общей сложности пять-шесть, не более. Конечно, иную картину ожидаешь от столицы государства с населением почти в миллион человек.

Только подойдя ближе, я различил необычное великолепие дзонга. Он походил на

какой-то фантастический каменный ковчег. Воды Мачу омывали фундамент. Дзонг был выстроен на холмистом мысу, маленький рукав Мачу огибал его с тыла, так что стены со всех сторон были защищены водной преградой.

Чем ближе я подходил, тем грандиознее становилась твердыня. Она поднималась на высоту десятиэтажного дома над рекой и вытягивалась на 300 метров в длину. Пунакха казалась каким-то архитектурным наваждением. Город-чудовище вырастал без перехода посреди пасторального пейзажа. Стены, слегка отклонявшиеся назад, делали крепость очень естественной, будто она была продолжением холма. Строгие линии всей массы лишней раз доказывали, что бутанцы и тибетцы, пожалуй, самые умелые архитекторы Азии.

Ни в Китае, ни в Индии, ни в Юго-Восточной Азии нет сооружений с такими строгими пропорциями. Как правило, храмы и здания там представляют собой нагромождение скульптур и украшений, не подчиненное потребностям внутреннего жизненного пространства и общему рисунку. Если проводить различие между украшением и формой, то бутанская и тибетская архитектура окажутся в ряду самых изысканных и гармоничных в мире.

Использование чуть наклонных стен, окон разных размеров и линий кровли, подчеркнутых более темными фризами, — все это создает гармоничное противопоставление горизонталей и слегка отклоненных вертикалей.

Наиболее известная постройка тибетского мира — лхасская Потала, но дзонги Пунакхи, Паро и Тхимпху являются не менее великолепными памятниками строительного искусства. Более всего они поражают современностью своего замысла, особенно если вспомнить, что крепости были построены в XVI веке, а ведь стиль зародился в X–XII веках.

Вот она, легендарная столица, так долго бывшая закрытой для всех. Пунакха известна куда меньше, чем Лхаса. Даже сегодня можно пересчитать по пальцам ее редких посетителей. Страна Дракона не спешила открывать двери остальному миру.

Хотя четыре года назад король избрал официальной столицей Тхимпху, понадобится куда больше времени, чтобы лишить Пунакху ее прерогатив. Она по-прежнему насчитывает наибольшее количество монахов в стране. Я, однако, не удивился, что сейчас, в разгар лета, Пунакха оказалась практически пустой. В начале июня монахи дружно перебираются в летнюю столицу. Кстати, делают они это пешком — ночуют в крохотном монастыре, Чиме, чуть к северу от Вангдупотранга, а утром переваливают через хребет на дорогу, ведущую в Тхимпху.

Рисовые поля кончились, и тропа уткнулась в подвесной мостик. Здесь лошадей пришлось оставить: переводить их по натянутым веревкам было рискованно. Пунакха неприступна, но в равной степени туда нелегко войти и с добрыми намерениями.

За три года до моего приезда Мачу подточила фундамент крепости и соединилась рукавом со своим притоком, окончательно отрезав дзонг от Большой земли. Подъемный мост из толстенных деревянных балок, казалось бы надежно укрепленный в каменных барбаканах, снесло разливом. В Пунакхе были спешно предприняты большие работы: укреплен фундамент, насыпаны высокие валы на берегу, но временный подвесной мост до сих пор заменяет прежние массивные сооружения, по которым сотни лет ходили в крепость.

Веревки отчаянно раскачивались, и идти по наложенным на них доскам было не самым приятным делом. Наконец мы ступили на твердую почву, своего рода низкий остров с десятком домов и шестью лавочками из темных досок. Здесь жили чиновники, предпочитавшие ночевать в семье.

В который раз уже я с удивлением констатировал, что возле дзонга нет ни селений, ни даже слободы, а ведь Пунакха много веков была столицей. Город целиком помещался за крепостной стеной.

У входа я спросил, где можно видеть тримпона. Мне ответили, что властитель закона вместе с ньерченом отсутствует: летом дзонг вымирает. Из начальства остался только тримпон-рамджам. Титул рамджамов дается местным выборным руководителям, управляющим небольшими, входящими в юрисдикцию дзонга районами. Обычно

насчитывается пять-шесть рамджамов, двое работают в дзонге помощниками главного интенданта.

Здесьний рамджам оказался высохшим старцем с седыми волосами. Он встретил нас традиционным равнодушием (с которым я уже примирился) и, не предложив даже чашки чая или стакана воды, потребовал кашаг. Прочтя его, он отвел нам комнату в королевском бунгало на берегу реки. Очень хотелось есть, поэтому Тенсинг сразу же приступил к своему коронному номеру— приготовлению риса; кухня располагалась в хижинке рядом с домом. Рамджам исчез, а я отправился в лавки.

Приятный сюрприз: на прилавках стояли корзины с гранатами; до сих пор мне не доводилось встречать эти фрукты в Гималаях. Грызя гранат, я продолжал перебирать вещи на прилавках. Неожиданно вошел рамджам. На сей раз он оказался куда приветливее и даже попросил сфотографировать его. Мы условились, что после завтрака осмотрим дзонг.

Расплатившись с караванщиком и потрепав на прощание по головке его юного спутника, я зашел к Тенсингу. Он походил на черта, хлопчущего возле адского огня: щедрой рукой сыпал варево черной, белой и желтой «штуками». Видно, поварской талант у него в крови! Если не считать, что рубашка, служившая полотенцем, совсем засалилась и вытирание тарелок мало что давало...

Наша штаб-квартира представляла собой большое шале, окруженное садом за каменной стеной, в котором густо росла трава и яркие цветы. Старуха с беззубой улыбкой — сторожиха — пришла взглянуть на мой багаж, дабы выяснить, кто я такой. Я не сумел сказать ей ни слова, поскольку в эту минуту появился Тенсинг со своим издеиом и мы уселись за стол. Рис был абсолютно безвкусный, несмотря на соль, перец и большие чашки с водой, в которой плавал порошок «карри». Из кармана брюк Тенсинг извлек нечто, живо напоминавшее шнурки для ботинок.

— Кушайте, это сушеное мясо, я купил его в Вангдупотранге.

Он не успел еще закончить тираду, как воздух в комнате наполнился запахом гнилого мяса. Я поспешно вернул связку Тенсингу, бормотнув что-то насчет того, что сушеное мясо еще недостаточно просушилось.

— Зря, очень вкусно, — заметил мой спутник.

Я ответил, что не особенно голоден. Тенсинг разочарованно запихнул ремешки в карман и с аппетитом набросился на рис. Я последовал его примеру, хотя и с меньшим энтузиазмом. «Антизавтрак» прошел в полном молчании. Разделавшись с пищей, я со старым рамджамом отправился осматривать дзонг.

Пройдя еще один висячий и столь же шаткий мост, мы оказались на маленькой платформе у громадного входа в крепость. Туда вели два марша крутых ступенек. В случае нападения лестницу разрушали, вход повисал высоко в воздухе, а колоссальные ворота, усеянные стальными заклепками, закрывали.

По обе стороны ворот располагались маленькие тоннели, пробитые в толстой стене. Выше виднелись узкие бойницы, сквозь которые вели наблюдение за окрестностями. Центральная башня Пунакхи насчитывала семь этажей и господствовала над всей долиной. Примыкавшее к ней четырехэтажное здание опоясывали ряды галерей на толстенных деревянных столбах.

Мы поднялись по очереди на все этажи, осмотрели молельни и залы собраний. Описание их заслуживает отдельной книги. Фрески, золотые и серебряные вазы, резные, покрытые позолотой статуи составили бы гордость любого европейского музея.

Оставив первый двор, мы с рамджамом перешли во второй, где оказалось еще больше молелен и зал, причем в каждой возле стен стояли гигантские будды по 7–8 метров высотой. В общей сложности в дзонге насчитывалось 36 молелен и семь больших зал, соперничавших убранством и размерами.

Словно Алиса в стране чудес, шагал я за своим гидом, карабкался по шатким лестницам, углублялся в темные коридоры, заглядывал в окна или выходил на балкон, откуда открывался великолепный вид на реку. Золото, яркие краски, голубые и оранжевые

потолки создавали впечатление затейливого калейдоскопа. За все время нам не встретились ни одна живая душа. Казалось, я брожу по городу мертвых, отданному бесстрастным божествам и безмолвно ярившимся демонам. Дзонг походил на обитель духов, тантристский пантеон.

Двухчасовая прогулка закончилась в зале шириной 50 метров, где потолок поддерживал целый лес столбов. Это была южная оконечность крепости, выходящая на место слияния двух пенистых потоков, где помещалась главная, хотя и не самая большая зала дзонга — здесь в прежние времена заседало национальное собрание. Стены были изукрашены до самого потолка, а в центре устроен большой прямоугольный атриум. В нем на возвышении стоял трон в виде квадратной деревянной башни. Огромные занавеси из тончайшей парчи ниспадали сверху, словно рыба чешуя.

Даже после дзонгов Паро, Тхимпху, Вангдупотранга и Симтока я совершенно не был подготовлен к великолепию и почти устрашающей пышности этой цитадели.

Понадобились бы недели, если не месяцы, для того чтобы ознакомиться хотя бы с частью сокровищ Пунакхи. Здесь были подарки, изготовленные крестьянами страны, пышные подношения послов далай-ламы и бывших вассалов короля, все богатство бутанского искусства. Ремесленников-умельцев непременно посылали в Пунакху, где они исполняли заказы князей и лам. Ничего удивительного, что бутанцы, засев за крепкими стенами этой цитадели, осмеливались бросать вызов Тибету, ассамским князьям и англичанам в Индии.

Укрытая в жгучей долине, отрезанная со всех сторон зимними снегами и летними разливами, Пунакха выглядела абсолютно неприступной. И это не только впечатление, но факт: за всю историю Пунакху никто не смог одолеть; вплоть до второй половины XX века она сопротивлялась нашествию технологической цивилизации. Впрочем, последнее относится не только к Пунакхе, но и ко всему Бутану, выдержавшему искушение и сохранившему свои оригинальные формы правления, религии и искусства — все это в век, когда искусства и религии, не говоря уже о политической жизни, в большинстве стран подверглись либо влиянию заграничных идей, либо финансовой лихорадке.

Мы вернулись с рамджамом по шатким мостикам на площадь перед крепостью. Старик предложим зайти к нему на чашку чая. Чай оказался не единственным напитком в доме, и к вечеру мой гид захмелел. Взяв меня за локоть, он стал показывать знаки своей власти: вытащил из ножен длинный меч и, не отрывая взора от стального клинка, торжественно произнес:

— Вот. Благодаря этой вещи никто не смеет перечить мне. И если я говорю «да», то так и будет.

Потом, достав со стены старое ружье, продолжил:

— Ну а если кто-то проявит строптивость, есть еще и это. Но меня все слушаются и говорят «спасибо». У нас не возникает трудностей.

Водрузив ружье на место, рамджам вдруг извлек из кармана своего синего кхо пистолет. Мне стало не по себе, и я начал уговаривать старика положить оружие назад. Его власти здесь ничто не угрожает, и я бесконечно восхищен им.

Вообще говоря, рамджам и в самом деле не обычный чиновник, а лицо, от которого зависят жизнь и благополучие тысяч людей, мир и покой целого края. В горной провинции, где не знают телефона, машин и полицейских патрулей, уважение к закону зиждется на почтении к властям и страхе перед наказанием. Оставшись один в крепости после отъезда тримпона, старый рамджам должен был выступать в качестве единовластного судьи, сборщика налогов, почтмейстера, хранителя государственных складов. На его попечении были также цейхгаузы и арсенал крепости, он распределял земельные наделы крестьянам, и за все это держал ответ перед королем. Капитан, стоящий у руля области с населением 10 тысяч человек. Нелегкая задача! Я смотрел теперь на меч, ружье и пистолет не как на атрибуты устрашения, но как на символы власти. Кстати, когда ночью захлопывались тяжелые крепостные ворота, оружие могло оказаться нелишним. В эту ночь, как и много

веков назад, на верхушке учи устраивается дозорный с большим барабаном, а по опустевшему двору и галереям будут расхаживать стражники в шелковых тогах с перекрещенными на груди шарфами — королевская рать, воины гьялпо.

В Бутане денежный достаток не является целью жизненных устремлений, поэтому вполне естественно, что рамджам показал мне эмблемы своего ранга. Серебряный меч — главный атрибут здешнего престижа. Кроме меча, ружья и пистолета в набор официальных эмблем входят также шелковый мешок и кошелек. Два последних предмета рамджам осторожно извлек из большого бумажного пакета бутанской выделки и с гордостью прикрепил их к поясу.

Жена рамджама, маленькая старушка с усталым лицом, подавала на стол, заботясь, чтобы не пустел сосуд с рисовой водкой. Это зелье куда крепче ячменного пива «чанга». Сидя на ковре, подвернув под себя ноги, я пил ее маленькими глотками из серебряной чаши. Владелец меча и ружья уже сильно клевал носом и настоятельно просил меня пожаловать завтра утром на соревнования по стрельбе из лука, которые он решил устроить в мою честь. Лучшие лучники округа будут состязаться у подножия дзонга.

Не сомневаясь, что столь грандиозные замыслы родились в голове рамджама под влиянием рисовой водки, я очень вежливо попросил его не беспокоиться. Старик расстроился. Тогда я добавил, что завтра утром мне совершенно необходимо покинуть его гостеприимный чертог: Пунакха вымерла, мне не у кого получить интересующие меня сведения, да и путь предстоит неблизкий. Два дня в Пунакхе ничего не добавили бы. Тут следовало прожить несколько месяцев.

Да, завтра на рассвете мы уходим. Я уловился с совсем разомлевшим рамджамом о верховой лошади; кроме того, он обещал дать носильщика и проводника: я непременно хотел осмотреть два монастыря, лежащие на другом берегу Мачу.

Было уже далеко за полночь, когда я покинул дом рамджама. Он заботливо отрядил мне в провожатые своего слугу с факелом, иначе я наверняка заблудился бы на пути от площадки лучников до своей резиденции.

Во тьме смутно угадывалось детское лицо Тенсинга. Спать мешали москиты. Закурив, я вышел на веранду. Луна обливала молочным светом заросший сад, все было безмолвно, и только рокот реки под стеной дзонга, высившегося словно утес, нарушал тишину. Целый час я простоял так на пороге комнаты, глядя на цитадель и вопрошая мироздание.

Позади черных гор

Сумерки сгущались, и ворота Вангдупотранга вот-вот должны были захлопнуться, когда мы с Тенсингом, изнемогшие и вымокшие под дождем, прошли через калитку в кактусовой изгороди. С шести утра мы медленно поднимались по склону над Пунакхой к монастырю Нгор. Я надеялся еще дойти до монастыря Тало, самого почитаемого в Бутане, но не понял проводника, и мы остановились буквально в часе ходьбы от него.

Нгор, впрочем, тоже оказался интереснейшим местом. Монастырь стоял на карнизе высоко над долиной Мачу в окружении сосен и затейливо покрашенных домиков.

Покинув священное место бутанского ламаизма, мы продолжили путь по западному берегу Мачу. И тут нас застигла жуткая гроза. Молнии пронзали завесу воды, а сильнейший ветер едва не сбивал с ног. Горы окутались тучами, тьма упала среди бела дня. Бутан называют Страной дракона, поскольку здесь верят, что гром испускает дракон, мчащийся по небесам (тибетское слово для обозначения грома в буквальном переводе означает «глас дракона»); некоторые историки полагают, что Бутан обязан своим наименованием частым здесь грозам.

Мы переночевали в Вангдупотранге и стали готовиться к походу на восток. Ньерчен наконец-то вернулся в крепость. Взяв тяжелую связку ключей, он повел нас к амбару внутри

дзонга. Королевские печати скрепляли створки дверей. Взломав их, ньерчен зашел в амбар в сопровождении слуги. В руке у того была деревянная мера и круглая палочка. Слуга наполнял меру рисом, разравнивал палочкой и вел счет, высыпая содержимое в подставленный Тенсингом мешок. Мой кашаг позволял покупать рис по государственному тарифу. Кроме ньерченых, никто не продал бы мне риса, а если и сделал бы это, то заломил бы сумасшедшие деньги.

У властителя закона я попросил подготовить на завтра четырех лошадок или мулов. На них мы навьючим шесть тюков с багажом и провизией. Тримпона я нашел в центральном помещении дзонга. Стены его были увешаны мечами, тремя устрашающими кнутами и двумя мерами, очень похожими на ту, которой пользовался ньерчен. Но здесь это были чаши правосудия. С легкой улыбкой властитель закона показал мне орудия своего труда.

Вечером ньерчен пригласил меня отужинать с ним и его сыновьями. Блюда были очень простые, типично бутанские — их подают и в крестьянском и в господском доме: рис с овощами и множеством чашек чая, сдобренного маслом. Ньерчен, дородный человек с благодушным лицом, рассказал мне о своей карьере. Он много лет прослужил в королевской свите в Тхимпху, прежде чем получил назначение на свой нынешний пост.

После ужина хозяин показал мне различные бутанские меры веса. Старший сын заметил, что на все важные должности, такие, как властитель закона и главный интендант, люди назначаются эдиктом короля.

— Тут как повезет, — уточнил молодой человек. — Если вы понравитесь королю, значит, все в порядке.

Следующее утро выдалось солнечным, вершины гор над Вангдупотрангом приветливо золотились. Властитель закона, главный интендант, десятка два монахов и закованный узник вышли пожелать нам счастливого пути.

Вьюки укрепили на трех мулах; операцией командовал крепкий старик в красно-синем халате. Это был Вангду, богатый крестьянин, отряженный тримпоном нам в проводники. Извозная повинность является одной из многочисленных отработок натурой в пользу короля и называется «улаг». Каждый крестьянин обязан выполнить улаг, предоставив дзонгу своих лошадей и себя самого.

Вангду, не теряя времени, объяснил, что терпеть не может извозной повинности и отправляется только потому, что нет другого выхода. Естественно, он взял своих худших мулов, дабы не утомлять хороших длинной дорогой.

— Кто ездит в эту пору! — бросил он, заставляя нас перевьючивать багаж, и добавил: — Очень много воды в горах. Дней за шесть, не раньше попадем в Тонгсу.

— Шесть дней? — запротестовал я. — Властитель закона говорил, что хватит пяти, а то и четырех!

— Властитель закона, — бормотал Вангду. — Что он знает! Говорю вам, шесть дней, — значит, шесть...

Н-да, многообещающее начало. Оставалось надеяться, что проводник не бросит нас на полпути. Как бы то ни было, придется провести шесть суток в его обществе. Зато Тенсинг был прекрасно настроен: его захватила походная лихорадка.

— Я мало где был, — улыбаясь во весь рот, сказал он. — А теперь посмотрю весь Бутан.

С каждым днем я все больше радовался, что мне достался такой прекрасный парень, как Тенсинг. Повара, правда, из него не получилось. Я купил несколько белых тряпок специально для вытирания посуды, с тем чтобы сохранить его рубашку... Но свыкнуться с мыслью, что ему придется стирать эти тряпки, Тенсинг не мог.

Перед выходом мы по традиции обошли лавчонки у стены дзонга. Нам говорили, что это последние торговые точки на нашем маршруте. Я закупил в дорогу сигарет и горького сырого табака, ввозимого из Индии. Тенсинг настаивал на покупке сушеного мяса. Я пытался возражать. Как можно более твердым голосом я сказал, что это мясо — источник всех хвороб и желудочные болезни в Бутане вызваны именно им. Тенсинг упорно твердил,

что оно прекрасно для здоровья, и умолял купить хотя бы немного... В конце концов я согласился и, согнав мух со связки дурно пахнувших шнурков, отдал их сияющему Тенсингу.

Мы взяли курс на маленький лесок священных сосен в долине — то была дорога на Тонгсу. Что нам уготовили горы и погода? Загадка.

Отойдя каких-нибудь 600 метров, наткнулись на стаю коршунов, пировавших на останках пони, сорвавшегося с виража пятнадцатью метрами выше. Лошадка валялась, выставив к небу одеревеневшие конечности. Доброе предзнаменование!..

— Жаль лошадь, — с горечью сказал Тенсинг, глядя на труп, от которого исходил запах, живо напоминавший сушеный деликатес, которым потчевал меня повар. Это зрелище удержало меня от идеи сесть на костлявого мула с яростным взором, которого Вангду предоставил в мое распоряжение.

Дзонг скрылся из виду. Я шагал впереди каравана. За мной брели три мула, тяжело груженные бесценным багажом. Мой собственный маленький мирок был в пути. А название «Ринак» (Черные горы) вобрало в себя разом весь образ Бутана: темная масса гор на карте. Нам предстоит подняться на 3300 метров, а с перевала должен открыться новый вид — внутренний Бутан, где до меня побывали лишь три-четыре европейца.

От раздумий меня то и дело отрывал пронзительный голос Вангду, погонявшего мулов грозным «дро!». Те, надо признать, не особенно реагировали на крики и то и дело норовили остановиться пощипать траву. Солнце жгло немилосердно. Скорей бы подняться на высоту...

Три часа мы шли вдоль реки по откосу, потом осторожно спустились, чтобы пересечь ее в месте слияния с другим потоком. На противоположной стороне была тень, стеной поднимался тропический лес и виднелись террасы полей, засеянные злаками.

Но когда мы перешли по деревянному мостику, пейзаж разом изменился. Дорога к Черным горам, представлявшая до этого тропу примерно в метр шириной, сузилась настолько, что едва различалась на глинистой почве. Приходилось двигаться бочком, прижимаясь к склону горы. Вангду объявил, что мулы слишком нагружены, и каждые 50 метров останавливал их для отдыха. По лицу у меня струился пот, очень хотелось сесть на мула, но Вангду отрезал: об этом не может быть и речи, слишком крутой подъем. Мы ползли как улитки по самому солнцепеку.

Ненавижу такую ходьбу. Она утомляет гораздо больше, чем ритмичный подъем, а до перевала еще очень далеко. Остановились, тяжело дыша, в тени одинокой сосенки, развьючили мулов и пустили их на травку.

Снизу нас нагнали еще два путника и, шумно отдуваясь, расположились по соседству. Они с любопытством оглядели мое европейское платье и осведомились, не индеец ли я. Тенсинг объяснил, что я с «Дальнего Запада», «самый ученый человек в мире». Попутчики широко раскрыли глаза. Тенсинг упрямо гнул свою линию:

— Да-да, он знает все обо всем.

Я смущенно улыбнулся. Мне действительно страшно хотелось все знать, прежде всего — когда мы перевалим через Черные горы, двигаясь в таком темпе.

Чуть позже, уже поднимаясь, я услышал, как Тенсинг рассказывал Вангду о моей гениальности: мне-де известна вся история Бутана и все здешние обычаи. Старик недоверчиво хмыкал. Это просто бесчеловечно, ответил он, заставлять человека в его возрасте карабкаться на такие кручи.

— Ох апа (совершенно верно), — поддакивал безотказный Тенсинг.

Все же мы не удержались, чтобы не подразнить проводника.

— Тебе, конечно, тяжело идти, — начал Тенсинг, — но каково мулам! Они ведь раза в два старше тебя, — и он шлепнул по крупу самого медлительного.

Старик впервые за все время улыбнулся. Разговорившись, он поведал о своих дальних вояжах. Родом он из-под Тонгсы, куда мы как раз держим путь; шесть раз ему пришлось ходить в Лхасу. Он возил туда рис — раньше это была основная статья бутанского экспорта.

Вот, кстати, почему Вангду так хорошо говорил по-тибетски. Господствующий диалект в Тхимпху, Паро и в верховьях долины Мачу — дзонгкха. Иными словами, «язык крепостей», на котором говорят образованная знать и чиновники. Дзонгкха очень похож на тибетский. Но в долине Тонгсы, равно как и во всем внутреннем Бутане, распространен другой диалект.

Было уже четыре часа дня, когда склон стал чуть положе. Тоненькой змейкой по дну долины текла река, а далеко на юге белым пятнышком выделялся дзонг, в котором мы провели ночь. Среди полей там и тут были разбросаны домишки, но и они исчезли, когда мы ступили на гребень хребта.

Против всякого ожидания в небольшой ложбинке мы увидели маленькое озеро в окружении великолепных сосен. Озеро выглядело настолько сказочным, что я не стал возражать, когда Вангду объявил, что здесь мы заночуем.

После полуденной жары и крутизны царственные сосны и шелковый травяной ковер, устланный сосновыми иглами, под густой тенью напоминали райские кущи. Это место называется Самтенгаг; как мне сказали, здесь король обычно останавливался по пути к Тонгсе. Какое счастье, что дневной марш закончен! Впереди еще бесконечное множество часов, когда придется вот так шагать вверх и вверх...

Вангду добавил, что дальше целые сутки не будет источника. Конечно, раз сам король ночует здесь, место вполне подходит и для меня, «самого умного человека в мире»! Старик улыбнулся шутке. В лесу он показал, где разбивают шатер для его величества. Место представляло выровненную площадку, разделенную на три тенистые платформы, по краю которых окрестные жители насадили дикие ирисы. Между деревьями возвышались обломки скал, поросшие мхом; все вместе напоминало японский сад. Чуть поодаль проглядывали цветы лотоса. Поистине волшебный уголок!

Лес был священный. Мне не раз уже показывали подобные леса. Старик пояснил, что в них живут «лу» — божества земли, а один особый «лу» проживает на деревьях. В стороне от королевского лагеря, среди камней, в нескольких футах над землей был вход в пещеру. Его украшали молитвенные флаги. Здесь, с почтением возгласил проводник, живет очень важный «лу».

Это была моя первая встреча в Бутане со странными божествами, не принадлежащими ни к буддийскому, ни к индуистскому пантеону. Они сохранились от древней религии бон, которая, как я вскоре убедился, имеет еще немало приверженцев в Бутане.

Я хотел было разбить палатку на берегу озера, но Вангду категорически воспротивился. Во-первых, у него самого нет палатки, а потом, я, как важная персона, обязан ночевать в школе.

— В школе? — переспросил я.

— Да, в школе. Она здесь.

И он повел меня по скользкой тропинке между скалистыми выступами. Передо мной открылась еще одна темно-зеленая ложбина, где стояли дома, а поодаль высились два белых монастыря.

— Вот она, школа.

Он указал на большой бутанский дом прямо под нами — новое двухэтажное деревянное здание с маленькими готическими окнами по фасаду и тюдоровской надстройкой посередине.

— Пять лет назад Джигме Дорджи приказал открыть в провинции более сотни подобных школ, — рассказал мне молодой «лопда дакпо» (школьный учитель).

История создания этих школ очень интересна. Поначалу король отобрал по всей стране способных детей и отослал их в Калимпонг учиться английскому. Затем королевским эдиктом было велено построить повсюду, включая самые отдаленные районы страны, школьные здания.

Внешне все выглядело просто, однако я помнил, что в Непале, несмотря на значительную помощь и давнее распространение английского, в затерянных уголках Гималаев не удалось создать ничего подобного.

— Многие дети живут очень далеко отсюда, — продолжал учитель. — Поэтому они остаются в интернате и сами себе готовят. Король выделяет школе рис.

Он ввел меня в один класс — совершенно пустое помещение с гладким деревянным полом, на котором сидела стайка ребятишек в черных кхю; они дружно приветствовали меня по-английски.

— Здесь они учатся дзонгкха и английскому. Учебников не хватает, но сейчас в Тхимпху готовятся к их изданию, — рассказывал наставник.

В следующем классе дети читали что-то нараспев. Письменного бутанского языка не существует. Монахи и правительство пользуются тибетским. Но как раз сейчас несколько ученых-лингвистов вырабатывали бутанскую грамоту, используя тибетский алфавит и упрощая орфографию, которая в литературном тибетском невероятно сложна.

Молодой учитель понравился мне своей начитанностью и энергией. Когда я спросил, что побудило его выбрать столь отдаленное место, он ответил: «Такова была королевская воля. И потом, я ведь тружусь на благо страны».

Учителей-бутанцев еще очень мало, так что во многих школах английский преподают индийцы. Мне довелось встретить впоследствии несколько таких педагогов.

Погода утром была сырой и туманной, в священном лесу накрапывал дождичек. Мы обогнули озеро и продолжили путь по вчерашнему карнизу. За поворотом гребень сплошь покрывали рододендроны. Добрых четыре часа мы шли сквозь кустарник. Вангду подал пример, сорвав несколько веток, усыпанных сладчайшими мелкими ягодами, и мы стали жевать их на ходу.

Тенсинг рассказывал о своем детстве в Тромо — название этой тибетской области, окаймляющей Бутан с северо-запада, в переводе означает «жара». Однако вопреки своему наименованию этот край представляет собой холодную пустыню, где пастбищное скотоводство является единственным средством существования. Отец его был родом из Кхама, и Тенсинг гордился своим родством с кхампа — гордыми кочевниками Восточного Тибета, славящимися своим ростом и силой.

Однажды ночью, взяв жену, Тенсинга и его сестру, отец двинулся через перевал в Северный Бутан. Отец Тенсинга был знаком с влиятельными людьми в Бутане и получил разрешение остаться в Тхимпху.

У сестры Тенсинга оказался красивый голос, привлекавший внимание короля. Ее неоднократно приглашали ко двору петь тибетские песни. Тенсинг сообщил, что король — большой любитель музыки и часто приглашает во дворец группы певцов и танцоров. Тенсинг показал мне очень красивые швейцарские водонепроницаемые часы.

— Это король подарил моей сестре, — гордо сказал он. Интересно, сколько же тонн часов должен ежегодно ввозить король из Швейцарии: ведь я встречал десятки чиновников и людей попроще, носивших лучшие изделия женевских часовщиков! Все они утверждали, что получили их в подарок от короля.

— Я уже был старей, чтобы ходить в школу, когда мы приехали в Бутан, — заметил Тенсинг с грустью.

Он работал прислужником у Паро Пенлопа, много ездил с ним по северу Бутана. В одной из поездок он заболел и с тех пор вынужден помогать отцу содержать крохотную чайную на базаре Тхимпху.

Разговор перешел на трудности нашего пути. Мы обменялись впечатлениями о мулах и их хозяине, окрестных домах и полях, и еще мы много говорили о девушках. У Тенсинга было много подружек, но, как он сказал, ему придется жениться «еще очень-очень нескоро».

— Без дома, без земли что я буду делать с женой? — развел он руками.

Я согласился. Но позже он очень удивил меня, когда я спросил, какое у тибетцев самое сильное желание. Не задумываясь, он ответил: иметь сына. Замечание быстро поставило меня на место. Я подумал, что бы ответили мне молодые люди на Западе. Скорей всего — деньги, собственный дом, гоночную машину, легкую жизнь. Разве вырвался бы у двадцатилетнего американца или европейца такой ответ: «Иметь сына»? Хотя самая большая

радость для взрослого человека — это дети...

Все утро осклизлая тропа ползла вверх по карнизу, заросшему сплошной стеной рододендронов. В густых кустарниках не было видно соседних гор, и, казалось, мы достигли туманной вершины.

Постепенно лес рододендронов уступил место высокогорным лугам. В тумане можно было различить черные туши пасшихся быков. Размытые силуэты их двигались словно призраки в белой пелене, окутавшей мир.

Еще через какое-то время подул ветер, разгоняя туман, и сквозь насупленные тучи ударил в глаза пронзительный луч солнца. Вангду объявил привал.

Мы уселись прямо на сырую траву и закурили. Десять минут спустя нас нагнали вчерашние попутчики. Они тоже направлялись в Тонгсу. Потом появились еще четверо мужчин и ребенок, разглядывавший нас любопытными глазенками. Вновь прибывшие оказались высокими мускулистыми горцами с четко выраженными монголоидными лицами и приплюснутыми носами. Вместо традиционных кхо на них были грубошерстные халаты. Мне сказали, что это дрокпа, кочевники-скотоводы. Я слышал об этих кочевниках, и мне было очень интересно познакомиться с ними.

Дрокпа проводят всю жизнь на вершинах гор, никогда не спускаясь в долины. Стада баранов, коров, яков и дзо (помесь яков с коровами) обеспечивают их существование. Они все время находятся в движении, следуя странному ритму перегонов: летом идут по хребтам на север, до вечных снегов и ледников на высоте 4–5 тысяч метров, а с приближением зимы начинают медленно откочевывать к югу, примерно на 150 километров, минуя деревни и ночуя на перевалах в палатках из коричневого ячьего фетра.

Таким образом, кочевники Центрального и Западного Бутана остаются все время на одной высоте, меняя лишь широту.

Население Бутана состоит из двух народностей. У каждой свои обычаи и свой диалект. Между тем разделяют их всего несколько сот метров, правда, по вертикали. Единственными постоянными местами привалов кочевников остаются монастыри, там происходит их общение с сельским населением долин. Кочевники платят в монастырях налоги дзонгам и снабжают их молоком, маслом и мясом. Высокогорные жители пасут также королевские стада и скот, принадлежащий крепостям.

Нет нужды говорить, что они практически не имели контактов с чужеземцами. Выглядят они куда более сурово, чем обитатели дзонгов. Каждая долина имеет два склона, и на каждом склоне свое кочевое племя. Таким образом, в Бутане произошло «поэтажное» этническое распределение. Действительно, переваливая через новый хребет, мы всякий раз встречали новых кочевников.

Мне очень хотелось поближе узнать этих практически неведомых миру людей, поглубже проникнуть в их странную жизнь, попробовать понять, что они испытывают, глядя из своего высока на крепкие дома в долинах. Откуда это нежелание смешиваться с крестьянами и знатью — настолько, что даже продукты собственного труда они обменивают при посредничестве монастырей?.. К сожалению, войти с ними в контакт пока не удалось.

Мулы снова навьючены, мы начинаем спускаться по крутому склону в заросшую долину. Туман отступил, и впервые открылась во всей красе массивная стена Черных гор. Колоссальный хребет делит Бутан пополам и тянется почти ровным барьером до самой индийской границы. Через день-два мы заберемся на перевал, чье название то и дело возникало в наших разговорах, — знаменитый Пелела, лежащий на высоте 3300 метров.

Вскоре дорога нырнула в густые джунгли, становившиеся все более мокрыми по мере снижения. Черные горы исчезли из виду. Рядом с тропой зарокотала река, устремлявшаяся в долину. Окрестности стали похожи на верховья Амазонки, которые так любят публиковать иллюстрированные журналы. В воде мокли низкие ветви и стволы срубленных деревьев, опутанные ползучими растениями.

За несколько часов холод вечной зимы сменился удушающей жарой тропиков. Как будто мы за два дня перелетели из пустынных долин Мексики, покрытых кактусами, к

сосновым лесам Альп, сделали по дороге остановку в девственных лесах Новой Гвинеи и оказались в бассейне Амазонки.

С утра не встретилось ни одной деревни, ни единого дома, вообще ни одной души. Вокруг расстился огромный ботанический сад, в котором нас бросало то в жар, то в холод. Нигде в Гималаях мне не доводилось видеть такого растительного разнообразия. В мире вообще вряд ли сыщется столь экстравагантное место — разве что в соседнем с Бутаном Сиккиме. Там ботаники и энтомологи обнаружили редчайшее сочетание деревьев, растений и насекомых. Я лично уверен, что Бутан раскрыл бы природоведам еще более удивительные феномены: топография здесь более вычурна, чем в Сиккиме, а климат поэтому богаче оттенками. Бутан еще ждет своих первооткрывателей.

Природные крайности объясняются редким сочетанием перепадов высот и рельефа, играющих роль естественных «загородок» и «ширм» для дождей и ветров. Так, две лежащие рядом долины резко отличаются флорой в зависимости от того, под каким углом они повернуты к солнцу, а третью долину на той же высоте ветер превращает в пустыню. Теплые ветры несут сюда влагу с Индийского океана и Бенгальского залива. Здесь впервые за тысячи километров они встречают преграду — дождевые облака наталкиваются на непреодолимый барьер бутанских Гималаев. В засушливый Тибет они не проникают, поскольку последние капли падают на южные склоны бутанских хребтов. Западная и центральная части Гималаев менее подвержены действиям муссонов и не столь экзотичны, как Сикким и Бутан.

Мы спускались вдоль «амазонского» потока, поминутно оскользаясь в дождевых лужах, завязая в океане нагретой грязи. Сквозь древесную кровлю слабо процеживался зеленоватый свет, лица задевали лианы. Плотный подлесок из пальм и папоротников скрывал до половины липкие стволы в три-четыре обхвата, обмотанные орхидеями и десятками других паразитов. В этом неистовом мире растения пожирают друг друга. Мулы выглядели не крупнее кошек под сводами зеленых кафедральных соборов; они ступали крайне осторожно, пугливо озираясь на нас. Где вы, песчаные пляжи Мачу, пахучий сосновый ветер, озеро с лотосами и зелень лугов? Неужели мы в самом деле видели их?

Если вам доводилось шагать целый день или несколько дней подряд, то вам, очевидно, знакомо оцепенение, в которое впадает мозг после тяжелой дороги. Я одолевал мило за милей, словно робот, тело механически повторяло одни и те же движения. Мозг подстраивался под этот ритм и уже с трудом отзывался на внешние раздражители. Поэтому я с таким изумлением смотрел сейчас на окружающие декорации. Маленькие пучки травы вдруг сделались родными и близкими — это была единственная привычная деталь в мире тропического буйства.

Первые дни я часто вспоминал мир, оставшийся позади, в Тхимпху, и терявшийся теперь в туманной дымке воспоминаний. Воспитанный в Англии, я с ранних лет полагал, что подлинный мир где-то в другом месте. Многие знают, что мышление англосаксов склонно к мечтательности — возможно, потому, что они проводят четкую грань между работой и удовольствием, отделяя действительность от вымысла. Латиняне, те легко смешивают удовольствия с делами, религию с любовью и действительность с грезами.

Я был воспитан на мечтах, как другие — на бульоне. В результате самые экзотические формы действительности не вызвали у меня ни малейшего восторга: все это я уже успел «просмотреть» в мечтах. Короче, когда в 20 лет я изнемог в мире грез и смог начать наконец собственную жизнь, я потерял способность удивляться.

Я и в Бутан стремился затем, чтобы увидеть наяву страну, давным-давно запечатленную в мечтах.

Некоторые смотрят на путешествия как на бегство от жизни. Для меня они — реальное воплощение вымышленного мира, нарисованного ребячьим воображением; погружение в чудеса, в которые, повзрослев, мы перестаем верить. Сказочные замки заменяются заводами или рабочими столами (что по сути одно и то же), а прекрасные принцессы теряют пряничный флер. Мы сознательно разрушаем свою мечту. Но вот сейчас, во второй половине XX века, здесь, в Бутане, я оказался среди королей, лучников и крепостей, не созданных

фантазией, а живущих реальной жизнью в одном времени с нами.

Мулы плелись совсем понуро. Словно псы в жару, они вываливали языки, с трудом вытягивая копыта из жирной жижи. Тенсинг и Вангду все чаще требовали остановки. Вангду хотел устроить привал прямо на тропе, в джунглях. Но я знал, что впереди где-то есть деревня, и поэтому торопил спутников.

— Долго еще идти? — спросил я Вангду. Тот безнадежно махнул рукой:

— Очень далеко и все время в гору.

Ужасно не хотелось ночевать в тропической долине, кишашей москитами.

— Попробуем дойти!

Я переложил на своего мула несколько тюков, сняв их с его несчастных товарищей по походу, и двинулся впереди каравана.

Довольно скоро тропа отклонилась от берега реки и пошла вверх. Лианы стали потоньше — обычно такие растут в более умеренном климате. Еще выше джунгли исчезли, уступив место соснам. И вот мы вынырнули на альпийский луг. Появилось поле, а за ним белая масса монастыря в окружении деревьев и розовых цветов гречихи. Чуть ниже виднелись несколько домиков, уже затененных начинавшимися сумерками.

Это место называется Миндже, и оно лежит у подножия перевала Пелела...

Гречишное поле дышало свежестью, когда на заре мы покидали дом. Сразу за полем начался густой темный лес. Тропа вначале ползла зигзагами, а потом круто пошла по вырубленному в скале карнизу, поросшему мхом; вода хлюпала под ногами. Сверху спускались замшелые лианы и цепкие воздушные корни деревьев.

Вираз за виражом мы поднимались в мир, где висевшие в воздухе холодные капельки конденсировались, покрывая деревья и камни волглой, словно морские водоросли, зеленью.

Мы оказались в краю вечного тумана. Летом и зимой горы тонут в облачности; деревья растут беззвучно, и даже бег потока приглушает ватное одеяло тумана. Единственные обитатели этого странного уголка — черные гималайские медведи.

Дорога забирала все круче. Под каким углом? Какая высота уже — тысяча или две? Мулы, вытянув шеи, упрямо карабкались вверх, отталкиваясь от каменистой почвы задними ногами.

Сил больше не осталось, и я решил в конце концов сесть верхом. Но из этого ничего не вышло: мул, как и я, хватал воздух ртом и останавливался через десять шагов. Он набирал силы для следующего рывка и вновь останавливался, шатаясь.

На каждом вираже я задираю голову в смутной надежде угадать близкую вершину. Но горы как чайник: тот ни за что не закипает, если сидеть и сверлить его взором. Вершина должна «вызреть»...

Я заметил, что дышится с трудом. Значит, близка отметка «3 тысячи метров». Но каменистая тропа упрямо лезла все выше и выше, виляя между стволами деревьев, чьи верхушки смазывал туман.

К концу четвертого часа мучительного подъема я уловил давно ожидаемые признаки близости вершины: клочки ваты на ветвях кустарников и молитвенные флаги признательных восходителей, поставленные во славу «коней ветра» — воинственных божеств, живущих на горных пиках.

На перевале стояла каменная пирамида, насыпанная поколениями пилигримов, воинов, торговцев и одиноких путников. Это был единственный путь, соединяющий Центральный и Западный Бутан.

Я тоже добавил в пирамиду свой камень и рухнул в изнеможении у подножия, поджидая Тенсинга и Вангду с мулами.

Вот и они. Тенсинг улыбается во весь рот. Вангду жалуется на возраст — с каждым разом перевал дается все тяжелее...

Когда мы втроем встали на гребне Черных гор, туман, словно по мановению волшебства, поднялся, и мы могли полюбоваться местами, оставшимися за спиной. Для меня — навсегда. Насколько хватало глаз, в небо врезались острые пики, покрытые темным лесом.

Бутан — это целый континент, поднятый по вертикали, где люди вынуждены искать убежища в узких щелях долин. Невероятный, трудновообразимый край!

На юго-восток спускались альпийские луга. Я с удивлением увидел, что они засеяны не травой, а крохотными — 15 сантиметров, не больше — ростками бамбука. Твердые столбики сливались в сплошной ковер.

На окраине деревеньки паслись красивые кони; здесь жили королевские пастухи. Пока мы отдыхали на перевале, появились трое мужчин. Они молча полюбовались моими камерами, потом сказали, что утром на бамбуковом поле, совсем рядом с домами, застрелили крупного медведя. Я пошел взглянуть на него. Медведь — черный, с белым треугольником под шеей — был и в самом деле огромен. Тенсинг отвернулся. — Какой грех! — пробормотал он. Душа буддиста страдала от этого зрелища. За перевалом Пелела начиналась территория крепости Тонгса. Это самый крупный из бутанских дзонгов, долгие столетия он внушал страх и уважение.

Пенлопов (правителей) Тонгсы, прославленных воинов, чаще других избирали дебами страны. Так было до 1907 года, когда пенлоп по имени Ургьен Вангчук, дед нынешнего короля, провозгласил себя гьялпо — наследственным монархом Бутана.

Джон Клод Уайт, британский атташе в Сиккиме, был приглашен на коронацию в Пунакху. В церемониальном зале дзонга пенлоп Тонгсы, сидя на троне, по очереди принимал подарки от глав 32 бутанских крепостей и настоятелей главных монастырей.

Уайт рассказывает, что дарители гордо бросали подношения на пол, когда громко называли их имя. Свертки тончайшего шелка из Бумтанга, мешки с шерстью и хлопком, ящики ценнейшего тибетского чая, мешочки с золотой пылью кучей громоздились у подножия трона.

Каждый, вассал преподносил затем королю белый церемониальный шарф. Когда кортеж дарителей иссяк, король и далай-лама благословили котел с пивом, предназначенный для угощения присутствующих. Таков был ритуал признания пенлопа Тонгсы королем всех цитаделей, монастырей, деревень и жителей Страны дракона.

По эту сторону Пелела оставался «новый Бутан» с современной дорогой и строящейся столицей. Дальше лежали иные края — Центральный Бутан, замкнутый со всех сторон высокогорьем, отрезанный от внешнего мира. Здесь свои традиции, свои диалекты, свои нравы.

Как обычно, дорога спускалась вдоль реки. Километров десять мы петляли по берегу, заросшему величественными кедрами.

На околице селений стояли выкрашенные в красное и белое сооружения — молитвенные водяные мельницы. Маленькие цилиндры с заклинанием «Ом мани падме ум» соединены с деревянным колесом, которое крутит поток. При каждом обороте звенит колокольчик. В цилиндрах заложены бумажные листы с молитвами, и каждый круг обеспечивает особые заслуги в следующем перевоплощении тем, кто построил мельницу. Спокойное вращение, сопровождаемое мелодичным звоном, похлопывание деревянных лопастей по воде, пение птиц — все сливалось в концертную сюиту.

Сосны, речка, травянистые лужайки, деревеньки с побеленными домиками вызывали желание писать их на холсте. Я был даже разочарован, настолько окружающий ландшафт был лишен экзотического налета. Подобную картину можно увидеть в любом месте Европы с той, правда, разницей, что панораму здесь не уродовали железобетонные столбы, рекламы и автомашины. Все дышало покоем: трава, кони, деревянные мостики, с которых маленькие бутанцы, бросив играть, следили за нашим приближением. Бубенцы на мулах позвякивали в такт шагам.

В Миндже мне сообщили, что в Тонгсе должен начаться трехдневный фестиваль священных танцев. Если поторопиться, мы успеем попасть туда. Вангду, конечно, начал ворчать — животные устали, а это последнее жилье перед следующим переходом.

— Буду ночевать в палатке, — твердо сказал я.

Да, но у Вангду-то палатки не было... Проблему удалось разрешить с помощью трех

попутчиков, чей караван следовал от перевала за нашим. У них была трехместная палатка, и они согласились приютить товарища.

В половине восьмого мы вышли на очередной — который уже по счету! — карниз над извилинами реки. Там стоял большой чортен — массивное сооружение метров девяти в форме полусферы, увенчанное колокольней. Загадочные глаза, нарисованные на четырех гранях цоколя, пристально смотрели на нас.

В сумеречном свете глаза взирали с высоты с каким-то смутным упреком. Начал накрапывать дождик, и решено было ставить палатки.

Полчаса спустя дождь лил как из ведра, а мы с Тенсингом все еще сражались с упрямой палаткой.

Я купил ее в Риме. Теперь, держа размокшую инструкцию, я пытался разобраться, какие тесемки следует затягивать, а Тенсинг светил фонарем. Колышки то и дело пропадали в гигантских складках зелено-оранжевой материи, рвавшейся из рук, словно парус в бурю. Инструкция скромно уведомляла, что палатка «является самой передовой моделью», оснащенной вместо привычных веревок металлическими «креплениями». Нет нужды говорить, что эти крепления беспрерывно соскакивали с мокрых распорок, катапультируясь в папоротниковые заросли, и, пока мы ползали на четвереньках, дождь щедро поливал нас.

— «Воткнуть колышки», — читал я. — Черт, забыл, как по-тибетски «колышек». Втыкай эту штуковину, — кричал я Тенсингу.

Не понимает.

— «Чакдонг» (металлические палки)! — перевел я. — Толкай их вниз, в землю!

Тенсинг понял. Слава богу, можно залезть внутрь. Но что это? Все ясно: мы вывернули палатку наизнанку...

— Ладно, как-нибудь...

И тут погас фонарь. В темноте я услышал чей-то смех. Вся суматоха и так была отвратительна, но она к тому же происходила на глазах у четырех зрителей. Пока мы героически сражались с инструкцией и колышками, Вангду и трое попутчиков сидели в уютной сухой тибетской палатке, которую они растянула за полминуты.

— Лучше вам ее выбросить, — комментировал Вангду.

Я отступил немного, чтобы окинуть взором «самую передовую модель». Бесформенный мешок с какими-то вздутиями и провалами, весь вымокший, а рядом темная фигура Тенсинга на четвереньках: одна защелка успела ускакать в кусты...

С горечью залезаю под парусину и тут вяжу, что все сделано шиворот-навыворот; дивное итальянское изделие грозит вот-вот рухнуть, и в довершение — вопреки клятвенным гарантиям фирмы — внутренняя часть уже превратилась в маленький бассейн! Перевод с итальянского на тибетский, как видно, оказался неточным...

Я втащил внутрь свои рюкзаки, позвал Тенсинга и внимательно прочитал еще раз инструкцию. Первая фраза прозвучала под аккомпанемент дождя, барабанившего прямо по голове: «Поздравляем вас с тем, что вы выбрали нашу палатку «принцесса»...»

Кончалась бумага совсем уже издевательски: «А теперь желаем вам счастливого путешествия!»

В Европе мне не приходилось иметь дела с палатками, я даже не состоял в бойскаутах. Два моих предыдущих похода в Гималаях сейчас казались верхом роскоши: у меня были носильщики, повар с помощником, а однажды даже посыльный!

Настроение не стало лучше, когда после часа бесплодных попыток разжечь под дождем огонь Тенсинг уведомил меня, что сегодня мы останемся без риса. Последний раз я ел в пять часов утра, целый день мы шли без остановки. Вообще с тех пор, как в Вангдупотранге мне перепала пара яиц, я не ел ничего, кроме риса, посыпанного горчичным порошком фирмы «Колман»; исключение составили несколько размокших лепешек из маниоковой муки...

Я буквально падал от усталости, не было сил даже злиться на судьбу. Под ложечкой сосало от голода. Было уже десять вечера, когда Тенсинг, одолжив у Вангду немного огня, подал мне рис, политый смесью пальмового масла и карри.

— Завтра будем пить чай, — сказал повар, чтобы как-то ободрить меня.

— А почему не сегодня? — спросил я, давась рисом.

— Сегодня очень тяжело.

И вправду, он устал не меньше моего. Ведь я какое-то время даже трясся на муле. Ничего не поделаешь, Гималаи легко не даются.

Я вдруг вспомнил, что экипажи каравелл Христофора Колумба ели в темноте, чтобы не видеть в тарелках личинок мясных мух. Возможно, мне придется их опыт... Тогда я не знал, что подлинными трудностями еще впереди и перевал Пелела будет вспоминаться как райское место.

Мы сидели с Тенсингом, прижавшись друг к другу и лязгая зубами от холода. Я опять забыл взять чайник! Перед каждой экспедицией я клялся себе, что возьму этот ценнейший прибор, но всякий раз с удивлением обнаруживал, что его нет среди уложенных мною вещей.

Десять лет — достаточный срок для того, чтобы подготовиться к бутанской экспедиции, но я оказался на мели. Не взято ничего из того, что так помогает переносить тяготы пути, — ни сухофруктов, ни фляжки с коньяком, ни других продуктов. А ведь фабриканты охотно расфасовывают и выдают — бесплатно! — изделия, заранее облизываясь при мысли, что их кекс с изюмом будут есть у истоков Амазонки или сосать их леденцы в джунглях Новой Гвинеи. Невиданная реклама!

Но не лежит у меня сердце к подобным сборам. Даже мои прошлые экспедиции оснащались не традиционным способом; они выглядели смехотворно в сравнении с 900 носильщиками американской экспедиции на Эверест \$ 600 шерпами англичан. Что-то всегда удерживало меня от излишеств снаряжения; было предчувствие, что каждая вещь и каждая банка консервов помешают достичь подлинной цели походов — узнать жизнь «туземцев» (не люблю этого слова, но употреблю его для наглядности).

Однако в этот вечер, вымокший, дрожащий от холода, голодный, я с тоской смотрел, как в нескольких метрах «туземцы» сидели у огня, с аппетитом поедая сыр, цампу и гречневые блины внушительных размеров. Голод — прекрасное подспорье для воображения, и я стал развлекаться, придумывая себе фантастические меню: омары, фаршированные икрой и обложенные осетриной горячего копчения.

«Нет, нет, — перебил внутренний голос, — лучше бифштекс толщиной четыре сантиметра. А почему только четыре? Незачем жадничать. Пять, шесть... еще толще? Хватит, а то трудно будет резать». Я даже услышал легонький шум, с которым ложка отрывает золотистую корочку суфле.

— Япо шита, япо (очень вкусно, очень), — пробормотал Тенсинг.

— О чем ты? — встрепенулся я.

Ага, рот у него набит мясными шнурками.

— Дай мне немного, — закланчил я.

подавив в себе гордость, делаю глубокий вдох и засовываю в рот два шнурка... Ничего, даже жуется. «Интересно, что это за мясо — як или говядина?» Вопрос остается без ответа, потому что мозг мой уже погружается в сон...

Поднялись очень рано; я хотел попасть в Тонгсу еще до ночи, хотя Вангду и остальные дружно пророчили, что так не получится.

Все утро спускались вдоль реки — это был тот же поток, что стекал тоненькой струйкой с перевала Пелела. Сейчас она обзавелась уже солидным руслом, забитым круглыми валунами. Сосны вновь уступили место безлюдным джунглям; мы попали в турецкую баню, нас окутал зеленый сумрак. Какая резкая смена климата всего за два-три часа!

В полдень быстро позавтракали рисом с чаем; Вангду принес ветку вкуснейших красных ягод.

Было ясно, что при такой скорости движения мулов мы не попадем в намеченный срок в Тонгсу. Ужасно не хотелось опаздывать на фестиваль, который, как мне сказали, начнется завтра. Попробую оставить Тенсинга с Вангду, а сам быстро пойду вперед. Какие-то

опасения оставались: мало ли что может случиться в краю, где не видали иностранцев! Все встреченные мужчины носили на поясе большущие кинжалы, а в Тхимпху меня предупреждали, что у жителей бутанского Востока крутой характер.

Но любопытство возобладало, и я оставил спутников. По предварительным оценкам членов моего каравана, я сумею добраться до ночи в Тонгсу, если пойду в два раза быстрее мулов. С легким сердцем я запрыгал по каменистой траве среди джунглей, зорко поглядывая по сторонам. Воображение легко рисовало медведей, следящих за мной из-за кустов.

Довольно скоро я вышел на открытую поляну, дальше к югу расстиралось ущелье; вдалеке виднелись очертания домиков и ухоженных полей. Я свернул влево.

Деревенька начиналась возле источника, выбивавшегося из-под скалы. У встречных крестьян я справился о дороге — направление было верное. Они сказали, что я должен выйти к чортену на краю возделанного участка.

...Три часа спустя показался чортен; за ним склон нырял в зеленую массу джунглей. Еще через несколько сот метров сквозь деревья далеко-далеко в долине мелькнул белый силуэт дзонга.

Навстречу шел караван. Я поздоровался и спросил, далеко ли до дзонга. Люди посмотрели на меня округлившимися глазами: чужеземец обращался к ним на языке, который они понимали!

— Часа через три доберетесь... А вы один?

На всякий случай я громко ответил, что мои слуги вот-вот появятся, и быстро зашагал вниз по змеившейся дороге.

Чуть дальше я нагнал красиво одетого молодого человека с девушкой, которые вели двух тяжело нагруженных мулов. Они сказали, что следуют в Тонгсу. Я немного прошел с ними, но, поскольку животные явно устали, я ускорил шаг.

Дзонг все увеличивался в размерах. Спуск был настолько крут, что я с тревогой подумал о наших мулах — как они здесь пройдут? Один неверный шаг — и все кончено.

Неожиданно впереди показался мост, подход к которому стерегли две квадратные каменные башни. Настил был сделан из бамбука. Толстенные балки, подпиравшие проезжую часть, образовывали над пенистым потоком арку длиной около тридцати метров.

На той стороне по откосу почти вертикально поднималась длинная лестница. Пришлось замедлить шаг: сердце колотилось так, что готово было выскочить из груди. Неужели доберусь?... Под деревьями уже почти стемнело.

Ловя ртом воздух, вышел на гребень, за которым начиналась гигантская стена. Я дошел до Тонгсы.

Другой дороги не было. Все путники, хотя бы они того или нет, обязаны пройти сквозь крепость.

Над головой послышался какой-то шум: свесившись вниз, на меня смотрели трое солдат. Один вытянул свисток и пронзительно засвистел; второй, с белым шарфом, начал бить в барабан.

Таких почестей я удостоился по случаю прибытия в самый мощный дзонг Бутана.

Открытия в Тонгсе

Узкий портал вывел меня в темный коридор, поворачивавший под прямым углом. Новая дверь — и я оказываюсь на мощенном плитам дворе. Невозможно поверить своим глазам!

Со всех сторон поднимались фасады пяти-шестиэтажных домов. Окна и галереи, выкрашенные в пастельные цвета, смотрели во двор. Слева на ступенях крутой лестницы сидели пятеро мужчин в элегантных зелено-оранжевых кху. На всех были обязательные внутри дзонгов белые шарфы; только тут я почувствовал, до чего изгрядилось мое платье. Правда, я успел побриться, но после четырех часов марш-броска выглядел непрезентабельно.

Во всяком случае не в таком виде мне хотелось предстать перед тримпоном Тонгсы.

Я спросил мужчин, где можно видеть властителя закона. Довольно долго они осматривали меня, наконец один велел следовать за ним. Я поднялся на несколько ступеней и оказался в другом дворе — так сказать, на более высоком уровне. Широкую платформу окаймляли изящные дома, среди которых выделялось большое квадратное здание, равное по величине... всему дзонгу Паро.

Пока я медленно шел за провожатым, за мной следило несколько десятков пар любопытных глаз. Вновь ступени, тесный коридор и новая дверь в толстой стене с узкими бойницами. Мы покинули крепость и очутились на скалистом гребне шириной метров десять, который нависал над речкой. С высоты она выглядела тоненькой белой лентой, а ее свирепый рокот не долетал сюда. Здесь стояло с десятков домиков. В одном из них жил тримпон.

В тесной прихожей толпилась группа мужчин, дружно повернувшись ко мне.

Сквозь дощатые перегородки из соседней комнаты доносились голоса. Судя по всему, разговор шел на приподнятых тонах. Вскоре из комнаты вышел молодой человек. Он сухо потребовал кашаг и тут же исчез. Прошло еще довольно много времени, пока появился другой человек, постарше, и пригласил меня внутрь.

В комнате на покрытых ковром подушках восседали десять мужчин в кхо и двое монахов в тогах. Возле стен в ожидании приказаний застыли слуги. Один из них наполнял чаем серебряные чаши, стоявшие на низеньких столиках перед чиновниками.

С моим приходом повисло молчание. Затем один из присутствующих, в котором я угадал властителя закона, широким жестом открытой ладони показал мне на место против него, рядом с очень полным гостем, меч которого я тут же неловко зацепил ногой.

Все молчали, окидывая меня оценивающим взглядом. Наконец тишину нарушил человек, сидевший рядом с тримпоном: он принялся с выражением читать мой кашаг. Остальные одобрительно закивали головами. Когда чтение закончилось, мне передали чашку тибетского чая. Лед тронулся, когда я поблагодарил.

— Он говорит по-тибетски! — воскликнул хозяин.

— Совершенно верно, — робко откликнулся я.

— Где ваши слуги?

— Они на подходе. Правда, не знаю, смогут ли они добраться до Тонгсы сегодня.

Мне не хотелось вдаваться в подробности. Тримпон подозвал слугу, что-то зашептал на ухо, потом встал, прицепил меч и пригласил меня следовать за ним.

Мы покинули собрание и вышли на скалистый гребень. Несколько минут спустя слуги поставили стол, европейские складные стулья и подали чай с индийскими конфетами. Мы усадились на виду у всех.

Отсюда открывался дивный вид на окрестности. Справа вниз уходил головокружительно крутой склон, слева у подножия дзонга виднелась деревня, а прямо — величественная стена крепости.

Дзонг контролировал торговые пути всей округи; ничего удивительного, что, занимая такое стратегическое положение, дед нынешнего короля — Ургьен Вангчук — сумел установить свою власть над страной. Мне не доводилось видеть более импозантного шедевра военной архитектуры. Громадными размерами он затмевал цитадели времен крестовых походов, которые показывают туристам в Европе.

Входившим и выходившим из дзонга приходилось огибать наш стол, при этом они почтительно кланялись тримпону, складывая руки под подбородком. Трое слуг ожидали малейшего знака повелителя; подходя к тримпону, слуга закрывал рот, чтобы не осквернить своим дыханием господина.

Стоя поодаль, группа крестьян пыталась привлечь внимание тримпона. Наконец, набравшись храбрости, они приблизились и стали жаловаться на несправедливый налог, испрашивая отсрочки. С аристократической непринужденностью, продолжая беседовать со мной, тримпон отправлял свои обязанности.

Волосы его были коротко подстрижены, лицо серьезно. На хозяине был великолепно сшитый тонкий шелковый халат, ниспадавший роскошными складками. От него исходила властная уверенность, которую еще более подчеркивало спокойствие тона. Приятный голос и изысканно вежливая речь отметали даже мысль о каких бы то ни было возражениях.

Ни на одну секунду он не забывал, что на него устремлены все взоры и что в руках он держит бразды правления целой области. Даже лицо тримпона призвано было символизировать власть над тысячами подданных, живущих в окружении высоких гор. Он представлял ту силу, которая затворяла с приближением ночи ворота дзонга, объявляла праздничные дни или мобилизовывала на повинности. Не только хромую лошадь, даже фунт риса нельзя было продать без его согласия.

Но этот человек, сознавая свою громадную власть, выказывал ее крайне сдержанно. Он в буквальном смысле верховодил отсюда — со скалистого гребня у подножия своей крепости — делами провинции.

В странах Запада власть слишком часто прячется за закрытой дверью, ее представляют безликие персонажи в кабинетах, скроенных по стандартному образцу. В Бутане все происходит на миру, и за безграничную власть тримпона и сам король расплачиваются своей личной жизнью. Они никогда не остаются одни, без подданных. У самого бесправного раба есть право видеть, как они едят, пьют и спят; правители и управляемые принадлежат здесь друг другу.

Тримпон — не просто представитель правосудия, порядка и закона, он сам и есть порядок, правосудие и закон. В его лице собраны разом все общественные институты. А поскольку в Бутане мораль и закон представляют одно целое, от властителя закона ждут добродетельной жизни и проявления лучших качеств.

Я объяснил тримпону, что очень хотел попасть на фестиваль священных танцев и поэтому пришел один, мои люди должны появиться завтра. Он был удовлетворен разъяснением и лишь озабоченно спросил, как же я буду устраиваться и питаться.

Чай мы допивали уже в темноте, когда туман наползал из долины на гребень. Тримпон пригласил перейти в дом. Гости уже разошлись.

Тримпон принялся расспрашивать меня о Франции. Я отвечал очень старательно, хотя и чувствовал, что, это похоже на рассказ об иной планете. Как объяснить те или иные вещи?

Тримпон представил меня своей дочери, красивой девушке лет шестнадцати; стриженные волосы придавали ей очень современный вид. Она была одета в длинное, до пят клетчатое платье, скрепленное на плечах чеканными серебряными застёжками. Я бы не отличил ее от привычных мне молодых людей, хотя ей не доводилось ни разу в жизни видеть автомобиль или слышать радио. Она не подозревала о существовании магазинов женской одежды или капризах моды, и, когда она выйдет замуж и будет рожать ребенка, ее не повезут в клинику. И все же ничто или, чтобы быть точным, почти ничто не выделяло ее из среды сверстниц на Западе.

Мы были современниками — она, ее отец и я. Мы абсолютно одинаково реагировали на жалость и сострадание, гнев и неудовольствие. Мы хохотали над одними и теми же вещами и говорили на одном языке.

На Западе часто думают, что игрушки «новой» цивилизации сделали нас другими. Это не так. Разве у этой девушки иные мечты и желания? Она тоже хочет быть счастливой и красивой, любить и быть любимой, болтать с подружками, привлекать внимание. Какое дело, что на бутанке иное платье? Какая разница, что она готовит у очага, а не на электрической плите или что музыка, которая ей нравится, не так ритмична?

Мне не приходилось искать слов, хотя собеседники в Бутане подчас и удивлялись ходу моей мысли. Удивление вызывало лишь качество одежды — я щупал их кху, а они мяли пальцами терилен моих брюк. В остальном все было понятно и просто.

В чем же заключался так называемый прогресс? Где признаки того, что я принадлежу к более «высокоразвитой» цивилизации? Неужели в знании факта, что нитрат серебра чувствителен к свету, что очищенная нефть приводит в движение поршень цилиндра, а

пенициллин убивает микроорганизмы?

Разве мог я сказать властителю здешнего закона, что мы нашли лекарство от людских невзгод, сумели придать более глубокий смысл жизни или способны ответить на все вопросы, разрешить все сомнения, которые обуревают человека равным образом в Бутане, как и в любой другой стране? Рядом с тримпоном Тонгсы я был ребенком, а знания, почерпнутые в Сорбонне и Оксфорде, бледнели в сравнении с его мудростью...

В тот вечер я разделил с тримпоном скромный ужин — рис с пряностями. Это лишний раз убедило меня в том, что, за исключением почестей, связанных с его рангом, жизнь знатного господина ничем не отличается от жизни его подданных и подчиняется тому же полумонастырскому уставу.

Обеспокоенный моим комфортом, властитель закона велел слуге отнести в домик одеяла и ковер. При свете факела я соорудил себе на полу постель и, совершенно измотавшись за день, мгновенно уснул.

Утром, когда я открыл ставни на оконцах, то увидел напротив лужайку с двумя огромными кипарисами и побеленное шале. Там, мне сказали, останавливается король, приезжая в Тонгсу; в этом доме он родился в 1925 году.

Цитадель примыкала к склону горы и кончалась полукруглой башней, выдвинутой вперед, на гребень, где мы восседали накануне вечером с тримпоном. Эта башня называется «тадзонг» (форпост) и вместе с центральной башней и четырьмя бастионами поменьше составляет в плане букву V, причем угол нацелен на гору. Неприступная твердыня сверкала на солнце побеленными стенами, подчеркнутыми широкой красной полосой на уровне крыш.

Где Тенсинг и Вангду? Я отправился к дому тримпона. Возле дверей толпился народ, внутри тоже было множество людей — часть сидела рядом с властителем закона, остальные, стоя, дожидались приказаний.

Мне подали чай. Тримпон отечески поглядел на меня и сказал, что фестиваль начнется через час. Праздник был приурочен к открытию большой ярмарки в Тонгсе — она входила в королевский план включения Бутана в систему товарообмена, при которой можно будет пустить в обращение деньги. По такому случаю тримпон пригласил тибетских торговцев и велел выстроить для них бамбуковые павильоны.

Весть о ярмарке разнеслась по всему району, дойдя до самых отдаленных долин и заброшенных монастырей. Чтобы привлечь в крепость как можно больше людей, тримпон решил устроить представление священных чамов. Это новогодние танцы, в которых духи смерти и зла терпят поражение перед носителями учения Будды. Когда двухдневное «шоу» закончится, лучшие лучники крепости Тонгса будут состязаться в благородном искусстве стрельбы.

Сотни бутанцев уже прибыли в цитадель. Мужчины облачились в свои выходные кхо. Женщины щеголяли в переливчатых шелковых блузках и узких длинных платьях, скрепленных узорчатыми серебряными пряжками, инкрустированными бирюзой. Толпа весело гомонила возле дома тримпона и на поле. Горные лошадки с колокольцами и помпонами из красной шерсти под нарядными седлами, в которых сидели пожилые люди или по двое, по трое ребяташки, степенно прохаживались по гребню. Несколько раз промелькнули кочевники; их грубые одежды из коричневой ячьей шерсти выделялись на фоне праздничных платьев остальных, за пояс были заткнуты большие кинжалы.

Приличия требовали, чтобы я выпил не менее десяти чашек чаю; только после этого можно было встать. Властитель закона, главный интендант, почтенные ламы пешком двинулись к лугу возле новой школы.

Толпа расступилась, пропуская нас, и кортеж во главе с тримпоном приблизился к палаткам нового рынка. Торговцы-тибетцы с длинными косами, заплетенными алыми лентами, приветствовали поклонами именитых граждан и всем, включая меня, вручали подарки.

В первом павильоне, где торговали кофе, торговец преподнес пиалы для «чанга».

Властитель закона отклонил дар, однако главный интендант и я приняли по сувениру. Потом мы какое-то время стояли, глядя, как тримпон вытаскивает из кармана своего пышного кхо горсть конфет и щедро одаривает детишек торговца. Затем перешли к следующему прилавку. В общей сложности их было десять. Прилавки ломились под тяжестью бумтангского шелка, луков и стрел, индийских иголок и тибетского плиточного чая.

Со стороны могло показаться, что это венецианский князь со свитой обходит средневековый рынок.

Рядом с павильонами были раскинута белые шатры. В одном, расшитом красным узором, сидели, подогнув ноги, прибывшие из отдаленных монастырей ламы. Вскоре из дзонга показалась процессия, в которой участвовало около двухсот священнослужителей.

Праздничная атмосфера была повсюду. На краю поля мужчины повязывали бамбуковые шесты зелеными, оранжевыми и красными лентами — эти штандарты будут развеиваться перед навесом, под которым соберется знать. В небольшом шатре, разбитом прямо за павильонами, на столе водрузили портрет короля Вангчука, увив его церемониальным шелковым шарфом. А в дальнем углу, возле хижины, служившей гримерной танцорам, теснилась публика.

Тримпон обходил народ, подавая советы, принимая знаки почтения, коротко отдавая приказания. Ребятишки стайками носились по лугу, приезжие привязывали лошадей к коновязи на склоне. Зубчатые горы выглядели декорацией к спектаклю. Крестьяне, не веря собственным глазам, обходили прилавки, заваленные роскошными товарами. Во всем чувствовалось радостное возбуждение торжища.

Властитель закона пригласил меня сесть по левую руку. Ньерчен, очень высокий, крепкого сложения мужчина в желто-зеленом кхо, занял место справа.

И тот и другой выглядели весьма импозантно: сверкали мечи, с пояса свисали кошель и сумки. Я чувствовал крайнюю неловкость за свой грязный костюм, но переодеться было не во что. С тоской я подумал, что мы, на Западе, вообще потеряли вкус к праздничной одежде. Наши вещи из синтетики выглядят жалким тряпьем в сравнении с пурпурными тогами и новенькими халатами бутанцев.

На середину луга вышла группа девушек — первые танцоры. Очень хорошенькие, с короткой стрижкой, они пели, водя хоровод и прихлопывая в такт ладонями. Зрители стали усаживаться на траву. Праздник начался.

Почетных гостей и меня в их числе стали обносить чаем; кроме того, крестьяне угостили своих именитых граждан персиками. Мне также досталась пригоршня, и я с удовольствием принялся уплетать их — рацион последних дней хорошо давал себя знать.

Внезапно загудели два длиннейших серебряных рога, раздался звон цимбал. Гомон смолк. Все обратили взоры на палатку танцоров. Барабан начал отбивать быстрый ритм.

Из палатки словно молния вырвалось какое-то белое бесформенное существо, за ним — три других. Тишина сковала присутствующих: это появилась грозная смерть — нелепая, отвратительная и вместе с тем величественная. Барабан замедлил ритм; он словно успокоился, породив четыре чудища в масках.

Так начался первый чам. Эти танцы играют в Бутане ту же роль, какую выполняли для средневековых жителей Европы представления «страстей». Чам — мистический спектакль, полный трагизма и глубокого религиозного смысла. В нем рассказывается, какие видения являлись святым ламам, когда они смотрели на жертвенный погребальный костер; мимически изображаются страдания мучеников.

Перед нами были четверо мужчин в белых широких балахонах с рукавами, заканчивающимися как бы громадными перчатками, разрисованными страшными скелетами. Необычно больших размеров маски изображали кошмарные черепа с проваленными глазницами и оскаленными зубами; они были увенчаны тиарами из черепов поменьше.

Танцоры медленно кружились перед нами, кивая черепами. Артисты смотрели не сквозь прорези глазниц, а через широко разверстые рты. Под звон цимбал и рокот больших барабанов они имитировали ужас, который охватывает каждое живое существо перед лицом

смерти. Этот страх преследует души во всех шести гееннах, через которые обязан пройти дух, прежде чем достигнет совершенства, которое зовется нирваной, ибо лишь нирвана способна разорвать адское вращение человеческой жизни на колесе бытия, приводимом в движение богом смерти. Таким образом, свободу можно обрести, только переходя из смерти в смерть.

Целый час все нараставший рокот барабанов заставлял присутствующих хранить ледяное молчание. Обычно эти танцы устраиваются раз в году. По этому случаю священные маски и великолепные костюмы вытаскивают из молелен, воздвигнутых в честь богов войны, — «гунг кхангов»; там в потайных помещениях хранятся символы смерти.

В Стране дракона буддисты, последователи тибетского тантризма и члены древней секты «красных колпаков» верят, что страдания приносят опасные духи, которые смешиваются с людьми, следят за каждым их шагом, поглядывают за всеми поступками и ожидают их смерти, чтобы преследовать их и в будущей жизни. Так продолжается до тех пор, пока праведные поступки и заслуги в последующих перевоплощениях не помогут человеку обуздать свои чувства. Только в этот момент он оказывается в состоянии разорвать земные путы и достичь совершенства Будды — нирваны, в которой личность теряет свои индивидуальные особенности.

Первый танец закончился. Юноши и девушки вышли на луг, образовав два отдельных хора, и затянули старинные бутанские песни.

Мне захотелось посмотреть, что происходит в хижине, где танцоры готовятся к следующему номеру. Тридцать пять мужчин облачились в туники, сшитые из сотен ярко-оранжевых, красных, синих и зеленых шарфов, перехваченных широким поясом; грудь закрывал передник из шелковой парчи. Все танцы исполнялись босиком.

Читатель, по-видимому, поразится, узнав, что все танцоры были «запы» — принадлежащие дзонгам рабы*. Эти люди — потомки пленников, захваченных во время прежних войн, которые вела крепость Тонгса, либо уведенных после набегов во владения южных соседей.

Их «учили» танцам при помощи кнута, но и прежде и теперь праздник был днем их славы. Представление рождалось после долгих месяцев репетиций. Рты и подбородки актеров, торчавшие из-под нижнего края масок, закрывали длинные белые шарфы; смотреть можно было только через ротовые отверстия. Маски, увенчанные высохшими человеческими черепами, представляли жутких демонов с налитыми кровью глазами.

Наконец танцоры выскочили на солнце. Толпа вновь замерла. Несколько часов кряду они выделяли сложные движения под звуки необычной музыки, сражались деревянными мечами с демонами, приседали и выпрямлялись во весь рост, прыгали на одной ноге. Шуршали шелковые туники, ярко переливались краски.

День пролетел незаметно. Зрелище прерывалось лишь краткими визитами к прилавку тибетца, торговавшего пивом. Часам к четырем появился Тенсинг. «Все в порядке, — сказал он, — тюки сгрузили и сложили в бунгало возле дзонга. Вангду ожидает расчета».

Незадолго до окончания праздника властитель закона обратился к толпе. Он высказал пожелание, чтобы торговцы приходили в Тонгсу дважды в месяц — чем больше их будет, тем лучше, а крестьяне пусть несут на базар продукты, которые они желают продать.

На следующее утро мы с Тенсингом отправились в дзонг за провизией. Ньерчена нашли в маленьком помещении возле склада; для этого нам пришлось забраться на четыре лестницы, пересечь два двора и пройти узкий туннель.

Амбар, в который складывают зерно, поступающее в виде налогов от крестьян округи, представлял собой каменный мешок, ньерчен взломал печать на двери. Вдоль стен стояли деревянные лари по шесть метров в длину и полтора метра в высоту. Ньерчен звякнул толстым ключом и открыл замок. Тенсинг взял из ларя шесть бре — больших мер риса. Счет вел один из помощников.

Затем ньерчен подошел к другому ларю, в котором был рис худшего качества. Оттуда он отпустил 50 мер в деревянный бочонок, за которым явились двое монахов. Это

ежедневная порция обитателей монастыря. В углу лежал большой кусок масла. Со строгим видом школьного экзаменатора ньерчен наблюдал, как монахи отрезали от него ломти и взвешивали с помощью каменной гири.

Рядом с амбаром находились прочие склады; двери их были завязаны джутовыми веревками и запечатаны серебряной печатью, которая висела у ньерчена на поясе.

Вслед за интендантом мы спустились по крутой лестнице в его контору. На желтых стенах были нарисованы крупные оранжевые цветы, резные столбы и балки покрыты красным, синим и желтым узорами. Одна стена представляла собой алтарь, напоминавший старинный буфет с несколькими ступенями, на которых стояли изящные статуэтки бронзовых лам. Вся мебель сверкала позолотой.

Ньерчен преклонил колена перед алтарем, после чего уселся, поджав ноги, на ковер перед низеньким столиком. Помощник немедленно извлек из складок своего кхю коричневый бумажный свиток и записал туда количество зерна, отпущенного со склада.

На стене за спиной ньерчена висели шесть дивных мечей в инкрустированных золотом серебряных ножнах. Некоторые были обернуты шелком. Рядом с ними — три кнута. Один сплетен из толстых бычьих жил, другой — из кожаных ремней; у третьего на древке был очень красивый серебряный набалдашник. Я вспомнил с легким ознобом время, когда учился в закрытой школе в Англии — там этот воспитательный агрегат был в ходу. Ньерчен снял самый красивый меч и прицепил его к поясу, пояснив, что делает это по случаю праздника.

Фестиваль должен был продолжиться сегодня. Танцы еще не начались, и я воспользовался паузой, чтобы осмотреть дзонг.

В главном дворе кипела лихорадочная деятельность. В одном углу 30 мужчин в обыденных костюмах приплясывали под аккомпанемент бубна — репетировали перед вечерним представлением. В другом дворе рамджам отдавал приказания толпе крестьян — те сидели на земле, положив на колени мотыги и плетеные ивовые корзины. В воротах показалась цепочка носильщиков, сгибавшихся под тяжестью деревянных балок. Материал складывали у ног плотников, и те ловкими ударами топориков расщепляли балки на доски — шел ремонт молельни.

Взад и вперед сновали посыльные, пронося барабаны, мешки с рисом и охапки соломы.

В дальнем углу я увидел странную фигуру — человека, у которого на шею был надет огромный деревянный хомут. Оказалось, это преступник; голова его торчала из невообразимого воротника так, словно уже была положена на плаху. Заметив мой взгляд, он встал; ноги у него были скованы железной палкой на уровне щиколоток. Человек медленно повернулся и пошел прочь, неловко звеня железом и поддерживая руками свой хомут.

Тягостное зрелище выглядело еще более трагическим оттого, что рядом с мужчиной бежала девчушка лет трех — возможно, его ребенок. К преступнику подошел солдат — не потому, что должен был охранять его, а просто поболтать со старым приятелем. Мне сказали, что закованный преступник тоже был до недавнего времени солдатом, но его уличили в воровстве. Вид этого мужчины в деревянном ярме напомнил мне, что правосудие в современном Бутане действует по средневековым канонам...

Это был не единственный аспект бутанской жизни, восходивший к жестоким традициям древности. Когда я смотрел репетицию танцоров, на площадке появился танцмейстер с кнутом в руке. Какое-то время спустя, сочтя, что один из артистов не проявляет должного старания, он огрел его по спине. Жертва как ни в чем не бывало заняла свое место в ряду и продолжала выделять сложные па, быть может подсакивая чуть выше, чем раньше...

Я был шокирован. Мне приходилось видеть телесные наказания, но уж по крайней мере они назначались за проступок. А тут просто заставляли человека усерднее танцевать! Искусство и насилие — две вещи несовместимые, так мне всегда казалось. Выходит, я ошибался.

Мы, на Западе, сплошь и рядом бываем шокированы физической грубостью и в то же

самое время не обращаем внимания на психологические мучения. Современный человек страшится физической боли, но моральные муки он находит абсолютно «пристойными».

Тримпон Тонгсы рассказал мне много интересного о социальной структуре бутанского общества. Если воспользоваться знаменитым изречением, то здесь все люди равны, но некоторые «равнее» других.

В Бутане нет ни торгового, ни ремесленного сословия. Есть только крестьяне. Нет даже дворянства, за исключением ближайших родственников короля.

Это общество тем не менее разделено на три общественные группы: крестьяне, владеющие землей, — их называют «треба» (налогоплательщики); затем арендаторы монастырских земель — их называют «траба» — и, наконец, дети обеих категорий крестьян, которые не наследуют родительских наделов, а поступают в монашество или идут служить в дзонг.

Первая группа крестьян — треба — владеют не только землей, но и семейными домами. Налоги они платят в форме отчислений от урожая и повинностей дзонгу; иногда эти обработки занимают два, а то и три месяца. Треба составляют подавляющее большинство бутанского населения. Они выбирают деревенских старост, а уже те выдвигают из своей среды рамджама, которого король может назначить на более высокий пост тримпона или ньерчена.

Безземельные крестьяне — траба — тоже умеют свои дома, но трудятся на монастырских землях. Речь в данном случае идет не о монастырях, расположенных в дзонгах, но о бесчисленных обителях, рассеянных по всей стране. Траба не имеют права продавать или передавать свои наделы, однако они вольны обрабатывать их по своему усмотрению, отдавая монастырю в виде ренты солидную часть своего урожая.

Третья группа состоит из тех, у кого нет ни земли, ни дома. Это младшие сыновья, на которых не распространяется право наследования. На их долю остается только служба — богу или королю.

Таким образом, главной поддержкой государства являются землевладельцы — треба. Налог им назначается не с владения, а подушно. Повинности и выплаты натурой (деньги еще не имеют хождения) крайне многочисленны.

Семья не только отдает часть собранного урожая риса, ячменя и гречихи, но еще и поставляет в дзонг дрова; их заготавливают в больших лесах, принадлежащих государству. Крестьянин обязан поставить также в крепость три мешка «домашней земли» — так называют смесь жженой глины с золой из очага, идущую на изготовление бумаги для священных книг. Крестьяне обязаны привезти в дзонг некоторое количество коры.

В каждом доме над лампой-жирником подвешен камень, на котором собирается копоть. Раз в году треба должен принести в крепость полную меру этой копоти — из нее делают чернила. В некоторых районах крестьяне делают масло, но, как правило, оно поступает от кочевников, чьи налоги включают также молоко, мясо и другие субпродукты, такие, как шерсть и кожа.

Налоги различны в каждой долине и зависят от величины надела и количества душ в семье. Ко всему добавляется «улаг», о котором мы уже рассказывали, — извозная повинность, когда крестьянин обязан предоставлять своих лошадей и мулов.

В Бутане нет профессиональных рабочих и специфической торговой прослойки. Таким образом, крестьяне вынуждены сами изготавливать для себя орудия труда и инструменты, ткать материю, делать бумагу и ковать мечи. В каждой семье кто-то специализируется на ремесле, при этом, разумеется, не выключаясь из крестьянской работы. Бутанцы поистине мастера на все руки — плотники, маляры, каменщики, кузнецы, резчики по дереву, красильщики и т. д. Раз в год из каждой семьи отряжается один мужчина для работ в дзонге; там он получает только пищу. Работы могут длиться до трех месяцев, и эта повинность считается наиболее тяжелой. Крестьяне строят крепости, расширяют монастыри, возводят мосты и красят здания, принадлежащие государству.

Согласно народной традиции, все отцовское состояние наследует старший сын.

Младшие дети поэтому остаются без крова и средств к существованию. Они могут стать монахами, как и поступают многие, поселяясь в деревенском или крепостном монастыре; в крепости, кстати сказать, они могут рассчитывать на определенную карьеру, ибо обители играют активную роль в управлении районом. Второй выход — сделаться там же, в дзонге, солдатом, чиновником или кладовщиком. Как и монахи, они получают из крепости питание и одежду, больше ничего.

Существует еще и третий путь для сыновей, лишенных прав первородства: они могут жениться на единственной дочери требы, которой после смерти отца отойдет земельный надел; таким образом, зять сам со временем становится требой.

Младший брат может также войти в дом на правах второго супруга. Обычай полиандрии, с которым я столкнулся в Мустанге, распространен в тибетском мире, но в Бутане он менее популярен. Старший брат, хотя и делит свою жену с младшим, остается хозяином в доме и отцом всех родившихся от такого «тройственного» союза детей.

Наряду с полиандрией в Бутане встречаются и случаи полигамии, когда мужчина заводит двух-трех жен*.

На первый взгляд семейная организация в Бутане, за исключением полиандрии, во многом напоминает средневековую Европу: младший сын становится священником, средние — солдатами или слугами в господском замке, а старший наследует отцовское дело.

При желании человек волен покинуть монастырь или оставить службу в дзонге: они не связаны пожизненным обязательством. К тому же хозяин их — не конкретная личность, а дзонг, то есть государственное учреждение, руководимое, как мы уже видели, выборными лицами крестьянского происхождения. Именно в этом заключена неповторимая оригинальность общественного устройства в гималайском королевстве.

Естественно, как и всюду, здесь есть исключения. В Бутане это запы и ку, как еще называют рабов. Слово «зап» в переводе означает «работник»; они не могут уйти по своей воле из крепости или владеть имуществом. Запы составляют незначительное меньшинство в Бутане. Среди них много выходцев из Дуара. Их нельзя купить или продать, поскольку хозяином является не конкретное лицо, а дзонг, то есть государство. У них есть свои дома, семьи, и они получают пищу вне зависимости от того, заняты работой или нет, больны или здоровы. Ежегодно им выдается по новому кхо.

Одетые в парчу запы танцевали на изумрудной траве под солнцем. Окрестные горы голубели вдали. Пели птицы. Монахи, чиновники, властитель закона, треба, траба, детишки, старики, женщины и сам я — все смотрели и восхищались ими.

На луг выскочил шут-аттара с красным лицом, его комические движения вызывали дружный смех. Он подтрунивал над божествами, вышучивал властителя закона, а потом вдруг подошел и на радость всем присутствующим дернул меня за нос. Да, рабство здесь облечено в яркие краски...

Что, если дать немного воли воображению? Попробуем представить над лавчонками чудовищный дирижабль с рекламными лозунгами, прожектора и ревущие громкоговорители, выровненный бульдозерами луг, срубленные деревья — они «мешают»... Так выглядел бы праздник у нас. И слово «деньги» было бы на устах у всех.

...Фестиваль продолжался. Как и накануне, маски смерти пилились на зрителей, а танцоры кружились вокруг символов всеобщего страха.

Словно в шекспировских трагедиях, шуты разряжали напряжение. Они корчили рожи позади помпезных демонов и передразнивали их походку. Знатные господа смеялись над тем, как шуты пародировали их жесты и манеру держаться, постепенно они становились центром затянувшегося представления. Шуты показали карикатуру на похороны, а под конец изобразили шарж на тримпона. Народ хохотал до слез.

Смех достиг апогея, когда властителю закона, главному интенданту, четверым другим важным лицам и мне пришлось составить ансамбль и исполнить танец. Особенно нелепо выглядел я в бутанском кхо и сапогах фирмы «Моррисон и Таттл».

— Вам не следует надевать кхо, — предупредил Тенсинг, когда я советовался с ним по

поводу своего праздничного облачения.

— А что, это шокирует?

— Нет, нисколько, им понравится, что вы будете в бутанской одежде.

— Тогда почему же?

— Потому что, — ответил Тенсинг, — вы знатный господин, а ваш кхо слишком дешевый и короткий!

Я не обратил тогда внимания на это соображение. Откуда мне было знать, что длина кхо должна соответствовать рангу человека? Кроме того, мне не хотелось говорить Тенсингу, что у меня нет денег на роскошное одеяние, достойное «знатного господина». Лучшее платье делают в Бумтанге из шелка энди, теплого, как мех, и стоит такой халат столько же, сколько мул, — 150 долларов. В среднем женщине требуется полгода, чтобы выткать сложные ярко-желтые, красные и зеленые полосы с белыми значками, символизирующими долголетие...

Наши артистические потуги сменила программа тибетских танцев. Их исполнили торговцы по просьбе властителя закона: тот считал, что коммерсантам тоже должно быть весело, тогда они почаще станут приходить в Тонгсу и базар расцветет.

Со стороны гор поползли тени, пора было заканчивать праздничный день ритуальным танцем, посвященным счастью; его исполнили вместе юноши и девушки. Затем на луг вынесли столик и водрузили на него деревянный чан с ячменным пивом. По краям лежали нарезанные огурцы: в Бутане их едят, как у нас конфеты. Весь фестиваль день тримпон раздавал кружочки огурцов детишкам, усевшимся на земле у ног почетных гостей.

Первую кружку пива под мелодичную песню расплескали по земле — для богов. Следующую поднесли властителю закона: дотронулись медной ручкой до его лба и нацедили несколько капель в ладонь, чтобы он попробовал. Затем пивом обнесли всех присутствующих, танцоров в первую очередь; слуги прикатали еще несколько бочонков с чангом.

Последние звуки смолкли, упала темнота. Лошадей и мулов, прибывших из дальних мест, пустили пастись на луг. Все смотрели на тримпона. Наконец он поднялся и двинулся своим степенным шагом в сторону дзонга.

Тьма сгустилась настолько быстро, что никто не успел зажечь факелов. Властителю закона освещали путь мощным керосиновым фонарем, привезенным из Индии. Он коротко приказал слугам держать его повыше — спуск был крутой и практически невидим в ночи. Тримпон отечески следил за тем, чтобы ребятишки не потерялись и не упали вниз. Он самолично за руку сводил их по ступеням.

Мне вдруг стало ясно, что величественная цитадель, обоюдоострые мечи и все прочее существуют не как институты устрашения, а как символы покоя. Они призваны вселять уверенность и покой в человека, когда над горами спускается непроглядная тьма и холодный мир внезапно становится враждебным. Человеку нужно надежное пристанище, когда он остается один на один с безбрежностью природы...

Наступил рассвет пятого дня моего пребывания в Тонгсе. С четырьмя пони и четырьмя носильщиками мы сделали еще один шаг в глубь времени: выступили в Бумтанг (Сто тысяч долин), сердце Бутана.

Туман стыдливо прикрывал вершины. Дозорные башни исчезли из виду, едва мы перевалили через первый гребень. Впереди был Донгла, один из высочайших перевалов на территории страны. Дорогу жидкая грязь, прихваченная холодом, превратила в самый настоящий каток. К тому же сверху частенько сыпались любопытные камни.

Наконец я с облегчением увидел трепетание флагов на ветру — перевал.

Вокруг, насколько хватало глаз, тесным строем стояли горы. Каньоны и ущелья, образованные эрозией в районе Тонгсы, уступили место альпийским лугам — никакого намека на близкие джунгли. Это край снегов и долгой-предолгой зимы.

По спине пробежал озноб: неужели придется одолеваять все эти кручи? Сумеет ли? Меня предупреждали, что Восточный Бутан — грозный противник, но такого

нагромождения я не представлял.

Однако необитаемых мест на земле нет. В сумерках мы с Тенсингом увидели дымки и бледные силуэты трех монастырей. Вблизи оказалось, что каждый окружен пятью крестьянскими домиками. С той стороны неслись крики, восклицания и какое-то тягучее пение. Легкая пелена поднималась над розовым гречишным полем. На краю его целая армия мужчин — человек сто, не меньше, — мотыжила землю. Они шли развернутой цепью и пели в такт. Это были рабы королевского имения.

Долина лежит на высоте 2700 метров. Нигде не видно и следа рисовых полей, столь характерных для Западного Бутана. Никогда еще картина не была столь похожа на «моментальный снимок» средневековой Европы: быки тянули деревянные сохи, а рядом, погоняя их кнутом, шагали босоногие мужики, одетые в вывернутые медвежьи шкуры.

Женщины смотрели на нас с деревянных балконов. В дома вели ступени, вырубленные в приваленном стволе; на ночь его втягивают наверх, и жилье превращается в миниатюрную крепость. Где можно переночевать? Старики посылали нас от дома к дому, пока наконец какая-то мудрая старуха не согласилась приютить «знатного господина».

Пение возвращавшихся с поля стало громче. Слышался смех. Люди, по-хозяйски перекликаясь, расходились по своим домам. Некоторые стали спускаться вниз, и из тумана выплывали лишь их плечи и головы.

Было по-настоящему холодно, и мы с наслаждением устроились в помещении. Три отверстия в квадратной глиняной печи дышали жаром, оранжевые сполохи освещали комнату. Задрав голову, я увидел массивные почернелые балки. Две стены были сплошь увешаны глиняными горшками и медными таганками; встречались также деревянные кружки и похожие на бочонки ведра.

С потолка свисали кожаные бурдюки с бараньим жиром. Возле двери стояли открытые ушаты с молоком. В углу лежали темно-коричневые медвежьи шкуры — они прекрасно служат не только в качестве теплой одежды, но и как удобная подстилка для переноски тяжестей на спине. А тяжестей приходится таскать немало: воду из реки, молоко с пастбищ, дрова из лесу, зерно на мельницу.

Каждая вещь в доме заслуживает отдельного рассказа: и маленький светильник из глины, наполненный растопленным салом, и круглый камень для сбора сажи (повинность дзонгу), и сотни деревянных колышков, и железные наконечники для сохи.

Старуха оглядела нас с обычной крестьянской недоверчивостью и, похоже, осталась довольна. «Молодой господин», сказала она, может спать в кладовке, а Тенсингу и носильщикам, чьи лошади звенели колокольцами во дворе, места, наверное, не хватит. В этот самый момент мои спутники внесли тюки и металлическую посуду, упряжь и седельные коврики. Старуха молча оглядела наше добро.

— Куда это вы идете? — спросила она.

— В Ташиганг, — гордо ответил я.

Через всю страну, мог бы я добавить. Старуха покачала головой.

— Долгий путь...

Однако после этого она отнеслась к носильщикам с большим состраданием и показала им на темные углы: «Можете спать здесь». Затем повела меня в кладовку. Старинный ключ с трудом вошел в замок, старуха налегла на него всем телом, звякнула пружина, и толстая дверь отворилась.

Мы вошли в темное помещение. Старуха открыла ставни, и слабый фиолетовый свет просочился сквозь маленькое оконце. Кладовка была пуста, если не считать трех бамбуковых корзин с зерном. На стенах, покрытых копотью, ясно виднелись отпечатки человеческих ладоней.

— Зачем это? — спросил я.

— «Она», — буркнула старуха. — Это наш обычай. Пау (колдун), когда мой муж заболел, велел сделать так, чтобы отогнать злых духов.

Старуха, должно быть, не вполне доверяла мне, потому что собрала кое-что с пола,

открыла другим ключом еще одну дверь, поменьше, и спрятала вещи там. Я заглянул через плечо. На потолке в чулане висели сотни лоскутков сушеного мяса, по стенам стояли сундуки с праздничной одеждой — крестьяне надевают ее во время фестивалей или перед визитом в дзонг. Там же хранились соль и бурдюки с жиром.

— Ама (мать), — сказал Тенсинг, — продай нам яиц.

— Нет у меня яиц. Я бедная крестьянка. Попроси еды в дзонге.

— Ну что ты, ама, — ехидно улыбнулся Тенсинг, — у тебя столько жира, что ты лопнешь за зиму.

— Осталась вот пара картошек, — буркнула хозяйка.

Она принесла горсть картофелин. Тенсинг протянул ей новенькую бутанскую монету в полрупии. Старуха улыбнулась, вышла и тут же вернулась с яйцами.

— Для молодого господина, — сказала она, с шумом захлопывая дверь. — А ты, — продолжала она, обращаясь к Тенсингу, — будешь ночевать за дверью.

Я пошел к печке погреть руки.

— Тяжелый у вас груз, — сказал один из носильщиков по имени Дава.

Он бросил на пол седельные коврики, лег на них и принялся шарить в бесчисленных карманах своего кхо. Потом вытащил деревянную кружку и обратился к хозяйке.

— Мать, дай водички.

— Сам сходишь, — отрезала та. — Вода на улице под галереей.

Носильщик остался лежать. За водой отправился другой парень, более покладистый. Дава развязал холщовый мешочек и высыпал в воду какой-то порошок. Это была молотая овсянка — цампа. Подождав немного, Дава принялся вылавливать размокшие катышки и ловко засовывать их в рот.

— Япу ду (все в порядке)? — улыбнулся он, закончив трапезу. И добавил: — Худшее, почитай, уже позади. Завтра пройдем еще один перевал и днем будем в Джакаре.

— Вымой как следует картофелины, потом вымой кастрюлю, налей в нее чистой воды, добавь немного «белой штуки», порежь картофелины на части и доставь кастрюлю на огонь, — проинструктировал я своего кулинара. — Яйца я сварю сам.

— А риса у нас нет? — спросил настороженно Тенсинг.

— Нет, — радостно откликнулся я: наконец-то можно было сменить диету.

— Что? Будем есть одну картошку?

Повар был явно разочарован. В Тибете рис считается роскошью, и только сейчас я понял, что в его глазах наш монотонный режим питания выглядел нескончаемой оргией...

Старуха подкинула в огонь несколько чурок, пламя забило сквозь отверстия в печи. Звон колоколов возвестил о возвращении мужа нашей гостеприимной хозяйки. Привязав лошадей под домом, он прошел по бревну, молча поклонился мне и проник сквозь кладовую на галерею, где стоял грубо сколоченный алтарь. То была домашняя молельня.

Хозяин принялся бить в большой барабан, низко кланяясь трем статуям.

Я умирал от усталости. Но так хотелось все посмотреть! Сколько чудес вокруг, начиная с белых отпечатков ладоней на закопченных стенах, кончая глиняным горшком необычной формы. Тысячелетняя гончарная традиция в районе Бумтанга, быть может, исчезнет через десятилетие, когда сюда завезут алюминиевые кастрюли...

Красота всех этих предметов зиждется на любви, которую вкладывает умелец в свое изделие. Мастера совершенствуют искусство до той степени, когда форма и рисунок превращаются в ритуал, то есть не диктуются ставшей общим правилом нашего производства «функциональностью», а выполняют некую священную роль. Резьба балок, лепка кувшинов,ковка чугунков — все это в своей первооснове было искусством, к которому приступали с песнопениями и молитвами.

Кажется, прошли годы с тех пор, как я покинул Тхимпху, и века, как я оставил Европу, а ведь еще не пройдена и половина намеченного пути.

Дальняя цель как-то отошла на второй план, оттесненная тысячью мелких каждодневных забот. Воспитанный в мире жестких расписаний и телефонов, статистики и

последних известий, я с трудом приспособлялся к неуверенности, характерной для будней средневековья. В нашем мире телеграммы, подробные карты, книги и справочники свели неожиданности до минимума. В Бутане же новизна — доминирующий фактор.

Когда человек отправляется в дальнюю дорогу, он не знает ни когда доберется до места, ни что с ним случится, ни когда его следует ждать назад, ни где будет ночевать, ни что увидит по пути. Завтрашний день несет всегда что-то интересное, к чему надо готовиться. В Бутане нет контор, где можно получить страховой полис, нет бюллетеней по болезни, нет никаких средств, с помощью которых мы пытаемся — чаще всего иллюзорно — уменьшить риск случайностей в своей жизни.

Постоянная неуверенность рождает у людей в Бутане некое смирение перед судьбой. Поначалу его причины трудно понять, но потом они становятся ясными. Вспоминаю, как один тибетец, побывавший в Англии, рассказывал мне, что больше всего его поразило там то, что люди знают, чем они будут заниматься в следующем году. В Англии о будущем говорили как о прошедшем...

Он был прав.

Мы расчертили свое существование на клеточки и убили неожиданность. Этим, на мой взгляд, объясняется скука, на которую жалуется добрая часть жителей Запада. Мы подорвали свою способность бороться с неуверенностью. Поэтому каждый кризис застает нас врасплох и вызывает такую панику. Одно из последствий излишка доверия — это потеря сопротивляемости. Малейший сбой в запланированном существовании порождает слепой страх перед абсурдностью мироустройства. В этом причина всех наших «комплексов», неведомых бутанцам.

В отличие от нас они готовы к неожиданностям и в определенной мере редко подвержены разочарованиям. Они умеют куда лучше нас наслаждаться моментом, принимают жизнь такой, как она есть, и стараются извлечь максимум из счастливого события или выпавшей на их долю удачи.

Мне кажется, вопрос неуверенности — это то, что отличает нас от многих других народов.

И тем не менее, сознавая это, я продолжал беспокоиться. Всегдашняя привычка просчитывать варианты и будущие препятствия не давала покоя. Препятствия чаще всего возникали лишь в моем воображении, безуспешно пытавшемся представить непредвидимое. Кто мог нарисовать мне трудности, которые встретятся в ближайшие недели?

Скажем, наутро я узнал о мелкой неприятности: наши лошади отвязались и куда-то ушли. Три часа носильщики бегали по долине, описывая встречным их приметы, но крестьяне в ответ лишь отрицательно качали головами.

Я, как истый бутанец, решил не переживать, а воспользоваться паузой для подробного осмотра деревни. Дома удивили меня своими размерами; как и в Паро, бросалось в глаза сходство с альпийскими селениями в Европе.

Вообще говоря, предметы хозяйственного быта, которые мы считаем порождением нашей культуры, по-видимому, являются производными окружающей среды. Почему в Бутане люди «изобрели» те же сельскохозяйственные орудия, те же глиняные горшки, те же бочонки и даже ту же архитектуру, которую мы видим в европейских районах со схожим климатом? Индеец или китайца удивили бы в Бутане маслобойки, деревянные седла, кровли домов, форма дверей, лопаты на длинных ручках, величина сохи, сложенный во дворе кизяк и толстобрюхие коровы, никак не похожие на брахманскую породу и водяных буйволов Индии или Южного Китая. Но мне все это было знакомо. Излишне, видимо, говорить, что в прошлом между Западной Европой и Бутаном не было никаких контактов. Гигантские просторы в тысячи километров разделяют Альпы и бутанские Гималаи. Но сходство бросается в глаза в мельчайших деталях.

Довольно часто встречаются утверждения о том, что климат и экология обуславливают развитие цивилизации, но никогда еще я не видел столь яркого подтверждения этому, как в Бутане. Возможно, существует некий инстинктивный «модуль» в том, что мы считаем

разумом, и поэтому все ухищрения нашей технологии по сути являются бессознательным проявлением этого инстинкта, а не изобретениями нашего ума. Я уверен, что, если бы Бутан оставался в изоляции, там непременно появился бы свой Ньютон и со временем бутанцы прошли бы тот же путь развития — не случайно же они изобрели лопаты и сохи, форму кровли и дверей, в точности похожие на наши. В самом деле, почему бутанцы предпочитают лопаты с длинными черенками, в то время как во всей Азии крестьяне пользуются инструментами с короткими черенками? Подобные сравнения можно распространить и на многие другие сферы жизни, даже на общественное устройство, которое куда ближе к европейскому, чем к азиатскому.

Ни в одном другом месте я не чувствовал себя более «дома», чем в Бутане. Здесь в поведении людей я не обнаружил черт, столь свойственных жителям других азиатских стран. В Бутане пересеклись пути Востока и Запада, но я не мог обнаружить свидетельств этой встречи...

Конечно, скажут мне, путешественник всегда склонен сравнивать увиденное с уже известным ему. Знаю. Но здесь я не мог отделаться от ощущения, что я не дивлюсь на чужую страну, а просто новыми глазами смотрю на свою собственную. Исчезли лишь дымная заводская завеса и коммерческий налет, с начала века так искажившие наши ландшафты.

Когда наконец лошади были найдены, мы смогли двинуться дальше на север. Несколько красивых чортенов стояли на кромке соснового леса. Долина, розово-зеленая под солнцем, прижималась к величественным горам.

Одышка, боль в щиколотках и пот на лбу — привычные спутники пешего хождения — вновь давали себя знать. Подъем и спуск заставляют совершенно иначе оценивать пройденный путь.

И вот нам воздалось за труды. На перевале росли высокие кедры — самые царственные деревья на свете.

Подойдя к краю, я увидел внизу перед собой долину Бумтанга.

Конец пути

Да, это была центральная долина Бумтанга и крепость «Белой птицы» — Джакар. Построенная в конце века на развалинах древнего сгоревшего форта, она являет собой типичный пример бутанской военной архитектуры.

Цитадель возвышалась на узком гребне и состояла из мощной полукруглой башни, причем закругленная часть была обращена к уязвимому подходу со стороны гор. Считая башню отправной точкой, дзонг вытянулся на 200 метров вдоль гребня и делился на три части. Первая представляла узкий двор, окаймленный двумя симметрично поставленными домами — то были резиденции властителя закона и главного интенданта. Толстая дверь вела во второй двор, заканчивавшийся четырехэтажной квадратной башней. За ним — третий двор, отданный монахам.

С северной стороны дзонг закрывала мощная зубчатая стена, укрепленная четырьмя башнями и спускавшаяся с круглого склона наподобие Великой китайской стены в миниатюре. Она закрывала подход к колодцу.

Я был наслышан, что здешний властитель закона — «тяжелый человек», и ожидал увидеть грозного, вспыльчивого владыку, а оказался перед сдержанным человеком с изысканными манерами. Вид, правда, бывает обманчив, но мне довелось поглядеть тримпона в деле.

Тримпон в два счета на моих глазах уладил тяжбу между двумя крестьянами, которые едва не кидались друг на друга, размахивая руками перед властителем закона, сохранявшим абсолютное спокойствие. Он выслушал обе стороны со вниманием. Рамджам и слуга помогали ему выпрашивать жалобщиков. Он коснулся всех деталей дела и в конце концов,

судя по блаженным лицам крестьян, сумел примирить их... По крайней мере мне так показалось, ибо я не понимал бумтангского диалекта, который сильно отличается от языка западной части Бутана.

В Джакаре я сумел пополнить свои лингвистические познания. Местный диалект происходит от языка, на котором говорили племена, обитавшие здесь до распространения тибетской религии.

Здесь, в Бумтанге, я впервые встретился с легендами о таинственном короле Синдху Радже. Предание утверждает, что он пришел из Ассама и построил в долине железную крепость в целых девять этажей (очевидный миф).

Этот Синдху Раджа жил, по-видимому, в IX веке, но память о нем сохранилась у благодарных потомков: его портреты и сейчас украшали стены молельни, воздвигнутой на развалинах древнего небоскреба. Легенда гласит, что именно он покровительствовал проникновению буддизма в Тибет, поставлял великому ламе Ургьену Римпоче бумагу местного изготовления для того, чтобы тот записал на ней святое учение.

Бумтанг — самая высокогорная долина из тех, что я посетил. Она представляет разительный контраст с западными районами: окрестные горы какие-то округлые, нет следов выветриваний. Долина очень похожа на Тибетское нагорье, от которого ее отделяет несколько миль.

В прежние времена дважды в год долина становилась местом привала огромного скопища людей: сотни бутанцев отправлялись на север, ко двору далай-ламы, с грузом риса и знаменитых шелковых покрывал местной выделки.

Король Бутана избрал прохладную цветущую долину Бумтанга для своей первой личной резиденции. Над дзонгом стояли два больших дома — владения королевской семьи.

Мне удалось побывать в верхнем дворце «Ламе Гумпа», трехэтажном здании из толстых балок, во внутреннем дворе которого разместились молельня и каменная библиотека.

Как и во всех бутанских жилищах, внешняя строгость дворца контрастировала с пышностью внутреннего убранства. Не осталось ни единой стены или двери, которая не несла бы следов терпеливого труда местных умельцев, покрывших резьбой, скульптурами и позолотой каждую балку, буквально каждый сантиметр поверхности.

Я пришел в «Ламе Гумпа» без всякого приглашения. Стайка девушек у входа прыснула от смеха при виде моей одежды. Слуги окинули меня строгим взглядом, но пропустили. Во дворе оказался элегантный молодой человек, к моему удивлению говоривший по-английски.

Это был домоправитель, друг короля. Ему исполнилось 23 года, и он окончил школу в Калимпонге. Домоправитель разговаривал любезно, хотя и не без некоторой холодности, свойственной всей бутанской знати. Не угодно ли чашку чаю?

— По-английски, — небрежно заметил он.

Домоправитель ввел меня по узкой лестнице в затейливо разрисованную комнату, полы которой были устланы пушистыми коврами, возле стены стоял позолоченный алтарь.

«Чай-по-английски» беззвучно внес оборванный слуга. На подносе кроме чая лежала гора персиков. Вгрызаясь в бархатистую мякоть, я слушал, как молодой человек горделиво повествует о своей родовитости. Закончил он изъяслением надежды получить чин в королевской армии.

Бумтанг — его родина, и он очень любит свой край. Именно сюда 800 лет назад пришли тибетские монахи, принесшие буддийское учение.

Монахи в красных шелковых халатах с молитвенными флагами и мельницами осели в Бутане, дабы обратить народ в свою веру. Не скоро добрались они до живших высоко в горах племен, а в Бумтанге им так и не удалось вытеснить местный язык и традиционное искусство.

Глубокое знание свойств трав и ядовитых корней, умение приготавливать из коры бумагу и искусство стрельбы из лука бумтанцы унаследовали от своих предков — охотников VI–VII веков. И все же первые тибетские монастыри возникли в Бумтанге и долине Паро.

Довольно быстро вокруг этих монастырей сплотилась группа новообращенных. Чудже (монахи) стали элитой, из которой впоследствии выросла бутанская аристократия. Монастыри постепенно превращались из обителей в поместья, росли вширь, набирали мощь, пока не стали цитаделями религии — нынешними дзонгами.

Процесс был схож во всех долинах. Тем не менее каждая сумела сохранить печать индивидуальности: обретала собственных божеств, строила собственные святилища, провозглашала собственных лам и славila своих воинов.

Феодалные раздоры не мешали культурной и религиозной общности страны; она проявлялась в архитектуре и главным образом в традициях и нравах. Военачальники никогда не призывали на помощь чужестранцев. В прошлом, равно как и сейчас, бутанцы были слишком горды, чтобы решать свои споры, прибегая к иностранным посредникам.

«Ламе Гумпа» восхищала сохранившимся до наших дней средневековым блеском. Босоногие слуги, казалось, разыгрывали историческую пьесу времен Франциска I.

Но это не было театральной постановкой, и молодой аристократ в роскошном красном кху был абсолютно серьезен, когда описывал мне обнаруженную в Бутане диковину — растение, являющееся одновременно... червем. Эта трава растет в полях и якобы сама передвигается с места на место. В доказательство он показал мне засушенное создание, действительно похожее на червяка, у которого из головы торчал травяной стебель.

Бесшумный слуга принес блюдо кукурузных хлопьев.

Разговор перешел на политику. Ее хитросплетения казались нереальными здесь, в Бумтанге. Как и много веков назад, монахи били поклоны перед громадной статуей Будды. Через окно я видел неизменившуюся картину: крестьяне, пахущие поле на запряженных в соху быках.

Хозяин провел меня в нижний этаж, где десяток девушек весело болтали за прялками. Эти девушки, так же как и другие ремесленники, жили в имении, получая за свою работу стол и кров. Несколько мужчин в мастерской чеканили серебряные ладанки, которые солдаты надевают на шею для защиты от дурного глаза.

Мне показали связки высушенных корней ядовитых растений; в случае необходимости этим ядом обмазывают наконечники для стрел. Рядом делали луки, склеивая тонкие бамбуковые пластинки и вырезая на них буддийские эмблемы.

Большой дом жил как бы замкнутой жизнью. Но это не был отмирающий дворец, реликвия, вокруг кипела работа. Единственное, что раздражало, — это излишняя самоуверенность молодого домоправителя, демонстрировавшего мне королевское имение как свою собственность.

подавая завтрак в домике рядом с дзонгом, где мы расположились, Тенсинг объявил: — «Желтая штука» потерялась.

Пришлось жевать рис без горчицы. Кукурузные хлопья — вот что надо было купить. Однако, оказалось, их дают только «знатым господам».

И я понял, какая пропасть отделяет мой мир от средневековья.

— Во Франции, — пожаловался я Тенсингу, — можно купить любую еду.

Хотя, честно сказать, что может быть вкуснее спелого персика? А кукурузные хлопья я раньше никогда не любил...

Почти все время в Бумтанге ушло на осмотр монастырей. Вообще со дня прибытия в Бутан я повидал такое количество обителей, молелен и часовен, что потерял им счет; трудно даже представить, сколько их уместается на столь малой территории.

В Италии, да и в остальной Европе деревенские церкви и городские соборы являются главными памятниками искусства, но их нельзя сравнивать с бутанскими монастырями. В любом селении их минимум два, не считая десятка молелен. Каждое здание — свидетельство неиссякаемого таланта крестьянских строителей, каменщиков, художников, резчиков, плотников. Все эти сооружения представляют как бы открытую книгу, по которой можно читать историю развития цивилизации этой затерянной страны.

Я видел повсюду множество строящихся монастырей; мастера покрывали заново

краской и позолотой часовни, резали новые скульптуры, чеканили по серебру и меди. Когда я смотрел на их работу, у меня не было ощущения, что я погружаюсь в прошлое, как на Западе, — нет, я заходил в мастерские, где кипела работа.

Путешественники обычно довольствуются указаниями в путеводителях о том, что данная реликвия далекого прошлого является творением безвестных мастеров. В Бутане тоже есть монастыри, построенные в XVI веке и даже раньше. Но их без конца реставрируют, украшают, улучшают, увеличивают. Здесь еще не получила хождения торговля древностями, потому что прошлое самым будничным образом присутствует в настоящем, а сегодняшнее искусство естественным образом продолжает традицию вчерашнего дня.

Во многих странах народное искусство окаменело и свелось к механическому воспроизведению застывших форм. Достаточно взглянуть на витрины сувенирных лавок в Испании, Индии, Мексике или Швейцарии, чтобы понять: все эти уродливые шкатулки, вазы и прочие поделки превратились в мумифицированные репродукции когда-то высокого, благородного искусства.

В Бутане искусство — не столько средство выражения отдельного художника, сколько отражение коллективного духа. Здания и росписи никогда не являются плодом индивидуального творчества, потому что ни архитектору, ни живописцу не приходит в голову создавать что-то «оригинальное». Творчество, стремление к красоте — всеобщая цель, начиная от женщины, которая прядет какой-нибудь фантастический узор, кончая крестьянином, который на гончарном круге делает кувшин для своего дома. Здесь стремятся внести красоту в будничную жизнь точно так же, как мы, на Западе, стараемся окружить себя комфортом.

Счастье и красота — синонимы в Бутане, и чаще всего эти понятия бывают выражены одним словом. В погоне за счастьем у себя мы сплошь и рядом забываем, что красота входит в него непрменной составной частью. Мы почему-то зарезервировали производство красоты за немногими специалистами — горсткой прославленных личностей, которых все называют художниками. Но разве в состоянии все Пикассо, вместе взятые, прикрыть уродства, окружающие нас повсеместно? Глазу не на чем остановиться там, где представления об «удобстве» и «функциональности» вытеснили красоту и естественность.

В Бутане я стал лучше понимать потерянную гармонию средневекового города, где художественное мастерство считалось просто ремеслом. Его не прятали за музейными стенами, а занимались им ежедневно.

За три дня в Бумтанге мы обошли с Тенсингом всю долину, все окрестные монастыри. Каждый раз я свидетельствовал свое уважение настоятелю, перекидывался шуточками с молодыми монахами. Те при моем появлении дивились моему виду и трогали себя за нос, дабы удостовериться, что он не такой длинный, как у гостя. Я делал записи, фотографировал и старался узнать как можно больше об истории этих монастырей.

В монастыри, как правило, отдают младших сыновей. Они поступают туда в девять лет, поэтому забавно было видеть, как стены, изображающие суровых святых и страшных демонов, оглашаются звонкими ребячьими голосами и смехом. Дети бегают взапуски среди крашенных колонн в залах для торжественных собраний, носятся по крутым лестницам, виснут на балконах, играют во дворе с собаками и кормят ручных голубей. У всех чисто вымытые довольные мордашки; одеты они в красные развевающиеся на бегу тоги.

В Джакаре надо было решать, продолжать ли путь на восток или возвращаться назад. Семнадцать дней прошло с тех пор, как я покинул Тхимпху; давали себя знать недоедание, плохой сон и усталость долгих переходов.

Тем не менее я был преисполнен решимости идти на восток — в самую неисследованную, самую труднодоступную часть Бутана. Душа стремилась в поход, но холодный рассудок противопоставлял ей резонные доводы.

Смогу ли выдержать три недели, питаясь одним рисом?

Муссон еще не кончился, и дороги размыло.

Описание маршрута наводило уныние: сплошные ущелья и перевалы, холод, дождь, снесенные мосты. Все в один голос твердили, что самое худшее еще впереди...

Я размышлял, сидя при свете керосиновой лампы. Бутанские горы кольцом сомкнулись вокруг меня. На карте значились безымянные цитадели — я узнал об их существовании только здесь от властителя закона и старого ньерчена в Джакаре.

Может, не стоит? Я ведь и так достаточно повидал в сравнении с другими визитерами. Но в моменты депрессии магические названия всплывали в памяти как далекие негасимые маяки.

Нет, надо продолжать. Надо посмотреть все закоулки и пометить на карте кружками места, где зияют белые пятна.

Четыре дня спустя я послал Тенсинга к джакарскому тримпону просить лошадей и носильщиков.

Решение принято. У толстого, вечно улыбающегося ньерчена удалось раздобыть две дюжины яиц (большинство оказались тухлыми). Властитель закона отрядил с нами пятерых носильщиков.

Могучей старой деве лет тридцати пяти предстояло возглавить отряд. В него входила хрупкая пятнадцатилетняя девушка с обезоруживающей улыбкой на хорошеньком личике. Она смущенно теребила пальцами цветастое платье и, похоже, была готова исполнить любую работу, за исключением переноски тяжестей. С нею был постоянно ухмыляющийся жених и еще один паренек, помоложе. Завершал парад мужчина лет тридцати на вид, крепкий холостяк, пришедший из далекого монастыря. Я быстро заметил, что громкогласная начальница с пышными формами внушает ему нескрываемый ужас.

При виде такой компании я понял, что дело мое обречено на провал и, кроме неприятностей, ничего не выйдет. Для меня был предназначен молодой пони, почти жеребенок, громко именовавшийся верховой лошастью.

— А есть к ней седло? — спросил я.

— Нет.

При этом было добавлено, что седло можно попытаться раздобыть в пути. На пони явно ни разу не садились; я не решился играть в ковбоев, а попросил попробовать паренька.

— Сами пробуйте, — буркнул тот.

Я рассердился:

— Найдите тогда другую лошадь!

Парень ответил, что ничего не выйдет: все лошади отправлены на пастбище высоко в горы.

Я не боялся ходьбы (слава богу, опыт уже достаточный), но шагать без страховки — верховой лошади или на крайний случай мула — было страшновато. Пять, а то и все шесть дней продлится путь до Лхунци, следующей крепости за перевалом. А перевал этот, судя по описаниям, выше всех, что встречались нам до сих пор.

Пришлось отправиться в дзонг на прием к властителю закона.

— Мне нужна верховая лошадь, — твердо заявил я.

Тримпон в ответ улыбнулся, напомнив мне Пасанга — несговорчивого управителя гостевого дома в Тхимпху. Зная, что только гнев короля заставит действовать местного владыку, я, чеканя слова, сказал, что король распорядился оказать мне всю необходимую помощь.

Тримпона это нисколько не тронуло. Паренек из моей компании, видя, что высшая власть не реагирует, злорадно заулыбался. Я набрал побольше воздуха и добавил, что не двинусь с места, пока мне не найдут верховую лошадь.

— Дайте по крайней мере мула, — подсказал я. В дзонге я видел несколько крепких животных.

— Это королевские мулы, — с почтением произнес тримпон. Иными словами, неприкосновенные.

— Попробую организовать вам что-нибудь завтра, — пообещал он наконец. Я вышел в полной уверенности, что он не ударит палец о палец.

Так оно и вышло. Утром, когда я пришел к властителю закона, он потягивал пиво с высоким молодым мужчиной. Это оказался рамджам округа, который мне предстояло пересечь по пути на восток. Пиво несколько успокоило гнев, и мы сговорились, что я возьму пони рамджам. Он отправится с нами пешком и в первом селении достанет лошадь.

Удовлетворенный, я велел Тенсингу выступать, а сам остался в компании, решив что несколько кружек не повредят. Время, конечно, было не самое подходящее для возлияний: солнце едва встало из-за гор и полдолины еще лежало в фиолетовом тумане...

Когда мы достаточно заправились, рамджам изменил свое мнение по части удовольствий от пешей ходьбы и взял одну из королевских лошадей. Часам к десяти мы уже ехали шагом по тропе, а за нами бежал слуга.

Возле священного леса я попросил остановиться: хотелось сделать несколько снимков бумажной мельницы, которую я посетил накануне. Это была низенькая, сплетенная из бамбука хижина. Двое крестьян выполняли здесь повинность, готовя бумажную массу.

Выделкой бумаги занимаются во всех крупных крепостях Бутана, и это ремесло требует высокой квалификации. В Бумтанге производится большая часть бумаги, на которой не только в Бутане, но и за границей печатают с деревянных матриц священные тексты и трактаты. Бумага слегка бежевая, шелковистая на ощупь, хотя и с пятнами. В Европе мы еще долго царапали бы на выделанных ослиных шкурах, если бы много веков назад в Бутане не сделали первую бумагу из древесной пульпы.

Местный сорт изготавливают из коры низенького дерева, в обилии растущего на окрестных холмах. Содранную кору вымачивают в горном ручье. Затем отделяют внешнюю темную корку. Очищенную кору варят в больших чанах, добавляя в воду золу, порошок обожженной глины, известь и пепел для отбеливания. Вываренная кора превращается в тягучую массу, которую отбивают деревянными колотушками и вываливают в кадку с водой.

Сидя над кадкой и помешивая содержимое широкими деревянными лопатами, бумажных дел мастера вытаскивают затем тонкие слои пульпы с помощью квадратного решета, похожего на китайские шторы из сшитых бамбуковых дранок.

Пульпу раскатывают тонким слоем на деревянной доске: каждая страница бумажного пюре покрывается затем новым слоем и так далее до тех пор, пока примерно тридцать страниц не окажутся собранными в один квадратный блок, который придавливают тяжелыми камнями. Пресс выжимает из пульпы оставшуюся воду, и после просушки получается не единый «кирпич», а стопка готовой бумаги — тонкие листики ее легко разлипаются.

Бутанская бумага помимо всех других качеств не подвержена действию насекомых, так как кора, используемая в качестве сырья, содержит инсектицидные вещества.

Стопы готовой бумаги отправляют в монастыри и канцелярии Бутана. В разных местах с ней обращаются по-разному: разрезают на листы нужного формата, наносят глянец трением о камень, окрашивают в черный или темно-синий цвет, с тем чтобы можно было затем писать золотой и серебряной тушью. По большей части бумагу режут на полосы шириной семь с половиной сантиметров и печатают на обеих сторонах с деревянных матриц, обмазывая их смесью масла и копти.

Оставив бумажную фабрику, мы поскакали через гречишное поле к берегу реки, разрезавшей долину пополам. Арочный мост имел высоту около 25 метров. Перил и ограждений на нем не было, и я удивился, с какой легкостью лошади перешли на ту сторону, нисколько не пугаясь ревущего внизу потока.

К Ташигангу, последнему пункту моего назначения на востоке страны, вели два маршрута. Один легкий — через форт Монгар — занял бы девять дней. Решено было идти вторым путем, северным, через изолированные форты Лхунци и Таши-Янцзи. Меня предупредили, что это очень опасная дорога, самая опасная во всем Бутане.

Чтобы добраться до Лхунци, придется одолеть перевал Рутола на высоте 3600 метров. Затем на отрезке до Таши-Янцзи будут еще два столь же высоких гребня, и, если все пойдет

гладко, через 30 дней я доберусь до Ташиганга.

Итак, мы свернули с торной дороги и поехали по серпантину, который взбирался по крутому восточному склону джакарской долины. Вскоре, однако, пришлось слезть вопреки тибетской поговорке, гласящей: «Лошадь, которая не может довезти мужчину до вершины, не лошадь». (Другая пословица звучит так: «Мужчина, который остается в седле, спускаясь с горы, не мужчина».)

Понадобился час, чтобы достичь хребта, отделявшего нас от высокогорной Долины Ста Тысяч Долин. По ней были рассеяны группы домиков в окружении гречишных полей, сосновых рощиц и пастбищ. При входе в долину виднелось королевское имение Ургьенчулинг — владение мужа сестры короля. Местные жители платят налоги Джакарскому дзонгу и королевскому имению.

После перевала молодой рамджам стал словоохотлив и принялся рассказывать, какие налоги вносят натурой: хлеб, гречиху, дрова, копоть, бумажную кору, золу... Вскоре мы нагнали носильщиков; они встретили нас шуточками, хотя увесистый груз за плечами был способен согнать улыбки и с более мужественных лиц, чем у них.

Туман исчез. Солнце сверкало на острых вершинах, со всех сторон окружавших долину; впереди высился покрытый волнующим таинственным лесом хребет. На севере можно было различить заснеженные пики.

Появление рамджамы возле деревни вызвало оживление. Несколько человек вышли к дороге с глиняными и серебряными кружками. Я не стал отказываться от согревающего напитка. Крестьяне тем временем объясняли рамджаму, почему они опоздали с уплатой налогов в этом году, жаловались на плохой урожай. Большинство крестьян здесь были треба.

В деревне удалось купить яиц. Рамджам продолжал усердно поглощать пиво, пока мы устраивались на ночь в большом доме на заросшем травой берегу реки.

Рамджам сдержал свое слово и наутро раздобыл мне доброго коня. Наша группа увеличилась еще на двух человек — молодая пара попросила разрешения присоединиться к каравану, чтобы одним не подниматься на грозный перевал Рутола.

В шесть утра сделали маленькую остановку в монастыре, который, казалось, висел на крутом берегу прямо над пенистой рекой. Это было последнее жилье — дальше шли необитаемые места.

Группа носильщиков оказалась самой веселой в моей жизни. Раскаты хохота могучей девы, хихиканье девушки, бесконечные шуточки ее жениха и клоунские выходки такого солидного на вид холостяка пять дней подряд оглашали весельем окрестные горы. Ко всеобщему удовольствию, Тенсинг добавлял по каплям свой едкий юмор. Подзуживания и остроты перемежались песнями в течение всего подъема — сантиметр за сантиметром, миля за милей.

Когда пейзаж совсем оголился и остались одни зубчатые вершины, я понял, что веселье было призвано играть куда более серьезную роль. Оно отгоняло страх, против которого нет лучшего лекарства, чем смех. Мы углублялись во враждебный мир, таинственный лес пугал больше, чем пустынные просторы Тибета.

У Рутолы плохая репутация. Для меня перевал был сопряжен с трудностями подъема, но для моих спутников это место было чертогом демонов — не менее реальных, чем каменистая дорога, по которой мы шагали. Здесь, в расселинах перевала, гнездились лу — демоны скал, деревьев и воды. Ни кочевникам, ни кому-либо из отшельников не удалось обжить эту гору. От нее исходила скрытая угроза, сопротивляться которой можно было только одним — веселым смехом; так демоны поймут, что никто из нас их не боится.

Мои спутники знали, что смерть не раз заставляла здесь предшественников. Носильщики оставляли позади не только родную деревню, привычный край — они покидали пределы своего мира. Когда, случалось, смех и песни смолкали, повисала мучительная тишина, невидимые враги настораживались, прислушиваясь к нашим шагам...

К полудню лес сгустился, поглотив нас пахучим сумраком. Треск сухой ветки под ногой рождал орудийное эхо. Мы, не сговариваясь, перешли на шепот, словно боясь

потревожить истинных хозяев здешнего царства.

Лошади и те боязливо прижимали уши, хотя им попросту было неумоготу карабкаться по склону. Я соскочил наземь и стал тянуть своего Россинанта за повод, понукая его, насколько хватало дыхания. Никто не отстал. Каждые пять минут мы собирались в кучу, глядя друг на друга. Очень не хотелось остаться одному за слепым поворотом.

Здесь не было чортенов, благословляющих дорогу, никто не напоминал последующим путешественникам о вере. Даже бутанские монахи, облюбовавшие самые изолированные и недоступные уголки, отказались жить на этих склонах, девять месяцев в году покрытых снегами.

Было еще довольно рано, когда мы вышли на прогалину, где из снега робко выглядывала трава. Горизонт со всех сторон закрыли деревья. Темно-зеленая стена выглядела настолько плотной, что было даже странно, как нам удалось просочиться сквозь нее.

Выше 5 тысяч метров возносились только острые пики. Решили готовить ночлег.

Носильщики поставили мою палатку против своей, собрали валежник для костра — не столько для того, чтобы приготовить ужин (он же завтрак и обед), сколько чтобы отпугнуть медведей; те представляли не меньшую опасность, чем ночные призраки.

Мужчины воткнули у входа в мою палатку две елочки — для уюта.

Неожиданно работу прервал треск ветвей. Все вскочили. Из кустарника вышли два огромных диких яка. Громадные звери были раза в два больше домашних — настоящие бизоны. Густая свалывшаяся шерсть покрывала их целиком, от ноздрей до копыт. Толстенные рога выглядели впечатляюще. Звери выживают здесь, только если сумеют противостоять волкам — так что судите сами... Дикие яки — наиболее почитаемые обитатели тибетских нагорий и лесов Северного Бутана. Только они сохранились здесь, другой скот, по словам носильщиков, погибает, поедая отравленные листья особой разновидности рододендронов.

Я хорошо знал яков по предыдущим путешествиям, знал, что внушительные размеры не мешают им легко прыгать по камням и стремительно нападать; их можно сравнить с оленями, но олени не весят больше тонны!

При виде нас яки стали шумно втягивать ноздрями воздух. Мы сгрудились у костра и ждали, что будет дальше.

Дальше ничего не было. Звери постояли, инспектируя нашу группу, и удалились в свой лес, ломая ветви с треском бульдозера. Мы привязали пони и усадились потеснее вокруг костра, пытаясь отогнать спускавшийся с гор холод.

Женщины нашей команды начали готовить катышки из гречневой муки с водой, которые они приминали затем до формы лепешек и пекли на углях. Это была их единственная пища. Гречка не слывет лакомым блюдом в Тибете и Бутане: считается, что от нее бывают рези в желудке. Но муки голода куда тяжелее резей от гречки.

Покончив с трапезой, мы собрались в палатке носильщиков. Простая холстина, натянутая на деревянных палках и открытая с двух сторон, представляла иллюзорную защиту от холода; к тому же холст не доходил до земли, и мы заткнули дырки выюками.

Девушка запела тягучим голосом. Лица ее не было видно: тьма окутала нас пеленой так, что соседа можно было только чувствовать, но не рассмотреть. Куплет за куплетом баллада разворачивалась в тиши. Это была простая и грустная история, от которой становилось теплее на сердце. Песня смолкла, и тут же надтреснутым голосом затянул что-то свое холостяк.

В тот вечер я с особой отчетливостью понял, сколь хрупки человеческие создания перед безбрежной пустотой мира. Мы могли помочь себе только пением, слабой жалобой, обращенной к мирозданию.

Никогда еще я не чувствовал такой близости с незнакомыми мне людьми. То была уже не просто дружеская привязанность — я всем сердцем полюбил Тенсинга. Он умел подставить плечо в нужный момент, улыбнуться своей чуть-чуть беспомощной улыбкой, и

все становилось на место. Ничто так прочно не связывает, как совместно пережитые тяготы!

Я не страдал от физического одиночества и вместе с тем постепенно терял контакт со своим «я», не находил отклика на знакомые душевные порывы. Мне не доводилось знать себя таким. Какой из этих двух людей настоящий — тот, что сидел сейчас в безлюдных горах у костра, или тот, что жил в шумном городе на другом континенте?

Влажный туман и дождик основательно вымочили палатки, так что складывать их утром было сплошным мучением. Перед выходом я оглянулся: на месте ночлега не осталось ни единого следа пребывания людей. Все вернулось в первобытное естество. Но раздумья под аккомпанемент тягучих бутанских песен оставили в душе след, который, наверное, не изгладится с годами...

Дорога превратилась в ручей, по которому низвергались потоки ледяной воды. Лес кончился только через пять часов; потянулся своеобразный сад камней, где каждый круглый голыш таил опасность для нас и лошадей.

Мы успели промокнуть до костей. Не хватало кислорода, каждый шаг требовал значительного усилия. Бутанцы считают, что на высоте из камней сочатся вредные газы, поэтому там так трудно дышать. Редкие цветы несмело пробивались сквозь мох, покрывавший сырые скалы.

Наконец вот он, перевал. Исхлестанные ветром призрачные флаги темнеют сквозь туман. Ну как не возблагодарить богов за то, что они уберегли тебя от всех превратностей судьбы в жестоких горах! Перевал был высшей точкой, на которую я поднимался в Бутане; он оказался самым трудным не только в этом путешествии, но и вообще за все хождения в Гималаях. Точную его высоту никто не измерял.

Теперь все должно пойти по-иному... Не тут-то было! Спуск выглядел почти отвесной кручей, обрывавшейся на 2700 метров вниз. Полутора суток едва хватило на то, чтобы дойти до восточного подножия Рутала. Нет слов для описания козьей тропы, по которой мы сползали, судорожно цепляясь за камни.

Покинув в полдень перевал, мы до шести часов вечера шагали по ступеням, вырубленным в скале. Копыта лошадей приходилось переставлять руками. Группа разделилась: передние занимались лошадиными ногами, а задние крепко держали животных за хвост. В некоторых местах куски скал грозно нависали над долиной. Если неосторожный жест вызовет их падение... Страшно подумать!

Ландшафт потерял альпийский вид и превратился в хаотическое нагромождение, опровергавшее все законы равновесия. В сумерках набрали на пустую хижину, чудом уместившуюся на выступе. Там мы провели ночь, обессиленные и вымокшие.

Наутро надо было спускаться дальше. Только через шесть часов вошли в тропический лес, где жирная грязь, вязкая тина и тучи москитов никак не облегчили существование. Наконец послышался рокот реки, и к трем часам дня, по-прежнему под сплошным дождем, мы ступили на мост перед входом в деревеньку. Здесь впервые за долгое время встретились возделанные поля.

На полях росла кукуруза, и, несмотря на мои громкие протесты, носильщики тут же начали ломать початки. Для них кукуруза — экзотический плод: она не растет в высокогорных долинах. Мужчины срезали также стебли и высасывали сладкий сок.

«Грабеж» продолжался до тех пор, пока звяканье колокольцев не оповестило о приближении встречного каравана. Из-за поворота показался высокий бутанец с ружьем. За ним шествовал красивый мул, покрытый ярко-оранжевым ковром с голубыми и зелеными полосами. За мулом шагал старик в дорогой одежде, сопровождаемый шестью носильщиками, согнувшимися под тяжелым грузом.

Старик оказался властителем закона Лхунци — одиноко стоявшего дзонга, куда мы направлялись. Я тут же бросился к нему, на ходу разворачивая кашаг. Тримпон прочел дорожную грамоту и сказал, что направляется в Паро на королевский совет, а посему, к глубочайшему его сожалению, не сможет принять меня в крепости, но оставшийся вместо него рамджам исполнит все мои желания.

Тримпон вез королю подарки от глав окрестных племен: великолепные шкуры снежного барса и дивные вышивки — работу мастериц его далекого округа.

Мы пожелали встречным счастливого пути и проводили караван долгим взглядом. Мне было искренне жаль старика, которому предстояло карабкаться на адский перевал. Я бы не согласился за все золото мира еще раз проделать этот путь.

Непогода и просчет веселых носильщиков заставили нас идти весь следующий день без привала. Тропа вилась над речкой километр за километром, пейзаж не менялся — покрытые лесом горы да острые камни. Временами на обочине встречались сосны неизвестного мне вида. Как только вышли к реке, дорога свернула на север. В полдень забрались на невысокий перевал, откуда открывался вид на головокружительные ущелья реки Куру; этот мощный поток, начинающийся в Тибетском нагорье, — один из немногих, которому удалось перепилить Гималаи.

Мы прошагали в тот день 15 часов, миновали, не останавливаясь, несколько деревень. Мой пони захромал, второй, помоложе, просто остановился, так что с него пришлось снять часть груза. Дорога, все время дорога. Когда же появится дзонг? Пять дней назад мы покинули Джакар.

Уже вытягивались вечерние тени. Отчаявшись, я решил обогнать спутников в надежде достичь Лхунци.

...Белые стены показались вдали за поворотом. Крепость была построена на выступе, нависавшем над рекой. Рядом не было ни одного селения, и форт высился как часовая на тропе. Еще полчаса я брел в темноте, часто опускаясь для удобства на четвереньки. Да, носильщики явно не успеют войти в крепость до ночи. Но не оставаться же им на дороге: у нас не было во рту ни капли воды за весь день.

Подойдя вплотную к дзонгу, я услышал пение и воинственные крики: заканчивался праздник стрельбы из лука.

Шатаясь от усталости, я подошел к навесу из ветвей, освещенному факелами, где в окружении слуг сидел рамджам. Около полусотни лучников исполняли воинственный танец, вздымая луки над головой.

Несколько минут спустя я уже сидел рядом с рамджамом, пил пиво из серебряного кубка, а в перерывах между глотками торопливо рассказывал ему, что мне нужно несколько человек — помочь застрявшим на тропе носильщикам. Рамджам не перебивал. Потом коротко сказал, что я могу не беспокоиться, он отдаст распоряжение и, указывая на часовню, добавил:

— Если вы не курите, можете расположиться там на ночлег. К величайшему моему удивлению, носильщики появились буквально вслед за мной. Усталость стерла всегдашнюю их улыбку. Один за другим они подходили к дверям часовни, сбрасывали тюки и валились на пол.

Я попросил рамджаму достать немного арака. Чудодейственный напиток взбодрил моих милых спутников. Они даже распаковали часть груза. Девочка, правда, тут же уснула. Ее жених нашел в себе силы отпустить последнюю шутку. Холостяк пробормотал несколько молитв перед алтарем, затем мы быстро поужинали и, не снимая вымокшей одежды, погрузились в объятия Морфея.

Наутро я проснулся с тяжелым кашлем. Так и есть, температура. Два дня как минимум придется провести в Лхунци.

Расплачиваясь с носильщиками. Мы стали за это время хорошими друзьями, и они не желали со мной расставаться, готовые вместе идти до Ташиганга. Но силы явно были на пределе, а их пони хромали на все четыре ноги. К сожалению, придется распрощаться.

Я понимал, почему они с такой горячностью вызывались сопровождать меня: ужасно не хотелось возвращаться одним через Рутолу. Здесь совершенно чужой для них край, и люди говорят на другом диалекте, не похожем на бумтангский.

Мне удалось получить в дзонге солидный запас риса, и я разделил его с друзьями. Они

очень обрадовались: ведь купить рис нельзя, а в Бумтанге, я знал, он не растет.

На второй день я присутствовал на состязаниях лучников. Мне уже не раз приходилось видеть в Бутане соревнования в этом виде национального спорта. Самые пышные происходили в Тонгсе, но площадка в Лхунци была больше и оборудована куда лучше.

Дзонг вырисовывался массивным силуэтом на фоне обрывистой скалы. Туда вела широкая, выложенная из камней лестница, огибавшая нашу часовню. Она упиралась в дверь квадратного памятника, напоминавшего формой чортен, проходила сквозь него и только тут достигала крепостных ворот. Доступ в дзонг был надежно закрыт.

Рядом с часовней в склоне горы было вырублено специальное место для мишеней, а целились с противоположной стороны рва. Стрелы свистели над пропастью.

В Бутане обычно соревнуются две команды. Каждая стоит позади мишени, в которую целит противник. Площадка имеет ровно 130 метров.

Стрелы делают из крепких стеблей камыша, закаленных на огне. Для соревнований используют медные наконечники, но в боевые стрелы втыкают железные шипы. Луки склеивают из длинных бамбуковых планок; высота лука примерно 1,8 метра. Тетива сплетена из стеблей крапивы, очень похожей на нашу. Позже я убедился, что эта струна куда прочнее нейлона такого же сечения.

Каждый лучник стреляет дважды, попавшая в цель стрела считается за два очка. Если она вонзается на расстоянии, не превышающем длину стрелы от цели, то команде дается одно очко. Состязания длятся целый день и вызывают большой ажиотаж. У команды, естественно, есть болельщики, главным образом девушки, — они воодушевляют «своих» песнями. Пение поэтому не смолкает все время соревнований.

Каждый раз, как стрела попадает в цель, команда противника пускается в неистовый пляс, крутя луки над головой и ударяя ладонями оземь, чтобы сбить удачу.

Воинственные танцы напоминают, что в Бутане стрельба из лука не просто спорт, а военная подготовка и грань, отделяющая состязания от обороны, очень зыбка. Достаточно поднять голову, чтобы увидеть узкие бойницы в массивной стене дзонга. Команды выстроились друг против друга. Интересно знать, мелькнуло у меня, если стрела пролетит мимо, она ведь может задеть кого-то из группы... Так оно и случилось дважды, к счастью, без последствий: широкие кхо из толстой шерсти уберегают соперников от серьезного ранения.

Итак, я сидел рядом с рамджамом, глядя на подвиги стрелков. Но полного наслаждения не было, ибо я начинал чувствовать, что моя «человеческая конституция», по выражению Буало, теряет свою удивительную способность «приспосабливаться к самым неблагоприятным атмосферным воздействиям».

Будь я в другом месте и в другое время, меня бы это мало беспокоило. Но в Лхунци, не фигурирующем на карте, болезнь грозила немалыми осложнениями. Ближайший врач находился теперь в шестнадцати днях пути по скалистым кручам и перевалам, один из которых — самый труднодоступный во всем Бутане. Мне приходилось слышать подобные отзывы и о других перевалах, но Рутола действительно крепкий орешек даже в стране, где горы не в диковинку.

Лежа в ледяной часовне у подножия грозных божеств, мне оставалось в качестве лечения лишь зажечь с помощью Тенсинга светильник. Верный друг, он так хотел, чтобы я поправился как можно скорей...

Вскоре из соседней деревни вызвали молодого пау — так называют в Бутане знахарей-колдунов, которые в отличие от лам лечат не молитвами, а традиционными снадобьями, унаследованными от добуддийской религии бон. Я ужасно обрадовался этому визиту — не потому, что верил в знахарское умение, а потому, что надеялся вызнать некоторые тайны.

Наука врачевания, сказали мне, зиждется на знании духов земли, воды и деревьев. Понятно, что мне не терпелось получить от пау подробности об этих волнующих

персонажах.

Не будучи суеверным сверх меры, я все же отказался от услуг местного тсипа, официального оракула округа, который мог предсказать мою смерть или выздоровление. Бывают моменты, когда лучше не знать наверняка свою судьбу...

Я предпочел обратиться к аспирину и помолиться демонам в часовне, чтобы хворь, которую я подхватил, не оказалась пневмонией, проказой, тифом, холерой или каким-нибудь эндемическим заболеванием, от которых меня предостерегали родственники и знакомые. (В это самое время они сражались с куда более коварными европейскими простудами и гриппами.)

Когда мне стало чуть лучше, я счел необходимым засвидетельствовать почтение настоятелю крепостного монастыря. Это был очень старый и очень мудрый человек. Когда я склонился перед ним в поклоне и преподнес церемониальный шарф с последней авторучкой из запасов для одаривания официальных лиц, он предложил мне чашку чая.

Достопочтенный лама Лхунци недоверчиво повертел в руках прибор для письма и тут же отложил его, чтобы взять следующий подарок — отрез дивного шелка, который преподнес монах из соседнего монастыря. В дальнейшем из беседы мне удалось почерпнуть кое-какие интересные сведения об истории округа и житии наиболее известных лам. Один из них, например, прославился тем, что построил всяческие металлические мосты — единственные в своем роде во всем Тибете и Бутане.

Дзонг Лхунци представляет собой форпост бутанской цивилизации среди дикой природы. Однако, несмотря на суровый военный облик крепости, внутри ее нашлось место для нескольких прелестных часовенок с позолоченными фресками, сверкавшими в мигающем отблеске жирников.

Как и во всех дзонгах, здесь по двору бродил свой закованный преступник. Этот молодой человек изобрел хитроумную систему, позволявшую ему не только передвигаться, но даже бегать с железной штангой между щиколотками. Он подвязал ее веревкой и подтягивал сверху руками.

Оба дня лил дождь. Он не смог погасить энтузиазма лучников и болельщиков, но нисколько не улучшил моего самочувствия: правила вежливости обязывали меня сидеть несколько часов на почетном месте рядом с рамджамом (место, должен сказать, не самое комфортабельное, ибо оно помещалось в непосредственной близости от мишени). Я провожал взором каждую летящую стрелу, с минуты на минуту ожидая, что превращусь в подушечку для булавок, но в последнее мгновение стрелы почему-то проносились мимо и вонзались в цель.

Мои веселые бумтангские носильщики хорошенько отдохнули и двинулись в обратный путь, распевая во все горло. Это были настоящие друзья...

По странному совпадению в тот же день из крепости Таши-Янцзи, следующего пункта моего маршрута, прибыл караван из десятка мулов под водительством молодого человека и подростка лет четырнадцати.

Благодаря помощи рамджамы и магическому действию моего кашага я заключил с главой каравана устный договор, согласно которому он брался отвезти меня с изрядно отошавшим за время путешествия багажом в Ташиганг — конечный пункт следования. До него было всего семь дней и два перевала, в том числе Донгла на высоте 3750 метров (по данным Пембертона). Боюсь, что подробное описание наших пеших хождений уже порядком утомило читателя. Но для истории уточню, что в ту неделю сентября 1968 года в Бутане, Ассаме и Западном Бенгале выпало рекордное количество осадков, даже при том, что в Ассаме их обычно выпадает больше, чем в любом другом месте земного шара... В течение семи дней на рассказчика пролилось не менее влаги, чем на праотца Ноя, уплывшего на ковчеге и оставившего прочую публику тонуть.

С тем чтобы развеять скептицизм читателя, могу сослаться на сообщения газет о том, что на упомянутой неделе в Ассаме смыло все железные дороги. А снесли их вздувшиеся

реки, пронесшиеся до этого через Бутан. В штате Западный Бенгал было объявлено чрезвычайное положение.

Дорога на Тхимпху обрушилась в сорока пяти местах; мост в Вангдупотранге, простоявший четыре века, исчез; оба новых моста в Тхимпху рухнули, а фундамент дзонга оказался под угрозой размыва.

В Индии пострадал знаменитый «Мост коронации» под Дарджилингом (возле западной границы Бутана), шедевр инженерного искусства, через который проходил единственный путь между Сиккимом и остальной Индией; до этого он блестяще выстоял против более пятидесяти муссонов. Джалпайгуру превратился в остров.

На два месяца Бутан оказался отрезанным от остального мира, дорожное сообщение было прервано; названия глухих деревень штатов Западный Бенгал и Ассам появились на первых страницах газет всего мира.

А я в это время карабкался на перевал Донгла. Четыре дня я брел по колено в жидкой грязи, потеряв свои сапоги и добрую часть снаряжения. Мулы увязали настолько, что приходилось руками вытаскивать их копыта из холодного «бетона». Чего я до сих пор не могу уразуметь, — это как почти вертикальный склон горы мог превратиться в болото!

Ночевать приходилось в насквозь промокшем спальном мешке. Иногда палатка просто плыла по грязевому морю. Но сон отгоняли тысячи блох, которых я прихватил с собой в хижине невдалеке от перевала; они накидывались на меня с завидной неутомимостью.

А тропа забирала все круче вверх. Пересекли тридцатиметровый мост из натянутых волокон бамбука — уход за ним требует постоянного присутствия двоих человек, по одному на каждой стороне. Перекрученные бамбуковые тросы не заслуживали ни малейшего доверия и жутко раскачивались над пропастью, но иного выхода не было. Мы чуть не потеряли на этой эквилибристике двух мулов, которые, забыв все правила игры, ринулись вдруг вместе на мост и пали на колени точно на середине. Пока мы выручали животных, бешеный поток под нами гостеприимно пускал пену...

Нечего было и мечтать сесть на мулов — они и так едва брели. Я не уставал так за всю свою жизнь и никогда не был так близок к ощущению, что смерть наступит с минуты на минуту. Тем самым я оправдал бы мрачные предчувствия, посетившие меня в Тхимпху.

Во всем этом не было ни капли героизма. Дорога просто означала борьбу за жизнь, и я шел, падал, отрывая от себя кровососов, и шел дальше, давясь кашлем.

Так продолжалось до вершины Донгла. Так было и на следующем перевале, покрытом зарослями дикого ревеня. Изумив своих спутников, я накинулся на него, как на черную икру. Они сказали, что я еще пожалею об этом.

Но хуже мне не стало, возможно, потому, что хуже себя чувствовать было нельзя. Тенсинг в ужасе закатывал глаза при мысли о том, что я умру у него на руках.

В общем, я думаю, излишне объяснять, что в таких условиях неделя тянется гораздо дольше семи дней и семи ночей, особенно когда позади остались тридцать дней пути по высочайшим в мире горам.

Не надо также, я полагаю, обосновывать, почему все это время из головы у меня не выходили реактивные самолеты, спортивные автомобили, спальные вагоны компании Кука и прочие аксессуары, с помощью которых в других местах планеты люди переносятся за сотни километров с книжкой на коленях.

Я часто возвращался мыслью к пляскам смерти, которые видел в Тонгсе; сейчас они обретали совершенно особый смысл. И тем не менее, несмотря на хворь, я с любопытством обозревал расстилавшиеся вокруг затопленные пространства. Трехэтажные дома Центрального и Западного Бутана остались за хребтом. Мы вошли в край одноэтажных домиков, прилепившихся к краям глубоких каньонов. Крестьяне здесь занимаются подсечно-огневым земледелием: выжигают участки леса и сеют на удобренной золой земле.

Преодолев последний перевал, мы вышли к Таши-Янцзи, маленькому дзонгу, в котором не было даже властителя закона. Как и все бутанские крепости, она стоит в стратегическом пункте — перед мостом через могучую реку Манас, главную артерию

восточной части страны.

Отдохнув немного в цитадели и собрав остатки сил, я поднялся вверх по течению Манаса, чтобы посмотреть на необычное святилище — чортен Дуронг. Слово «Дуронг» означает «отравленная долина». Действительно, в верховьях Манаса свирепствует малярия.

В Дуронге я видел, как знахарь пау впал в транс у постели умирающего, перечисляя демонов, немилость которых тот навлек на себя. Церемония была пронизана трагическим ужасом и казалась поистине демонической. Несчастной жертве не было позволено почтить в бозе: крохотная комнатуха, где он лежал, до краев наполнилась грохотом бубна и пронзительными воплями одержимого колдуна.

Как этнограф я жадно впитывал эти детали. Но как человек я тайне желал, чтобы смерть поскорее облегчила страдания несчастного, которому даже на смертном одре не суждено было познать покой.

...В ту ночь я вновь пронзительно ощутил одиночество — верного спутника моих гималайских странствий. Но вот странно: по мере того как я приближался к концу пути, во мне поднималось желание продолжить его. Если бы время могло остановиться...

Целый месяц слово «Ташиганг» звучало эхом в такт шагам. Оно сделалось своего рода заклинанием, но теперь я уже понимал, что заветная цель означает финиш. Конец десятилетней мечты.

Три дня отнял у нас спуск вдоль реки Манас, дважды приходилось преодолевать ее по качающимся веревочным мостам. Река вздулась, того и гляди грозя лопнуть; она как будто набирала ярости, чтобы в эту неделю привести смерть сотням и разорение тысячам жителей индийских равнин.

Последний мост упирался в откос, на вершине которого стоял Ташиганг — гениальное творение бутанских зодчих, не знающее себе равных в мире, самая прекрасная жемчужина в короне короля Страны дракона.

Я поднялся по лестнице и вошел в ворота дзонга. Незнакомый человек молча пожал мне руку.

Уже одно это европейское приветствие показывало, что я пришел к финишу. Вновь распахнулись врата времени, я возвращался в знакомый мир. Хотя теперь мне был знаком и потерявшийся в другом времени Бутан — это тоже был мой мир.

Человек, с которым я обменялся рукопожатием, был предприниматель-индиец из дорожно-строительной фирмы. Значит, рядом граница.

Грустно! Меня, правда, еще ожидали 200 километров невообразимой дороги между Бутаном и Ассамом. Оттуда через весь штат до Хассимары, где был аэродром.

Но здесь, в Ташиганге, уже писалась новая страница истории Бутана. Вместе с носильщиками я удивленно смотрел на автомобили, мимо которых шлепали наши усталые мулы.

Да, теперь путешествие уже окончательно было позади. Глядя на север и запад — на высокие горы, бесконечные хребты, я с трудом постигал, что был там, в стране, где живут властители законов, великие ламы-отшельники, грозно стерегут тропы дзонги, прилепились к скалам монастыри, а горные потоки крутят молитвенные мельницы.

Мне понадобился 31 день, чтобы покрыть пешком, на лошади и на муле расстояние от Вангдупотранга до Ташиганга. За этот срок я прошагал 650 километров, преодолел шесть перевалов на высоте более 3300 метров. А на карте по прямой это составляло всего 300 километров.

Если считать от дзонга Дукье в верховьях Паро, я пересек Бутан от края до края. С грустью я подумал, что настанет день, когда все увиденное мною промелькнет перед туристом сквозь стекло машины. Но пока я мог разделить с капитаном Пембертоном титул первопроходца этой едва ли не самой удаленной части планеты.

Возможно, только сейчас я понял, что манило меня в течение десяти лет в здешние пределы, что заставило искать в эпоху сверхзвуковых путешествий и космических полетов неизвестные ослиные тропы. Я стремился не только к своей детской мечте. Меня влекла идея

попытаться отыскать на свете место, где человек живет в согласии с самим собой, где цивилизация не обезличивает людей, а красота является мерой счастья. Не считая обильных впечатлений, мне приоткрылись в Бутане новые перспективы моего собственного существования. Я знал, что многое должно измениться во мне, когда я снова окажусь в родных равнинных краях.

Ну а в разодранных и размокших от дождя рюкзаках я увозил более осязаемое сокровища. Мне удалось записать два новых диалекта языка и изучить жизнь доселе неизвестных племен, познать художественные и культурные сокровища, скрытые в течение долгих веков в глубоких ущельях Центрального и Восточного Бутана.

Кроме того, я смог выявить — впервые в подробностях и из первых уст — сложную и оригинальную структуру бутанского общества. Наконец, в активе у меня была карта четких границ этнического и языкового деления страны. К научному интересу, который, несомненно, вызывает Бутан, следует добавить тот замечательный факт, что страна осуществляет сейчас своими собственными силами сложный процесс модернизации. Это безусловно смелый шаг, достойный всяческого внимания.

Я всегда знал, что Бутан — родина гордых и очень умных людей. И я глубоко надеюсь, что современный мир, членом которого он становится, будет уважать его автономию и самобытность, слишком часто приносимые в жертву политическому и финансовому давлению.

Если со стороны кажется, что Бутан с презрением относится к технологической революции, то нам, на Западе, следует помнить, что это происходит не по причине отсталых традиций, а с ясным пониманием того, что технология не решает всех человеческих проблем, а сплошь и рядом ведет к потере духовных ценностей.

— У Бутана много проблем, — справедливо заметил в разговоре со мной один властитель закона и добавил: — Но нет ни одной, с которой бы мы не смогли справиться сами.

Благодаря дальновидному введению системы свободного (нерелигиозного) образования, организации действенной медицинской помощи в самых удаленных уголках страны и осторожному преобразованию своей экономики Бутан продемонстрировал, что перемены следует проводить с учетом давно сложившихся духовных и общественных идеалов.

Я лично не считаю, что Бутан может преподать некий урок остальному миру. Но я также не думаю, что мы можем многому научить бутанцев. Мне хочется лишь, чтобы этот объективный по мере сил рассказ о путешествии, которое я затеял один, на свою ответственность, без чьего-либо приглашения, не будучи никем отряжен или уполномочен, смог приподнять завесу, туманящую наши умы, когда на Западе нам случается вспомнить об этой далекой стране, где в невозможных горах живут короли, вольные крестьяне и ламы.

Послесловие

Географ, историк, этнограф и лингвист Мишель Пессель выбирает для своих путешествий малоизвестные уголки планеты. В возрасте 23 лет французский студент открыл в тропических болотах полуострова Юкатан, в Мексике, 14 забытых городов индейцев майя — редко кому выпадало на долю такое археологическое счастье! Пессель написал об этом прекрасную книгу «Затерянный мир Кинтана-Роо», уже известную советскому читателю («Мысль», 1969).

После Мексики — Гималаи. Мишель Пессель изучил тибетский язык, совершил восемь путешествий по гималайским странам. И вновь его странствования принесли двойной урожай: научные открытия и путевые записки, написанные с редкой увлекательностью и честностью.

Бывшее королевство Мустанг (сейчас оно является одним из административных районов Непала) он прошел пешком из конца в конец. История Мустанга стала темой его докторской диссертации, которую молодой ученый защитил в Сорбонне в 1968 г. Книга Мишеля Песселя о Мустанге вообще первая работа, написанная об этом уголке планеты. Книга о путешествии в Бутан — первая в нашем столетии. Обе они, естественно, поэтому вызывают читательский интерес. Но для нас помимо чисто познавательных и литературных достоинств привлекательна еще позиция автора. «Путешествие — это вовсе не километры расстояний, — говорил М. Пессель в интервью парижскому еженедельнику «Экспресс». — Это прежде всего человеческие контакты. В горах у меня остались верные друзья: я говорил на их языке, жил их заботами.

Многие путешествуют для того, чтобы отыскать за тридевять земель то, чего не находят вокруг себя. Они погружаются с головой в экзотику, потому что оказались не приспособленными к своему собственному окружению. Я не из таких. Путешествие для меня не бегство, а движение к цели. Мое стремление — заниматься все время новым, но заниматься основательно. Именно это позволило сделать открытия, которые связывают теперь с моим именем.

...О своих походах я никогда не думал в терминах рентабельности или выгоды. Что говорить, искушение велико, ведь прочное материальное положение обеспечивает независимость. Однако если за него нужно заплатить лучшим, что есть в тебе... нет, это все же не для меня».

Мишель Пессель не скрывает разочарования в западном «обществе потребления». Идея личного обогащения, по его мнению, неспособна увлечь современную молодежь в силу полнейшей бездуховности. У самого себя автор ценит поэтому способность отказываться от предвзятого мнения, от груза внушенных понятий. И это ему действительно удалось: книги французского путешественника свободны от ходячих буржуазных предрассудков, полны симпатии и участия к той другой жизни, а люди гор, с которыми он встречался, освещены подлинной человеческой доброжелательностью.

Автор сообщает множество колоритных подробностей, умело описывает виденное, но, как подлинный ученый, никогда не приукрашивает действительности. Его книги могут служить первоисточником сведений о тех местах, где он побывал.

Опираясь на достоверные факты, М. Пессель опровергает идиллические картины «горного рая», которые в погоне за экзотикой расписывают непритязательные литераторы. Его исторические очерки основаны на изучении подлинных документов, найденных им самим в горных буддийских монастырях и введенных в научный оборот.

Рассказывая о гималайском регионе, М. Пессель прямо осуждает колонизаторскую политику Англии и сочувственно отзывается о борьбе местного населения за национальную независимость. Гималайские королевства сумели сохранить самобытную культуру, являющуюся неотъемлемой частью общечеловеческой культуры нашего времени. Этот факт следует подчеркнуть особенно. Жизнь простых людей всегда привлекала внимание путешественника, где бы он ни был. Пессель искренне стремится понять их, не смущаясь разницей в условиях и привычках.

Средневековое общество, сохранившееся до XX столетия в Бутане практически без перемен, напоминает автору средневековую Европу больше, нежели собственно восточные страны. Однако для путешественника-ученого жизнь в бутанском обществе не экзотична, а исторична.

Ожившее средневековье не вызывает у Песселя экзальтированных возгласов, напротив, он стремится найти в нем источник равновесия, позволившего этому обществу сохраняться столь долгое время, понять его систему ценностей, стремления и желания людей, весь круг их существования, обусловленный суровой гималайской природой и заостренным социальным устройством. Пытливость и готовность к пониманию чужого мира — одно из лучших качеств подлинно научного подхода, в полной мере присущего автору.

Публикация книг Мишеля Песселя по этой причине заполняет ощутимый пробел в

литературе по географии, этнографии и истории Центральной Азии. Обе книги М. Песселя посвящены Одному региону, связанному общностью культуры, и естественно объединены в настоящем издании.

Путешествуя по Мустангу в 1964 г. и по Бутану в 1968 г., М. Пессель описал общественные отношения, которые прямо на глазах уходят в прошлое и делаются историей. Бутан в 1971 г. стал членом ООН. У него есть теперь денежная единица — нгултрум; во время пребывания М. Песселя ее еще не было: население жило натуральным хозяйством. В июне 1974 г. состоялась торжественная коронация нового монарха Бутана — девятнадцатилетнего короля Джигме Сингай Вангчука. На церемонии присутствовали представители великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН, президент Индии В.В. Гири, свыше двухсот иностранных гостей, множество журналистов.

Король в своей речи обещал продолжать начатый его отцом процесс постепенной демократизации страны. Был отменен обычай для подданных простираться ниц при появлении короля. В Бутане уже построено полторы тысячи километров улучшенных дорог, в стране действуют около двухсот школ, где учится примерно 18 тысяч детей.

Бутан имеет Договор о вечной дружбе с соседней Индией, которая оказывает королевству эффективную помощь в реализации планов развития. Гималайские королевства стоят сейчас в начале долгого пути, ведущего в современный мир, но они уже вышли на эту дорогу.

Автор обладает незаурядным писательским дарованием. Во Франции его книги были удостоены литературных премий «Верите» и «Кастекс». Писатель умеет придать наглядность своим путешествиям, не пропуская ни мелких бытовых деталей, ни величественных гималайских пейзажей, которые так прекрасны на взгляд, но так тяжелы для пешего каравана. Автор наблюдателен и добродушен, его не оставляет чувство юмора ни в тропическом зное долин, ни в холодные ночи на высокогорных перевалах. Однако легкость изложения не заслоняет того огромного труда, который вложил ученый-путешественник в деятельность, ставшую целью его жизни. Это не туристские записки, не репортаж журналиста. Это именно хождения, причем по местам, где Мишель Пессель по праву стал первопроходцем.

Уже после выхода в свет этих книг М. Пессель впервые в мире поднялся вверх по притокам Брахмапутры на аэроглиссере до подножия Аннапурны. Это было опасное плавание, на которое еще не отваживался никто. Так что его гималайские странствования продолжаются.

Подчеркнем еще, что все свои путешествия Пессель организовывал самостоятельно, без чьей-либо финансовой поддержки, которая всегда налагает известные обязательства.

Книги Песселя знакомят нас с природой и людьми Гималаев, с мужественным и волевым путешественником, с историей, нравами и обычаями этих далеких мест. Жажда познания, дерзновенное стремление к неизведанному, стойкость в лишениях, умение преодолевать препятствия — вот еще о чем рассказывают они.

Книги М. Песселя расширяют наше представление о многообразии современного мира. Читатель, который вслед за автором совершил путешествие в Мустанг и Бутан, переносится не только за десять тысяч километров, но и в другую историческую эпоху. Он не только увидел горы и храмы, хижины и дворцы, придворных, монахов и крестьян, но и почувствовал глубокое убеждение автора в единстве всего человечества, где бы ни жили народы, разделенные расстояниями, языком, культурой, социально-историческим развитием. И этот гуманизм, составляющий основу мировоззрения М. Песселя, диаметрально противоположный нередко встречающемуся на Западе надменному третированию «отсталых» стран и народов, несомненно найдет отклик и понимание у советского читателя.

А. Желоховцев

МИШЕЛЬ ПЕССЕЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЯ
В МУСТАНГ
И БУТАН